

2025. Т. 17. № 3

ISSN 2219-6242 (Print)

Научный журнал
**СОЦИОЛОГИЯ
и право**

ISSN 2219-6242 (Print)

DOI 10.35854/2219-6242

Научный журнал
СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

2025. Т. 17. № 3

Scientific Journal
SOCIOLOGY AND LAW

2025. Vol. 17. No. 3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Е. В. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

*директор Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики,
доктор юридических наук, доцент*

Заместитель главного редактора

А. Б. ЧЕРНЫХ

*доцент кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского университета
технологий управления и экономики, кандидат социологических наук, доцент*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Г. А. о. АГАЕВ

*профессор кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного
университета аэрокосмического приборостроения,
доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)*

В. БЕРГМАНН

*член ученого совета Европейской академии наук
и искусств, доктор права, профессор
(Берлин, Германия)*

А. А. БЕСЧАСНАЯ

*профессор кафедры государственного
и муниципального управления Северо-Западного
института управления — филиала Российской
Академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, доктор социологических
наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)*

В. М. БОЕР

*профессор кафедры гражданского права Института
технологий предпринимательства и права
Санкт-Петербургского государственного
университета аэрокосмического приборостроения,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный
юрист РФ, почетный работник высшего
профессионального образования РФ
(Санкт-Петербург, Россия)*

С. С. БРАЗЕВИЧ

*профессор кафедры международных отношений
и политологии Санкт-Петербургского
государственного экономического университета,
доктор социологических наук,
кандидат исторических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)*

Н. В. БУТЕЛЬ

*профессор кафедры гражданского и международного
частного права Ленинградского государственного
университета имени А. С. Пушкина,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
(Санкт-Петербург, Россия)*

И. И. ЕЛИСЕЕВА

*главный научный сотрудник Социологического
института РАН — филиала ФНИСЦ РАН,
член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ
(Санкт-Петербург, Россия)*

Н. Н. ЖИЛЬСКИЙ

*заведующий кафедрой правового регулирования
градоостроительной деятельности и транспорта
Санкт-Петербургского государственного
архитектурно-строительного университета,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
(Санкт-Петербург, Россия)*

Е. А. КЕЧИНА

*профессор кафедры социологии Белорусского
государственного университета, доктор
социологических наук, профессор
(Минск, Беларусь)*

В. А. КЛИМЕНКО

*советник Исполнительного комитета СНГ,
доктор социологических наук, кандидат
экономических наук, профессор (Минск, Беларусь)*

С. Ю. КОСАРЕВ

*профессор Высшей школы юриспруденции
и судебно-технической экспертизы Гуманитарного
института Санкт-Петербургского политехнического
университета Петра Великого, доктор юридических
наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)*

Я. А. МАРГУЛЯН

*профессор кафедры социологии и управления
персоналом Санкт-Петербургского государственного
экономического университета,
доктор социологических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)*

А. А. МАРКОВ

*заведующий кафедрой международных отношений
и политологии Санкт-Петербургского
государственного экономического университета,
доктор социологических наук, кандидат юридических
наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)*

Ю. В. МИШАЛЬЧЕНКО

*профессор кафедры государственного
и международного права Санкт-Петербургского
государственного морского технического
университета, доктор экономических наук,
доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)*

С. М. ОГАНЕСЯН

*профессор кафедры гражданского права и процесса
Санкт-Петербургского университета технологий
управления и экономики, доктор юридических наук,
доцент (Санкт-Петербург, Россия)*

Н. Н. ПОКРОВСКАЯ

*профессор кафедры связей с общественностью
и рекламы Российского государственного
педагогического университета имени А. И. Герцена,
доктор социологических наук,
кандидат экономических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)*

Е. В. СИЛИНА

*профессор кафедры гражданского процессуального
права Северо-Западного филиала Российского
государственного университета правосудия
имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук,
доцент (Санкт-Петербург, Россия)*

А. Г. ТЮРИКОВ

*заведующий кафедрой социологии факультета
социальных наук и массовых коммуникаций
Финансового университета при Правительстве РФ,
доктор социологических наук, профессор
(Москва, Россия)*

В. Б. ШАБАНОВ

*заведующий кафедрой криминалистики юридического
факультета Белорусского государственного
университета при Правительстве РФ, доктор
юридических наук, профессор (Минск, Беларусь)*

SOCIOLOGY AND LAW 2025. Vol. 17. No. 3

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

E. V. VOSKRESENSKAYA

Director of the Juridical Institute of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

Deputy Editor-in-Chief

A. B. CHERNYKH

Associate Professor at the Department of Criminal Law and Procedure of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, PhD in Sociology, Associate Professor

---

EDITORIAL COUNCIL

G. A. o. AGAEV

Professor at the Department of Public Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

W. BERGMANN

Member of the Senate of the European Academy of Sciences and Arts, Doctor of Law, Professor (Berlin, Germany)

A. A. BESCHASNAYA

Professor at the Department of State and Municipal Administration of the North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Social Science, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)

V. M. BOER

Professor at the Department of Law of the Institute of Entrepreneurship Technologies and Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

S. S. BRAZEVICH

Professor at the Department of International Relations and Political Science of the St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Science, PhD in Historical Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)

N. V. BUGEL

Professor at the Department of Civil and International Private Law of the Pushkin State University of Leningrad, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

I. I. ELISEEVA

Chief researcher of the Sociological Institute of the RAS — branch of the FCTAS RAS, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

N. N. ZHILSKIY

Head of the Department of Legal Regulation of Urban-Planning Activities and Transport of St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

E. A. KECHINA

Professor at the Department of Sociology of the Belarusian State University, Doctor of Social Science, Professor (Minsk, Belarus)

V. A. KLIMENKO

Advisor of the CIS Executive Committee, Doctor of Social Science, PhD in Economics, Professor (Minsk, Belarus)

S. Yu. KOSAREV

Professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

Ya. A. MARGULYAN

Professor at the Department of Sociology and Personnel Management of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

A. A. MARKOV

Head the Department of International Relations and Political Science of the St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Science, PhD in Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

Yu. V. MISHALCHENKO

Professor at the Department of State and International Law of the St. Petersburg State Maritime Technical University, Doctor of Economic Sciences, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

S. M. OGANESYAN

Professor at the Department of Civil Law and Procedure of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)

N. N. POKROVSKAIA

Professor at the Department of Public Relations and Advertising of the Herzen University, Doctor of Social Science, PhD in Economics, Professor (St. Petersburg, Russia)

E. V. SILINA

Professor at the Department of Civil Procedure Law of the North Western branch of the Lebedev Russian State University of Justice, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)

A. G. TYURIKOV

Head of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Social Science, Professor (Moscow, Russia)

V. B. SHABANOV

Head of the Department of Criminology of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor (Minsk, Belarus)

Редакция

Руководитель Издательско-полиграфического центра О. Н. ТОДОРОВА
Выпускающий редактор В. В. САЛИНА
Редактор-корректор Е. С. ЧУЛКОВА
Компьютерная верстка М. Ю. ШМЕЛЁВ
Подписка и реализация А. А. ЦВЕТИКОВА

Учредитель и издатель

ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»

Адрес редакции и издателя

190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а. Тел.: +7 (812) 449-08-33.
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором),
регистрационный номер ПИ № ФС77-67818 от 28.11.2016.

ISSN 2219-6242 (Print)

© Все права защищены.

Сайт журнала: <https://spbume.elpub.ru/jour/>

Типография

Издательско-полиграфический центр
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики,
190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а

Подписка

Каталог АО «Почта России». Подписной индекс: ПП620

Издается с 2009 г. Периодичность: четыре раза в год. Свободная цена.

По вопросам приобретения обращаться в издательство СПБУТУиЭ

Формат 84×108¹/₁₆.

Дата выхода в свет 03.10.2025.

Бумага офсетная.

Уч.-изд. л. 9,5. Усл. печ. л. 16,17.

Тираж 51 экз. Заказ № 2085.

Уважаемые авторы и читатели журнала!

Журнал «Социология и право» включен в перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнениями авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Социология и право» обязательна.

Статьи журнала включены в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в сети Интернет по адресу <https://elibrary.ru/> (научная электронная библиотека). РИНЦ — база данных, содержащая библиографическую информацию, извлеченную из текста статей, а также пристатейных ссылок (списков литературы).

Editorial Team

Head of Publishing and Printing Center O. N. TODOROVA
Managing Editor V. V. SALINA
Copy Editor E. S. CHULKOVA
Pre-Press M. Yu. SHMELEV
Subscription and sale of publications A. A. TSVETIKOVA

Founder and Publisher

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

Official address of the Editorial Office and Publisher

44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia. Phone +7 (812) 449-08-33.
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Reg. ПИИ No. ФС77-67818 28 Nov. 2016.

ISSN 2219-6242 (Print)

© All rights reserved.

Official website: <https://spbume.elpub.ru/jour/>

Printing office

Publishing and Printing Center
of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia

Subscription

Catalogue "Russian Post". Subscription index: PP620

Published since 2009. Frequency: four times a year. Free-of-control price.

For purchase request, contact the publishing house of the UMTE

Format 84×108¹/₁₆.

Release date 03.10.2025.

Offset paper.

Published pages: 9,5. Conventional printed pages: 16,17.

Circulation 51 copies. Order No. 2085.

Distinguished authors and readers of the journal!

The journal "Sociology and Law" is included in the list of Russian peer-reviewed scientific journals, recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of the main scientific dissertations for doctorate and PhD academic degrees.

The point of view of the editorial office may not coincide with the opinions of the authors of the articles.

When reprinting the link to the journal "Sociology and Law" is obligatory.

The articles of the journal are included in the Russian Science Citation Index (RSCI), available on the Internet by the link: <https://elibrary.ru/> (scientific electronic library) RSCI is the data base, including bibliographic information extracted from the text of articles and article references (list of references).

СОДЕРЖАНИЕ

Социальные проблемы общества

<i>Чернавский М. Ю.</i> Современная теоретическая социология: проблемы и перспективы развития	318
<i>Лёгостев А. В., Береснева С. В.</i> О теории и методологии управления дополнительным профессиональным образованием в контексте парадигмы социологии	332
<i>Афанасьева Т. С., Третьякова Т. О.</i> Экономическая самостоятельность русской семьи: планы и реальность 2024	342
<i>Чаплашкин Н. В.</i> Гибкая занятость и оплата труда: исследование особенностей выбора альтернативных форматов работы	350
<i>Панжизода Х. З. З. к.</i> О насилии и притеснении в семье (на примере Узбекистана)	359
<i>Бутаева Х. Ю.</i> Формирование основ социальной мобильности у воспитанников семейных детских домов	368
<i>Гомозова Е. В.</i> Цифровая социокультурная среда как экосистема демографического выбора	376

Право в жизни государства и личности

<i>Буньков А. В., Репин Д. А., Щеголев П. Е.</i> Правовые проблемы внедрения ИИ-технологий в систему государственного управления и администрирования: русский и международный опыт	386
<i>Бобровнический И. Н., Литвинова М. А.</i> Об организационно-правовом и педагогическом анализе трудностей следственной деятельности	397
<i>Белюсова А. Ю.</i> Теоретические основания и процессуальные порядки усиления обвинения при производстве по уголовному делу	415
<i>Гункин А. Г.</i> Общественное мнение об административной ответственности за правонарушения, связанные с управлением транспортным средством в состоянии опьянения	422
<i>Гурчиани И. З.</i> Понятие и назначение эстоппеля в русской правовой системе ...	430
<i>Гущин Д. М.</i> Искусственный интеллект как субъект права в контексте теории антропоцентризма	437
<i>Любелский Н. А.</i> Влияние процедур банкротства физических лиц на конкурсное производство в отношении взаимосвязанных юридических лиц	447

CONTENTS

Social Problems of a Society

<i>Mikhail Yu. Chernavskiy.</i> Modern theoretical sociology: Problems and prospects of development	318
<i>Andrey V. Lyogostev, Svetlana V. Beresneva.</i> On the theory and methodology of management of additional professional education in the context of the paradigm of sociology	332
<i>Tatiana S. Afanasyeva, Tatyana O. Tretyakova.</i> Economic independence of the Russian family: Plans and reality in 2024	342
<i>Nikolay V. Chaplashkin.</i> Flexible employment and labour remuneration: A study of the features of choosing alternative work formats	350
<i>Hurriyatkhan Z. Z. q. Panjizoda.</i> Violence and oppression in the family (using Uzbekistan as an example)	359
<i>Khurshida Yu. Butayeva.</i> Establishment of the foundations of social mobility among residents of family-type orphanages	368
<i>Evgeniya V. Gomozova.</i> Digital socio-cultural environment as an ecosystem of demographic choice	376

The Law in a State and Person Life

<i>Aleksey V. Bunkov, Dmitriy A. Repin, Pavel E. Shchegolev.</i> Legal issues of implementing AI technologies in public administration and governance: Russian and international experience	386
<i>Igor N. Bobrovnichiy, Marina A. Litvinova.</i> The organizational, legal and pedagogical analysis of investigative activity difficulties	397
<i>Arina Yu. Belousova.</i> Theoretical grounds and procedural arrangements for strengthening the accusation in criminal proceedings	415
<i>Andrei G. Gunkin.</i> Public opinion on administrative liability for offenses related to driving a vehicle in a state of intoxication	422
<i>Ilia Z. Gurchiani.</i> The concept and purpose of estoppel in the Russian legal system...	430
<i>Dmitry M. Gushchin.</i> Artificial intelligence as a subject of law in the context of the theory of anthropocentrism	437
<i>Nikita A. Liubelskii.</i> Impact of bankruptcy procedures for individuals on bankruptcy proceedings in relation to affiliated entities	447

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВА SOCIAL PROBLEMS OF A SOCIETY

Обзорная статья

УДК 316.2

DOI: 10.35854/2219-6242-2025-3-318-331

Современная теоретическая социология: проблемы и перспективы развития

Михаил Юрьевич Чернавский

Московский государственный университет технологий и управления
имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), Москва, Россия,
chernavsky14@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1038-5683>

Аннотация. В статье исследованы проблемы и тенденции развития современной теоретической социологии с позиций трех доминирующих направлений: анализа противоречий современного капитализма, цифровизации общества, процессов глобализации и локализации. Тенденция выявления противоречий современного капитализма позволяет сдерживать и корректировать негативные факторы развития России и стран Глобального Юга. Анализ цифровизации общества акцентирует внимание на социальных последствиях внедрения в России и мире цифровой версии современного капитализма. Осмысление явлений глобализации и локализации укладывается в логику экспансии стран Глобального Севера, что встречает растущий отпор стран Глобального Юга. Социология либо призвана обслуживать интересы стран Глобального Севера, что соответствует классической концепции науки, либо ориентироваться на новых игроков на мировой арене в лице стран Глобального Юга, что влечет за собой постколониальный социологический дискурс, удачно сочетающийся с принципами постнеклассической науки. Основой суверенизации России служит цивилизационный анализ на базе идей евразийства, теории множественных модернов, идеи Русского мира и суверенизации отечественной науки.

Ключевые слова: капитализм, цифровизация, глобализация, модернизация, постколониальная социология, Русский мир, цивилизационный подход, евразийство, множественные модерны, множественная глобализация, Глобальный Юг, Глобальный Север, интернет вещей, платформенный капитализм, коммуникативный капитализм, большие данные, кибернетическое социальное, вестернология

Для цитирования: Чернавский М. Ю. Современная теоретическая социология: проблемы и перспективы развития // Социология и право. 2025. Т. 17. № 3. С. 318–331. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-318-331>

Review article

Modern theoretical sociology: Problems and prospects of development

Mikhail Yu. Chernavskiy

Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management
(the First Cossack University), Moscow, Russia, chernavsky14@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1038-5683>

© Чернавский М. Ю., 2025

Abstract. The article examines the problems and trends in the development of modern theoretical sociology from the standpoint of three dominant aspects, namely analysis of the contradictions of modern capitalism, digitalization of society, globalization and localization processes. The tendency to identify the contradictions of modern capitalism enables to restrain and correct the negative development trends of Russia and the countries of the Global South. The analysis of society digitalization focuses on the social consequences of the introduction of digital version of modern capitalism in Russia and the world. Understanding the phenomena of globalization and localization fits into the logic of the expansion of the Global North countries, which is facing with growing resistance from the Global South countries. Sociology is either called upon to serve the interests of the Global North countries, which corresponds to the classical concept of science, or to focus on new players on the world stage represented by the countries of the Global South, which entails a postcolonial sociological discourse that combines successfully with the principles of post-non-classical science. The basis for the sovereignty of Russia is a civilizational analysis based on the ideas of Eurasianism, the theory of multiple modernities, the idea of the Russian world, and the sovereignty of Russian science.

Keywords: capitalism, digitalization, globalization, modernization, postcolonial sociology, Russian world, civilizational approach, Eurasianism, multiple modernities, multiple globalization, Global South, Global North, Internet of Things, platform capitalism, communicative capitalism, big data, cybernetic social, Westernology

For citation: Chernavskiy M.Yu. Modern theoretical sociology: Problems and prospects of development. *Sociology and Law*. 2025;17(3):318-331. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-318-331>

Введение

Проблемное поле развития современной теоретической социологии определено крайне динамичными, турбулентными и сложно предсказуемыми социальными процессами. Доминирующие тенденции развития социологии детерминированы главным объединяющим трендом развития современного мира — эволюции мировой капиталистической системы, находящейся в постиндустриальной/постфордистской/цифровой фазе.

Содержательно в современной теоретической социологии под тематикой «постиндустриального общества» скрывается проблематика противоречий современного капитализма, под обобщенным наименованием «цифровизация» прослеживается тема социально-психологических последствий проникновения информационных технологий в жизнь современного общества, а под брендом дискуссий о судьбах «глобализации» — попытки автономного антизападного развития ряда стран и регионов планеты. Одна из главных задач социогуманитарного научного сообщества России — разработка методологических подходов, познавательно адекватных сложностям динамично развивающейся социальной реальности. Предложить версию решения этой задачи представляется возможным на основе проведенного в статье анализа современной мировой и отечественной социологической мысли, в том числе на базе рассмотрения повестки и выступлений участников на мировых и европейских социологических конгрессах [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8].

На наш взгляд, современная теоретическая социология пытается проанализировать *три главные тенденции* развития мира в контексте познавательных стратегий ряда социологических направлений. К ним отнесены:

— *противоречия современного капитализма* — осмыслены с точки зрения попыток отразить особенности капиталистического развития как системы международного разделения труда/финансов/ресурсов и объяснить причины, а также

возможные последствия нарастающего социально-экономического неравенства стран и регионов планеты (постмарксизм, психоаналитический постмарксизм, либеральный анализ, медиаанализ, патопсихологический анализ, классовый анализ, техноанализ укладов, аналитический марксизм);

— *цифровизация общества* — проанализирована как феномен мутировавшего в свою цифровую стадию капитализма с перспективой рассмотрения социальных, психологических, антропологических последствий распространения интернет-технологий (цифровая социология, социология интернета, сетевая теория, теория поколений, социологический постмодернизм, акторно-сетевая теория, трансгуманизм, нейросоциология, теория цифрового концлагеря);

— *процессы глобализации и локализации* — становятся предметом изучения научного и экспертного сообществ в контексте нарастания напряженности между многоаспектными глобальными и локальными процессами внутри мировой системы капитализма (историческая социология / макросоциология, мир-системный анализ, неомодернизационный анализ, постколониальная теория, неоцивилизационный анализ, социология Русского мира).

Помимо указанных тенденций, по-прежнему сохраняет актуальность традиционная для социологии проблематика анализа сущности, механизмов и характера социальных взаимодействий людей: системный подход, социальный конструктивизм, теория структуризации, социология сакрального, теория социального капитала, феноменологическая социология, социальный психоанализ, транзакционный анализ, драматургическая социология, структурный неофункционализм, социология воображения, теория конфликта, социология гендера, социология феминизма, теория социального обмена, социологический неопозитивизм, коммуникативная социология.

Мировой капитализм: проблема неравенства

Период четырехлетнего президентства в Международной социологической ассоциации англо-американского марксиста М. Буравого ознаменован доминанцией в мировой социологической повестке проблем неравенства и анализа противоречий современного капитализма. На Мировом социологическом конгрессе, состоявшемся в Гетеборге (2010), М. Буравой призвал уделять повышенное внимание анализу процессов глобализации, благодаря которым кризисные процессы развития капитализма сразу приобретают глобальный характер. Однако в качестве рецепта для решения проблем неравенства марксистским социологом предложен либеральный метод расширения и популяризации диалога между странами и культурами, в частности посредством развития электронных форм коммуникации, в том числе между учеными.

Мировой социологический конгресс в Йокогаме (2014) был посвящен проблемам неравенства. Выделены структурные дисбалансы: половина мирового богатства принадлежит одному проценту населения, каждый седьмой из десяти жителей планеты проживает в странах, в которых экономическое неравенство за последние 30 лет резко возросло. Если учитывать еще и природные катастрофы, миграцию, климатические изменения, войны, гендерную, этническую и возрастную дискриминацию, неспособность большинства людей влиять на важные коллективные решения государств, то станет очевидным, что необходимо активное «подключение» интеллектуалов к процессу критического осмысления и изменения ситуации. Роль социологов в объяснении и изменении современного миропорядка М. Буравой видит в их противостоянии рыночному фундаментализму, опирающемуся на идеологию свободной конку-

ренции, а также содействие в осуществлении общественного контроля над капиталистическими рынками.

На уровне Европейской социологической ассоциации проблематику капиталистического неравенства в Афинах (2017) продолжил англо-американский социолог марксистской ориентации Д. Харви. Он акцентировал внимание на проблемах новых форм эксплуатации и сегрегации, которые являются неотъемлемой частью развития современного капитализма.

В целом европейские социологические конференции, в отличие от мировых социологических форумов, по-прежнему находятся в контексте глобалистской повестки, сохраняют наивно-либеральный способ постановки и решения проблем современного социального развития. В частности, на конференции, проходившей в Порту (2024), пути преодоления общепланетарного кризиса и усиление социальной сплоченности общества видятся в доброй старой либеральной политике инклюзии, принципы которой могут способствовать «построению моста» между объективно существующей социальной напряженностью и субъективно формируемым доверием.

Однако политика инклюзии потенциально разрушительна для целостности структур социальности, что являет собой проводимая Европой и Россией самоубийственно-попустительская миграционная политика. Более того, европейские социологи по умолчанию предполагают, что доверие как некая абстрактная ценность существует в безвоздушном пространстве психологических установок, а не базируется на почве объективных социально-экономических противоречий материальной жизни людей.

Кибернетическое социальное

Тотальное распространение компьютерных технологий и социальных сетей порождают принципиально новые социологические концепции, объясняющие социальные взаимосвязи в эпоху интернета. Голландский медиатеоретик Г. Ловинк считает, что изменяется сама постановка вопроса о сущности феномена «социального». «Социальное» в такую эпоху превращается в кибернетическое понятие, при котором прошлая коммуникация между социальными субъектами трансформируется во взаимообмен между изолированными компьютерными узлами [9; 10; 11].

Социальные субъекты превращаются в пользователей, которые стремятся не к осмысленной коммуникации в социуме, а хотят произвести эффект, «хайпануть» на какой-нибудь теме, быть услышанными. Для этого человек создает профиль в социальных сетях, учреждая тем самым свою социальную субъектность. Вслед за этим начинается игра по типу «действие — реакция», которая приводит к использованию наших персональных данных и личностных характеристик для выкачивания из нас прибыли в интересах сетевой капиталистической экономики.

Если в период модерна потребитель испытывал дефицит информации, то при постмодерне наблюдается ее переизбыток, что вызывает у субъекта чувство тревоги и фрустрации. Желание изъять себя из сети Интернет (цифровой детокс) не является конструктивным: с точки зрения Ловинка, побег в офлайн не избавляет от фрустрации. Сохраняется необходимость искать принципиально новые стратегии взаимодействия с виртуальным.

Мемы как семиотические единицы транслируемой информации обладают несомненной привлекательностью, одновременно являясь современными носителями идеологических смыслов и потребительских предпочтений (Г. Ловинк). Мемы также уподобляются генам в качестве мельчайших структурных еди-

ниц, теперь уже не биологических, но культурных и социальных процессов. Они, подобно генам, участвуют в естественном отборе за право утвердиться в структурах общественного сознания и в плоскости социальной психологии (Р. Докинз).

Интернет вещей

Абсолютизацию возможностей интернета предлагает в современной социологии акторно-сетевая теория (Б. Латур, М. Каллон, Дж. Ло, А. Мол). Ее сторонники рассматривают материальные, технические и животные объекты в качестве самостоятельных и равноправных агентов социальных отношений. Акторно-сетевая теория уравнивает в статусных правах социальный и природный миры, избегая нововременского соблазна редуцировать один к другому. Равнозначность материальных (между вещами) и семиотических (между понятиями) отношений порождает единую «материально-семиотическую» реальность интернета.

Б. Латур предлагает изменить оптику взгляда на вещи, людей и понятия, начиная воспринимать их в качестве равноправных гибридных акторов интернет-взаимодействий (идея «парламента вещей»). Интернет вещей становится ареной взаимодействий между физическими объектами («умный» холодильник беседует с «умным» пылесосом), что исключает участие человека. Концепция интернета вещей получает технологическое обеспечение, то есть наблюдаются появление технологий межмашинного взаимодействия, распространение беспроводных сетей, существование облачных хранилищ информации [12].

В перспективе ожидается появление так называемого *нейронета*, при котором взаимодействие агентов будет осуществляться посредством нейрокоммуникаций. Возникнет так называемая *разумная среда* (нейробыт), в которой техника будет подстраиваться под эмоциональное состояние владельца. Данные информационные тенденции обяжут социологов кардинально пересмотреть основы социальных взаимодействий, то есть в структуры социума начнут вписываться новые полноправные агенты: вещи, животные, боты, цифровые двойники человека.

Данные как новый тип социального сырья

Согласно теоретикам концепции постопераизма, или автономистского марксизма (А. Негри, П. Вирно, М. Лаззарато, Ф. Берарди), эволюция капиталистического способа производства на этапе постфордистского механизма эксплуатации привела к новому типу машинного порабощения. Машины занимают рабочее и свободное время сотрудников, тем самым отчуждая в целом время их жизни. В результате жизнь человека полностью поглощена работой, порождая феномен постфордистского пролетариата: это наемные работники нефизического труда, трудовая деятельность которых имеет более отчужденный характер и менее социально защищена ввиду широкого распространения гибких форм занятости.

С учетом концепции современного британского политолога Н. Срничека можно утверждать, что Google, Facebook, Amazon, Apple, Microsoft сформировали особый тип капитализма, основанный на контроле и обработке огромных массивов данных, в частности платформенный капитализм. Политолог предлагает осуществить модернизацию методологической базы современных социальных наук: для понимания современного мира необходима онтология цепочек обратной связи, внешних результатов и зависящих от обстоятельств последствий [13].

В контексте концепции коммуникативного капитализма американский философ марксистской ориентации Дж. Дин делает акцент на том, что в современном

мире формируется новая экономико-идеологическая формация, то есть симбиоз объединенных в сеть информационных технологий и глобальных медиа. Коммуникативный капитализм «захватывает» пользователей, развлекает и контролируя их. Сетевая коммуникация перемещает взаимодействие субъектов в информационную плоскость, в которой субъекты вносят свой «вклад» в постоянно воспроизводимый поток контента. Интернет-коммуникации превращаются в сырье для новых форм капиталистической эксплуатации. При этом на уровне воображаемого «фантазии» субъектов относительно стандартов собственной жизни и уровня своего потребления постоянно поддерживаются, подпитывая систему экономической эксплуатации и, как следствие, социального неравенства [14; 15].

Большие данные как источник прибыли рассматривает профессор математики и финансовый аналитик К. О'Нил. Она критикует работу алгоритмов анализа больших данных, закрытость и непрозрачность которых выступает «оружием математического поражения» социально незащищенных и материально обездоленных слоев и групп общества. Полученные данные используют для максимизации прибыли, репрессий или мнимого улучшения показателей правопорядка.

Новейшие математические приложения позволяют банкам и страховым компаниям тотально контролировать жизнь граждан, конвертируя личную информацию о потребителях в свои доходы. Исследователя настораживает тот факт, что принципы работы математических моделей и их критерии охраняют как коммерческую тайну, а их вердикты считают объективными, окончательными и обжалованию не подлежащими. Из этого следует зловещий призыв автора: «Добро пожаловать в прекрасный новый мир — мир убийственных Больших данных!» [16]

От множественной глобализации к множественным модерностям

Изначально теория модернизации была сформулирована в курируемых спецслужбами западных интеллектуальных центрах (Э. Шилз, Т. Парсонс) в послевоенный период для обоснования мирового социально-экономического и политического лидерства стран Западной Европы и США [3]. Теория модернизации в различных социогуманитарных науках на протяжении последних восьмидесяти лет выступает самым популярным способом объяснения мировой динамики в пределах нескольких последних столетий.

В обыденном смысле слова под понятием модернизации подразумевают разные процессы. Среди них — индустриализация, секуляризация, развитие капитализма, демократия, рынок, нарастание процессов рационализации социального управления, эгоистическая трудовая этика, урбанизация, даже улучшение и совершенствование как таковое. Крайне широкий объем понятия «модернизация» приводил, в частности, в период президентства Д. А. Медведева (2008–2012) к призывам проведения модернизации, понимаемой как абстрактное совершенствование и улучшение, в России, стране, в которой проект модернизации (трактуемый как индустриализация экономики) уже был реализован шесть десятилетиями ранее.

Теория прозападной модернизации логично трансформировалась в теорию глобализации (К. Р. Поппер, Ф. Фукуяма, Ж. Аттали, Д. Сорос), понимаемой как процесс создания гомогенного мира по западным лекалам и в интересах стран глобального Запада. Проект прозападной глобализации имел очевидный успех, особенно катализируемый в условиях развала Советского Союза как конкурента, вооруженного идеей коммунистической глобализации. Однако в первой четверти XXI в. реализация процесса прозападной глобализации столкнулась с объективными сложностями. Так, в мире появились другие крупные социально-экономи-

ческие (Китай, Индия, Бразилия, страны Юго-Восточной Азии) и политические (Россия) игроки. Процесс глобализации вынужденным образом начали понимать не как однонаправленный линейный процесс встраивания мира в прозападный вариант развития, но как сложный, многофакторный и нелинейный процесс. Приходит понимание того, что глобализация протекает в разных формах и содержит в себе изрядное влияние местных национально-культурных, специфически-цивилизационных факторов.

В частности, на мировом социологическом конгрессе, состоявшемся в Дурбане (2006), британский социолог Дж. Урри представил свою идею «комплексности» современной глобализации, рассматривающей глобализационные процессы в терминах постнеклассической науки и синергетики. Глобализация показана уже как сложный, турбулентно-непредсказуемый феномен, который имеет неожиданно возникающие точки бифуркации, сложно просчитываемые аттракторы развития и наличие многофакторности процессов, которые терминологически объединены в понятие «глобализация».

Теоретическим основанием нового взгляда на модернизацию послужили концепции множественности моделей модернизации применительно к странам со специфическими социокультурными особенностями (Дж. Джермани), модернизация как синтез национальных и мировых ценностей, институтов и отношений (А. Турен), модернизация с учетом «огромного институционального разнообразия» осовременяющихся обществ (Ш. Эйзенштадт), длительность стадии «переходного общества», функционирующего на основе воспроизводства механизмов традиционного «политического порядка» (Ф. Риггз), множественность сценариев модернизации (Э. Тирикян), плюрализация форм современности, связанная с геополитическими, геоэкономическими, геокультурными особенностями, а также детерминированными случайными историческими событиями (Й. Арнасон) [17].

Как следствие нарастания процессов локализации в мире, мировой социологический конгресс, проходивший в Дурбане (2006), состоялся уже под знаком обоснования и развития модели множественной глобализации и множественных модерностей («мультимодерностей», «социокультурной самобытности», «модернизации в обход модернити»).

Постколониальный поворот в социологии

Интеллектуальным оформлением постколониальных мотивов в социологии стало формулирование так называемой южной теории, призванной противопоставить социологию стран Глобального Севера государствам Глобального Юга. Традиционная социологическая наука, сформулированная учеными Запада, предполагала повсеместное улучшение качества жизни всех стран и регионов планеты по мере реализации модели прозападного капитализма. Однако практика показывает, что в современном мире наблюдается обратная тенденция: снижение уровня жизни и рост социального неравенства в мировом масштабе по линии «Север — Юг».

Сторонники так называемой южной теории усмотрели в этом несоответствии тлетворное влияние западных когнитивных подходов в социологии, игнорируя тот факт, что источником разнотемпной глобализации и эскалирующего неравенства в мире служит внутренняя динамика развития капитализма, а работа социологов сводится лишь к научному обоснованию доминирующих идеологических принципов. По законам иронии, указанная теория изначально сформулирована трансгендерной женщиной Р. Коннелл, которая сделала себе имя в науке в качестве автора теории гегемонной маскулинности. По аналогии с подрывом патриархального авторитаризма мужчин в пользу прав женщин, «южная» теория

призвана ниспровергнуть доминацию социогуманитарных наук Севера в интерпретации законов социума. Под Севером как обобщенным понятием Р. Коннелл подразумевала вековую колониальную экспансию Запада в производстве, обосновании и трансляции социогуманитарного знания.

Постколониальная теория при всей своей внешней ориентированности на поддержку коренных народов, претерпевавших колониальную зависимость от метрополий Глобального Севера, не предлагает актуальных решений ни для одной принципиально важной проблемы современного мирового социального неравенства. Ожидаемая неспособность мировой социологической мысли спровоцировать сильных мира сего на переформатирование системы мирового капитализма и изменение внутреннего несправедливого социального устройства стран Глобального Юга порождает лишь симулятивные формы реагирования на остроту социальных противоречий.

Майкл Буравой VS Петр Штомпка

Доминирующие противоречия современной социологии по линии «Глобальный Юг — Глобальный Север» получили теоретическое оформление в публично развернувшейся дискуссии между двумя бывшими президентами Международной социологической ассоциации — Майклом Буравым и Петром Штомпкой.

М. Буравой опирается в понимании природы социологии на традиции постнеклассической науки, которая увязывает содержание научного знания с социокультурным и географическим контекстом. Данный подход позволяет квалифицировать социологию в качестве индигенной науки, в которой доминируют инсайдеристские (внутренние) методы анализа. Индигенная социология предполагает изучение традиций коренных, неевропейских народов мира, претерпевавших насильственно-модернизационное влияние стран Запада [18].

П. Штомпка отстаивает идеи классического представления о научном знании, в рамках которого социология предстает социально автономной наукой, вырабатывающей универсальные социологические методы и теории, аутсайдерски применимые к любым типам исторически и социокультурно обусловленных обществ [19; 20].

При этом и М. Буравой, и П. Штомпка руководствуются прежде всего идеологическими соображениями. Факт их судьбоносной дискуссии четко указывает на одно: очевидную зависимость социогуманитарных наук от идеологического контекста, который диктует либо ориентацию на социальные интересы некогда колониально зависимых стран и регионов планеты, либо на продолжение политики доминации стран Запада не только в социально-экономической, но и в когнитивно-идеологической сфере.

Социология Русского мира

В современных идеологических построениях концепт Русского мира ориентирован не на экспансионистскую политику. Он создает естественные условия для творческого развития народов в рамках единого цивилизационного образования: Российской империи — Советского Союза — Российской Федерации (В. В. Путин, А. Г. Дугин, С. В. Кириенко, В. А. Никонов, Ф. А. Лукьянов, В. Ю. Сурков) [21; 22].

Мир новой России — это не наступающий мир, ищущий новых земель. Мир России — это мир, восходящий и развертывающий новые образы будущего. Россия должна показать пример в развитии «мышления» и «гуманитарных технологий». Гуманитарные технологии не управляют людьми, они управляют правилами и рамками их взаимоотношений.

На Европейском социологическом конгрессе, проходившем в Праге (2015), доклад директора Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) М. К. Горшкова был посвящен проблеме Русского мира, в понимании которого должна преобладать ценностная и социокультурная доминанта. Социологом высказана, в частности, мысль о том, что Россия должна восприниматься как «своя Европа». Это может означать то, что Россия в современном мире, усиливая геостратегические и социокультурные возможности, отстаивает принципы истинной Европы, а Европа предаёт свои основы, скатываясь в бездну постмодернизма. Профессор Московского государственного института международных отношений (МГИМО) С. А. Кравченко определил Русский мир в нейтрально-политическом смысле, то есть как дружелюбный мир, противостоящий прагматизму американоцентрических установок [6].

Россия: цивилизационный поворот

Цивилизационная концепция в современной России претендует на то, чтобы стать основанием для объяснения незападной цивилизационной сущности России. Это выражено в активно разрабатываемых в научной и экспертной среде идеологических концептах России как евразийски ориентированного «государства-цивилизации».

Цивилизационные концепции XIX — первой половины XX в. на базе органицистской методологии предусмотрели жесткие детерминистские способы существования локальных цивилизаций, конвейерным способом сменяющие друг друга на арене мировой истории. Современный цивилизационный анализ предлагает более сложную схему функционирования цивилизаций с целью обоснования, с одной стороны, традиционалистской и политически суверенной специфичности России (политические мотивы), с другой — сохранения необходимости увидеть в суверенном развитии России продолжение универсальных модернизационных процессов (экономические мотивы).

Сегодня подходы к цивилизациям более гибкие: в них усматривают комплекс факторов (традиционных и новаторских), по-разному влияющих на содержание, структуру, динамику и итоги их развития. Это порождает, в частности, сближение цивилизационного и модернизационного подходов.

Культурно-цивилизационная специфичность России вновь заявила о себе как о проблеме в период резкого военно-политического противостояния Западу в рамках продолжающегося конфликта на Украине. Введенные странами коллективного Запада против нашей страны санкции, широко развернутая «культура отмены» вызвали в российском политическом руководстве и русском общественном сознании крайне резкую реакцию. Антизападническая ориентация отечественной экономики, нашей политики и нашей культуры спровоцировала желание российского общества к повсеместному повороту на Восток.

Суверенизация социологии

Распространенная на Западе идея постколониального поворота ввиду политических причин трансформировалась в российском научном сообществе в отстаивание принципов автономного существования отечественных социогуманитарных наук от интеллектуального влияния Запада. Данная тенденция получает различные наименования: ее главными адептами выступают социологи,

имевшие/имеющие отношение к главному университету нашего государства. Среди них — В. И. Добренков, С. А. Кравченко, А. Г. Дугин.

В. И. Добренков предложил реализовать в российском образовательном пространстве идею национальной русской православной социологии, которая воспроизводит знаменитую триаду С. С. Уварова периода царствования императора Николая I: «Православие. Самодержавие. Народность» [23]. С. А. Кравченко выдвинул идею суверенизации отечественной социологии, призывая воспроизвести изначальные принципы возникновения социологии как науки, анализирующей социальные проблемы исключительно в государственных границах [24]. А. Г. Дугин ввел в научный оборот вестернологию, понимая ее как дисциплину, способную указать Западу на его научную и идеологическую периферийность, отвергая претензии западной культуры и науки на всеобщность, на истину в последней инстанции [25].

Таким образом, Россия ввиду обострения военно-политического противостояния со странами Запада, выступила в мировых отношениях инициатором брошенного Западу, или Глобальному Северу, цивилизационного вызова со стороны стран Глобального Юга. Следствием геополитического противостояния по линии «Россия — Запад» стало обоснование специфичного пути развития России как с точки зрения цивилизационной идентичности, пропаганды идей Русского мира, так и с позиций формирования когнитивно суверенной от Запада системы социогуманитарных наук.

Заключение

Современная Россия, которая встала на путь суверенитета и независимости от влияния Запада, пытается сделать разворот в направлении традиционалистских, незападных ценностей, что прослеживается в социокультурных и политических аспектах, но не затрагивает экономическую составляющую. Провозглашают, что в экономике Россия призвана стать органической частью мировой капиталистической системы, главную скрипку в которой будут играть уже не США и страны коллективного Запада, но Китай, Индия, страны Юго-Восточной Азии и даже Ближнего Востока.

Представляется, что на реализацию данного идеологического проекта объективно работают выявленные нами тенденции развития современной мировой и отечественной социологии. Тенденция выявления *противоречий современного капитализма* в социологических исследованиях и теоретических построениях позволяет сдерживать и корректировать негативные факторы развития нашей страны и государств Глобального Юга, развивающихся в фарватере западной модели капитализма. В логике развития западного капитализма статус и место России и Юго-Восточных стран мира видится исключительно периферийным и колониально зависимым от финансовых и промышленных центров Запада.

Анализ процессов *цифровизации общества*, представленный в современной российской и мировой социологии, акцентирует внимание на социальных последствиях внедрения в России и мире в целом цифровой версии современного капитализма. Объективно протекающие глобальные процессы цифровизации политические элиты России и стран Глобального Юга пытаются взять под свой контроль с целью повышения суверенных возможностей локального социально-экономического контроля за собственным населением.

Результатом проникновения интернета в структуры социального стало появление нового социального качества западной цивилизации, замешанной на новых, более изощренных формах социального контроля как управляемой

свободы индивида в капиталистическом обществе символического потребления, симулятивного спектакля и тотальной либеральной диктатуры, помноженной на возможности современной цифровой цивилизации. Внимание социологов к осмыслению явлений *глобализации и локализации* в мировых социальных взаимодействиях укладывается в логику экспансии стран Глобального Севера, что встречает растущий отпор стран Глобального Юга, которые с опорой на демографический фактор и растущую мощь промышленного сектора экономики пытаются отстаивать в международных отношениях собственную субъектность.

Полагаем, что перспективы развития теоретической социологии в мировом масштабе и в аспекте отечественной социологии можно проследить в контексте обозначенных в дискуссии М. Буравого и П. Штомпки проблем по установлению статуса социологии и работы социолога в современном мире. Социология либо призвана обслуживать интересы все еще властвующей элиты в лице стран Глобального Севера, что соответствует классической концепции науки, либо ориентироваться на новых игроков на мировой арене в лице стран Глобального Юга, что влечет за собой постколониальный социологический дискурс, удачно сочетающийся с принципами постнеклассической науки.

Если у Мировой социологической ассоциации постколониальный поворот в социологии продиктован в большей степени конъюнктурными соображениями научной элиты Запада, сообразующейся с модными сегодня заигрываниями метрополий со своими бывшими колониями, то в России объективное ослабление интеллектуального могущества Запада использовано научным и экспертным сообществом для попыток обретения политического суверенитета страны как необходимого условия реализации собственных интересов в мировой политике.

Социолого-методологическим обеспечением политических установок суверенизации России сегодня призван стать цивилизационный анализ на базе идей евразийства, теории множественных модернов как разнообразных путей к технологически оснащенной современности и идеи Русского мира. Русский мир подразумевает пропаганду русского языка, русской культуры и православия как неменных ингредиентов интеграции России в мировую капиталистическую систему в статусе политически и идеологически суверенной державы. Идеи суверенизации отечественных социогуманитарных наук согласуются с внешнеполитическими принципами евразийской интеграции, предполагающими сближение России с государствами Востока в рамках ШОС и БРИКС.

В этой связи русские социологи обязаны не только содействовать реализации государственной власти и обосновывать политические интересы страны (отстаивание идей цивилизационной идентичности, разработку социологии Русского мира, формулирование принципов когнитивной суверенности отечественного социогуманитарного знания), но и актуализировать социальную проблематику, то есть анализ нарастающего социального неравенства в условиях капиталистического развития, социальные, психологические и антропологические последствия реализации принципов капитализма, угрозы и высоковероятные негативные результаты внедрения всеобщей цифровизации.

Список источников

1. Богомякова Е. С. Повестка дня современной социологии (обзор XIX Всемирного социологического конгресса, Торонто) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. Вып. 4. С. 503–505. DOI: 10.21638/spbu12.2018.408
2. Иванов Д. В. Возвращение к реальности на дальних берегах: обзор XX Всемирного социологического конгресса и XXVII Всемирного конгресса политической науки //

- Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26. № 3. С. 234–250. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.3.9
3. *Калхун К.* Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал: лекция от 17 января 2006 г. / пер. с англ. // Институт общественного проектирования. 2006. 20 марта. URL: <http://www.inop.ru/reading/page68/> (дата обращения: 15.08.2025).
  4. *Кирдина-Чэндлер С. Г.* Запрос на глобальный диалог (заметки с юбилейного социологического конгресса) // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250029332-8
  5. *Кравченко С. А.* Социологическая «стрела времени» в XXI веке: инновации в материалах Всемирных социологических конгрессов // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 4. С. 84–104. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.540
  6. *Парамонова С. П., Семенова Т. Н.* Перспективы социологической науки (по материалам 12-й конференции Международной европейской ассоциации) // Социум и власть. 2015. № 6. С. 135–139.
  7. *Титаренко Л. Г.* Мировые социологические конгрессы: история и современность // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2023. № 4. С. 36–42.
  8. *Титаренко Л. Г.* Российская социология в поиске ответов на теоретические вызовы // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 15–25. DOI: 10.31857/S013216250025794-6
  9. *Ловинк Г.* Критическая теория интернета / пер. Д. Лебедев, П. Торкановский. М.: Ад Маргинем пресс, 2019. 256 с.
  10. *Сафронов Э. Е.* На пути к социальной теории интернета // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2019. № 2. С. 260–268. DOI: 10.24411/2658-7734-2019-10022
  11. *Столет Й.* «Критическая теория интернета» Герта Ловинка // *Spectate*. 2019. 23 октября. URL: <https://spectate.ru/criticaltheoryofinternet/> (дата обращения: 15.08.2025).
  12. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: ИД Высшей школы экономики, 2020. 384 с.
  13. *Срничек Н.* Капитализм платформ / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой. М.: ИД Высшей школы экономики, 2019. 128 с.
  14. *Дин Д.* Коммунизм или неофеодализм? / пер. с англ. // *Логос*. 2019. Т. 29. № 6. С. 85–116. DOI: 10.22394/0869-5377-2019-6-85-114
  15. *Дин Д.* Коммуникативный капитализм: от несогласия к разделению / пер. с англ. // *Коммуникации. Медиа. Дизайн*. 2017. Т. 2. № 2. С. 152–165.
  16. *О’Нил К.* Убийственные большие данные. Как математика превратилась в оружие массового поражения / пер. с англ. В. Дегтярева. М.: АСТ, 2018. 320 с.
  17. *Корниенко Т. А.* Теоретические аспекты теорий неомодернизации // *Экономика и социум*. 2013. № 2-1. С. 746–752.
  18. *Буравой М.* Последний позитивист / пер. с англ. // Социологический ежегодник: сб. науч. тр. / ред. и сост. Н. Е. Покровский, Д. В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2011. С. 27–40.
  19. *Штомпка П.* Еще одна социологическая утопия / пер. с англ. // Социологический ежегодник: сб. науч. тр. / ред. и сост. Н. Е. Покровский, Д. В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2011. С. 11–26.
  20. *Штомпка П.* Десять тезисов о статусе социологии в неравном мире / пер. с англ. // Социологические исследования. 2013. № 9. С. 132–134.
  21. *Коровин В.* Путин и Евразийство: русская идея // Институт динамического консерватизма. 2015. URL: http://www.dynacon.ru/content/articles_idk/6219/ (дата обращения: 24.08.2025).
  22. *Коткин С.* Вечная геополитика России. Путин возвращается к историческим корням / пер. с англ. // *Россия в глобальной политике*. 2016. Т. 14. № 4. С. 46–57.
  23. *Добренчиков В. И.* Христианская и православная социология // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 3–24.
  24. *Кравченко С. А.* Тернистый путь суверенизации отечественной социологии: история, современность, перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 273–285. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-273-285

25. Дугин А. Г. Вестернология: в направлении суверенной русской науки // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 7–21. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-7-21

References

1. Bogomyagkova E.S. Agenda of contemporary sociology (review of the XIX World congress of sociology, Toronto). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya = Vestnik of Saint-Petersburg University. Sociology*. 2018;11(4):503-505. (In Russ.). DOI: 10.21638/spbu12.2018.408
2. Ivanov D. Revisiting reality on distant shores: A review of the XX ISA World congress of sociology and the XXVII IPSA World congress of political science. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2023; 26(3):234-250. (In Russ.). DOI: 10.31119/jssa.2023.26.3.9
3. Calhoun C. Theories of modernization and globalization: Who invented them and why. Lecture of January 17, 2006. Transl. from Eng. Institute of Public Design. Mar. 20, 2006. URL: <http://www.inop.ru/reading/page68/> (accessed on 15.08.2025). (In Russ.).
4. Kirdina-Chandler S.G. Request for global dialogue (notes from the XX World Sociological Association Congress). *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2023; (12):3-14. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013216250029332-8
5. Kravchenko S.A. The sociological “arrow of time” in the XXI century: Innovations in materials from global sociology conventions. *Vestnik instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2018;9(4):84-104. (In Russ.). DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.540
6. Paramonova S.P., Semenova T.N. Prospects of social science (following the Proceedings of the twelfth conference of International European Association). *Sotsium i vlast' = Society and Power*. 2015;(6):135-139. (In Russ.).
7. Titarenko L.G. World congresses of sociology: History and modernity. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya = Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2023;(4):36-42. (In Russ.).
8. Titarenko L.G. Russian sociology in search of responses to theoretical challenges. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2023;(5):15-25. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013216250025794-6
9. Lovink G. Networks without a cause: A critique of social media. Cambridge: Polity Press; 2012. 220 p.; Lovink G. Zero comments. London; New York: Routledge; 2007. 340 p.; Lovink G. Social media abyss: Critical Internet cultures and the force of negation. Cambridge: Polity Press; 2016. 220 p.; Lovink G. Sad by design: On platform nihilism. London: Pluto Press; 2018. 192 p. (Russ. ed.: Lovink G. Kriticheskaya teoriya interneta. Moscow: Ad Marginem; 2019. 256 p.).
10. Safronov E.E. Towards the social theory of the Internet. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2019;(2):260-268. (In Russ.). DOI: 10.24411/2658-7734-2019-10022
11. Stolet Y. “Critical theory of Internet” by Geert Lovink. *Spectate*. Oct. 23, 2019. URL: <https://spectate.ru/criticaltheoryofinternet/> (accessed on 15.08.2025). (In Russ.).
12. Latour B. Reassembling the social: An introduction to actor-network theory. Oxford: Oxford University Press; 2007. 320 p. (Russ. ed.: Latour B. Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu. Moscow: HSE Publ.; 2020. 384 p.).
13. Srnicek N. Platform capitalism. Cambridge; Malden, MA: Polity Press; 2017. 120 p. (Russ. ed.: Srnicek N. Kapitalizm platform. Moscow: HSE Publ.; 2019. 128 p.).
14. Dean J. Communism or neo-feudalism? Transl. from Eng. *Logos*. 2019;29(6):85-114. (In Russ.). DOI: 10.22394/0869-5377-2019-6-85-114
15. Dean J. Communicative capitalism: From dissent to division. Transl. from Eng. *Kommunikatsii. Media. Dizain = Communications. Media. Design*. 2017;2(2):152-165. (In Russ.).
16. O'Neil C. Weapons of math destruction: How big data increases inequality and threatens democracy. New York, NY: Crown Publishing Group; 2016. 272 p. (Russ. ed.: O'Neil C. Ubiistvennye bol'shie dannye. Kak matematika prevratilas' v oruzhie massovogo porazheniya. Moscow: AST; 2018. 320 p.).

17. Kornienko T.A. Theoretical aspects of neomodernization theories. *Ekonomika i sotsium*. 2013;(2-1):746-752. (In Russ.).
18. Burawoy M. The last positivist. *Contemporary Sociology: A Journal of Reviews*. 2011;40(4):396-404. DOI: 10.1177/0094306111412512a (Russ. ed.: Burawoy M. Poslednii positivist. In: Pokrovskii N.E., Efremenko D.V., eds. *Sotsiologicheskii ezhegodnik*. Moscow: INION RAS; 2011:27-40).
19. Sztompka P. Another sociological utopia. *Contemporary Sociology: A Journal of Reviews*. 2011;40(4):388-396. DOI: 10.1177/0094306111412512 (Russ. ed.: Sztompka P. Eshche odna sotsiologicheskaya utopiya. In: Pokrovskii N.E., Efremenko D.V., eds. *Sotsiologicheskii ezhegodnik*. Moscow: INION RAS; 2011:11-26).
20. Sztompka P. Ten theses on the status of sociology in an unequal world. Transl. from Eng. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2013;(9):132-134. (In Russ.).
21. Korovin V. Putin and Eurasianism: The Russian idea. Institute of Dynamic Conservatism. 2015. URL: http://www.dynacon.ru/content/articles_idk/6219/ (accessed on 24.08.2025). (In Russ.).
22. Kotkin S. Russia's perpetual geopolitics: Putin returns to the historical pattern. *Foreign Affairs*. 2016;95(3):2-9. (In Russ.: Kotkin S. Vechnaya geopolitika Rossii. Putin vozvrashchaetsya k istoricheskim kornyam. *Rossiya v global'noi politike = Russia in Global Affairs*. 2016;14(4):46-57.).
23. Dobrenkov V.I. Christian and Orthodox sociology. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya = Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2012;(2):3-24. (In Russ.).
24. Kravchenko S.A. The thorny path of the Russian sociology sovereignty: History, the present time and prospects. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya = RUDN Journal of Sociology*. 2025;25(2):273-285. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-273-285
25. Dugin A.G. Westernology: Towards a sovereign Russian science. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki = Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences*. 2024;(3):7-21. (In Russ.). DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-7-21

Информация об авторе

М. Ю. Чернавский — доктор философских наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой философии и культурологии факультета социально-гуманитарных технологий; 109004, Москва, ул. Земляной Вал, д. 73.

Information about the author

M. Yu. Chernavskiy — D.Sc. in Philosophy, Associate Professor, Acting Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the Faculty of Social and Humanitarian Technologies; 73 Zemlyanoy Val St., Moscow 109004, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025; одобрена после рецензирования 17.09.2025; принята к публикации 25.09.2025.

The article was submitted 25.08.2025; approved after reviewing 17.09.2025; accepted for publication 25.09.2025.

Научная статья

УДК 316:378

DOI: 10.35854/2219-6242-2025-3-332-341

О теории и методологии управления дополнительным профессиональным образованием в контексте парадигмы социологии

Андрей Викторович Лёгостев¹✉, Светлана Викторовна Береснева²

^{1, 2} Уральский государственный горный университет, Екатеринбург, Россия

¹ andrey.logostev@gmail.com ✉

² veta1004.sb@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-0831-586X>

Аннотация. В статье проведен анализ теории и методологии управления дополнительным профессиональным образованием (ДПО) с позиций социологии управления в условиях современных социально-экономических трансформаций. Актуальность темы обусловлена необходимостью адаптации образовательных систем к динамично изменяющемуся рынку труда, требующему от специалистов самоорганизации, критического мышления, цифровой грамотности и способности к непрерывному обучению. ДПО рассмотрено как ключевой инструмент формирования человеческого капитала и обеспечения профессиональной мобильности. В основе исследования находятся научные труды по социологии управления таких авторов, как Н. Л. Захаров, Е. М. Бабосов, В. В. Щербина и др.; классиков социологии, в частности Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Р. К. Мертон; эмпирические данные. Применены методы сравнительного и критического анализа, теоретического моделирования, концептуального синтеза и социального прогнозирования. Особое внимание уделено трехуровневой структуре социологии управления (эмпирия, теория среднего уровня, методология), которая позволяет изучать ДПО через социологические исследования, учитывать мотивацию слушателей и разрабатывать адаптивные образовательные программы.

В статье раскрыты методологические основы управления ДПО, включая тектологический подход А. А. Богданова, системный анализ и популяционную экологию. Указано на необходимость интеграции ДПО с рынком труда, разработки междисциплинарных программ и преодоления институциональной инерции. Рассмотрены модели ДПО, такие как корпоративная модель Российского государственного педагогического университета (РГПУ) имени А. И. Герцена и межвузовская кооперация, направленные на повышение квалификации и профессиональную социализацию. Результаты показывают многокомпонентность управления ДПО, требующую учета профессиональных, социокультурных и психолого-педагогических аспектов для подготовки специалистов, способных адаптироваться к современным вызовам.

Ключевые слова: дополнительное профессиональное образование, социально-профессиональная среда, управление образованием, социология образования, методология социологии управления

Для цитирования: Лёгостев А. В., Береснева С. В. О теории и методологии управления дополнительным профессиональным образованием в контексте парадигмы социологии // Социология и право. 2025. Т. 17. № 3. С. 332–341. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-332-341>

On the theory and methodology of management of additional professional education in the context of the paradigm of sociology

Andrey V. Lyogostev^{1✉}, Svetlana V. Beresneva²

^{1, 2} Ural State Mining University, Yekaterinburg, Russia

¹ andrey.logostev@gmail.com✉

² veta1004.sb@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-0831-586X>

Abstract. The article analyzes the theory and methods of managing supplementary vocational education (SVE) from the standpoint of the management sociology in the context of modern socio-economic transformations. The topic relevance is due to the need to adapt educational systems to a dynamically changing labor market that requires self-organization, critical thinking, digital literacy and the ability to continuous training from specialists. SVE is considered as a key tool for the formation of human capital asset and ensuring professional mobility. The study is based on scientific works on the sociology of management by such authors as N. L. Zakharov, E. M. Babosov, V. V. Shcherbina and others, as well as classicists of sociology, in particular E. Durkheim, T. Parsons, R. K. Merton, and empirical data. The work employed comparative and critical analysis, theoretical modeling, conceptual synthesis, and social forecasting. Particular attention is paid to the three-level structure of the management sociology (empirics, middle-range theory, methodology) which is used when studying SVE through sociological research, taking into account the motivation of students, and developing adaptive educational programs.

The article reveals the methodological foundations of SVE management, including the tectological approach of A. A. Bogdanov, systems analysis and population ecology. It points out the need to integrate SVE with the labor market, develop interdisciplinary programs, and overcome institutional inertia. The article discusses SVE models, such as the corporate model of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University (RSPU) and interuniversity cooperation aimed at improving qualifications and professional socialization. The results show the multicomponent nature of SVE management, which requires taking into account professional, socio-cultural, psychological and pedagogical aspects for training specialists capable of adapting to modern challenges.

Keywords: supplementary vocational education, socio-professional environment, education management, sociology of education, methods of management sociology

For citation: Lyogostev A.V., Beresneva S.V. On the theory and methodology of management of additional professional education in the context of the paradigm of sociology. *Sociology and Law. 2025;17(3):332-341.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-332-341>

Введение

Современный рынок труда требует от участников, помимо базовых навыков и компетенций, закрепленных в документе об образовании, способности к самоорганизации, критическому мышлению и обучению в течение жизни. Вызовы современности, ускоряющийся ритм жизни и специфика возрастающей мобильности социально-профессиональной среды выводят на первый план необходимость адаптации, культуру работы с информацией и владение современными цифровыми технологиями.

Дополнительное профессиональное образование (ДПО) в условиях социально-экономических трансформаций становится сегодня ключевым инструментом обеспечения профессиональной мобильности, адаптации к изменениям на рынке

труда и формирования человеческого капитала. С точки зрения социологии управления ДПО представляет собой объект управленческой деятельности, направленной на упорядочение социальных процессов, достижение целей образовательных организаций и удовлетворение потребностей экономики и общества в целом. В настоящей статье проанализированы теория и методология управления ДПО на основе принципов социологии управления, представленных в рамках имеющихся научных подходов.

Цель статьи — проанализировать теорию и методологию управления ДПО с позиций социологии управления, раскрыть их роль в обеспечении профессиональной мобильности и адаптации к современным социально-экономическим изменениям, а также предложить методологические основы для разработки эффективных подходов к управлению ДПО, интегрированных с потребностями рынка труда и вызовами современности. Актуальность обращения к этой теме обусловлена тем, что изучение процессов, форм, методов и теоретических основ управления ДПО требует значительного теоретического и методологического обоснования, поскольку проблемное поле, затронутое сложной междисциплинарной концепцией, широко. Цифровизация и дистанционные технологии требуют новых подходов к управлению, включая контроль качества и мотивацию слушателей. Интеграция с рынком труда предполагает тесное сотрудничество вузов и работодателей для разработки актуальных программ и карьерного трекинга выпускников. Консерватизм образовательных систем, не всегда соответствующий динамике рынка труда, требует инновационных методик и преодоления институциональной инерции.

Материалы и методы

В основе исследования — ряд научных трудов по социологии управления и смежным дисциплинам (работы отечественных ученых, таких как Н. Л. Захаров, Е. М. Бабосов, В. В. Щербина и др.). Эти источники обеспечили теоретическую базу для анализа социологии управления как социолого-регулятивной теории, ориентированной на изменение социального порядка. Труды классиков социологии, включая Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Р. К. Мертон, раскрывают институциональные аспекты образования и особенности социальной регуляции. В статье отражены также эмпирические данные и аналитические обзоры.

Методы исследования, примененные нами, соответствуют теоретико-аналитическому характеру работы и междисциплинарному подходу социологии управления. Они включают в себя сравнительный и критический анализ, теоретическое моделирование на основе трехуровневой структуры социологии управления (эмпирия, теория среднего уровня, методология), предложенной Н. Л. Захаровым и коллективом авторов. Применены элементы концептуального синтеза с учетом проанализированных трудов и концепций для разработки основ методологии управления ДПО с точки зрения социологического научного подхода; методы социального прогнозирования и проектирования подразумевают дальнейшее практическое применение методологических основ, отраженных в статье.

Методология социологии управления в управлении дополнительным профессиональным образованием: ретроспектива

Отечественная социология управления сформировалась, как и западная, на слиянии ряда дисциплин, основываясь на видении социологии управления как преимущественно практико-ориентированного научного знания, и в большей степени к середине 70-х гг. XX века. Но, несмотря на практическую направлен-

ность, вопрос о предмете социологии управления как науки по-прежнему остается в дискуссионной плоскости. Это обусловлено и многообразием подходов к концепции «управления», и различием в подходах к определению предмета социологии. В частности, В. В. Щербина прямо указывает на неопределенность терминов «управление» и «социология», делая акцент на их смысловой неоднозначности [1, с. 57].

Ряд авторов рассматривают социологию управления как специальную социолого-регулятивную теорию, ориентированную на изменение социального порядка (Е. Г. Зборовский, А. В. Тихонов, В. В. Щербина и др.). К примеру, Е. М. Бабосов, выделяя преобразовательную функцию социологии, утверждает, что социология управления изучает «процессы управления в различных типах общностей, организаций, институтов и общества в целом, осуществляемых для сохранения и обеспечения устойчивости развития соответствующей системы, упорядочения и совершенствования ее структуры, достижения ее целей» [2, с. 10]. Исследователь подразумевает, что изучение процессов управления логически связано с действием, деятельностью, содействием развитию, что само по себе является направленным действием.

Г. Е. Зборовский ввиду непрерывно изменяющейся социально-профессиональной среды индивида заявляет о необходимости концептуализации нелинейной модели высшего образования, в которую, как представляется, могли бы органично влиться система ДПО и ее элементы. Он предлагает понимать нелинейную модель высшего образования как инновационный подход к развитию образования, контрастирующий с традиционной линейной моделью. Она предполагает отказ от формального подхода, ориентированного на получение диплома, в пользу гибкой, альтернативной системы, способной адаптироваться к экономической и социальной неопределенности. Главные черты нелинейной модели: высокая сложность, мобильность, ресурсность и акцент на привлекательности образования для студентов и общества в действительности. Линейную модель критикуют за низкую эффективность, слабую связь с экономикой, наукой и культурой, а также за отсутствие интереса студентов к знаниям и компетенциям. В свою очередь, нелинейность рассматривают как доминирующий способ организации социальной реальности, требующий нового вектора развития образования [3, с. 502–503].

В контексте деятельностно-преобразовательного подхода развивается и концепция методологии Н. Л. Захарова, А. Л. Кузнецова, М. Б. Перфильевой. В статье «Методологические основания социологии управления» (2023) коллектив авторов выделяет методологические принципы социологии управления и демонстрирует их эволюцию от Античности до настоящего времени. Адекватная методология особенно важна, поскольку результаты этих исследований влияют на управленческие решения [4].

Социология управления, по данной методологической концепции, представляет собой трехуровневую структуру, включающую в себя методологию, теорию среднего уровня и эмпирию. В контексте управления ДПО эта структура проявляется следующим образом. На уровне эмпирии данные о состоянии ДПО собирают через социологические исследования, такие как анкетирование, интервью и анализ статистики, отражающие потребности потребителей и работодателей. Например, исследования показывают рост спроса на программы ДПО в условиях цифровизации и изменения профессиональных стандартов. Хоторнские эксперименты, описанные коллективом авторов, указывают на важность неформальных социальных связей в повышении эффективности труда. По отношению к ДПО это применимо в полной мере: мотивация слушателей и потенциальных слушателей напрямую зависит не только от содержания

программ, но и от благоприятной образовательной среды, ряда организационных факторов и др.

На уровне теории среднего уровня концепция человеческих отношений Э. Мэйо, выделенная Н. Л. Захаровым и коллективом авторов, акцентирует роль социальных факторов в управлении. В контексте управления ДПО это означает необходимость учета мотивации, ценностей и профессиональных ожиданий как слушателей, так и педагогических работников, представляющих образовательную организацию на срезе именно человеческой составляющей отношений слушателя и вуза. Системная концепция управления, представленная М. И. Сетровым, рассматривает образовательную организацию как социотехническую систему, в которой управление включает в себя формализацию отношений. Применительно к управлению ДПО это подразумевает регламентацию программ и стандарты, балансирование с внешней средой, то есть рынком труда [5].

Концепция популяционной экологии, предлагаемая Хэннаном и Фрименом, представляет значительный интерес с точки зрения освещения взаимодействия организации и среды, ее жизненного цикла [6, с. 44–45]. Будучи преемниками теории функционального анализа отношений между организацией и средой, предложенной Т. Парсонсом, авторы уходят от классической концепции адаптационного подхода и уделяют значительное внимание принципу изоморфизма; согласно ему, структурные элементы социальной организации в полной мере соответствуют подразделениям, через которые в систему поступают ключевые ресурсы. Приведенный подход относительно управления процессами в сфере развития ДПО адекватен складывающимся условиям конкурентной борьбы и требованиям к самостоятельной выработке стратегий развития и принятия решений. Этот подход указывает и на необходимость адаптации организации, реализующей дополнительные профессиональные программы, к социально-экономическим условиям, рынкам труда и человеческого капитала, то есть к специфическим экологическим нишам, например отраслевым рынкам. Это требует гибкости в разработке образовательных продуктов. Р. К. Мертон утверждает, что образование, помимо общепризнанной функциональности, имплицитно готовит человека к будущим статусам в статусно-профессиональной системе, и данный аспект подготовки специалиста также нельзя не учитывать [7, с. 546].

Методологические основы социологического подхода в управлении дополнительным профессиональным образованием

На уровне методологии Н. Л. Захаров и коллектив авторов выделяют три этапа ее развития: метафизику, диалектику и тектологию. Для управления ДПО наиболее релевантна тектологическая методология А. А. Богданова, выделяющая принципы организованности и уравнивания системы с внешней средой. Тектология предполагает, что управление ДПО должно учитывать целостность образовательной организации, ее взаимодействие с рынком труда и обратную связь от потребителей. Это согласуется с необходимостью интеграции социокультурных, психолого-педагогических и профессиональных компонентов ДПО в единую систему. Интегрированная система образования, понимание которой приводит Е. И. Демидова и коллектив авторов, — это система непрерывного образования, встроенная в комплекс мер воспроизводства, развития и реализации человеческого капитала [8]. Она предполагает наличие единых стратегических целей развития образования; единого образовательного пространства; внутренних взаимосвязей между уровнями, организациями, управленческими и общественными структурами; встроенность в рынок труда и кооперацию с научной сферой и др.

Подобной точки зрения придерживается И. О. Котлярова. Она пишет о том, что главное противоречие в системе ДПО возникает вследствие несоответствия социального заказа (потребностей слушателей, предприятий, общества и государства) возможностям, которые сегодня могут предложить организации ДПО. Слушатели нуждаются в знаниях и навыках для выполнения новых трудовых функций. Например, цифровизация экономики требует от вузов и иных организаций ДПО формирования цифровой грамотности и компетентности как у сотрудников предприятий, так и у граждан. Предприятия уточняют свои запросы, в зависимости от специфики деятельности, акцентируя внимание на получении специалистами (трудоустроенными и потенциальными) актуальных навыков. Развитие производства требует регулярной подготовки таких специалистов к освоению новых и новых компетенций, областей знания. Возрастает спрос на развитие социально-профессиональных навыков для специалистов всех сфер как фактора успешной социализации и адаптации в социально-профессиональной среде [9].

Если вернуться к социологии управления в управлении ДПО, то, согласно определению Е. М. Бабосова, она изучает процессы управления в различных типах общностей, организаций, институтов и общества в целом, осуществляемых для сохранения и обеспечения устойчивости развития соответствующей системы, упорядочения и совершенствования ее структуры, достижения ее целей [2, с. 14]. В контексте управления ДПО социология управления фокусируется на регулятивных воздействиях, обеспечивающих функционирование образовательных организаций, реализующих программы ДПО, и их взаимодействие с рынком труда.

И. Ф. Игнатьева обращает внимание на прикладной характер социологии управления, рассматривая ее как социолого-регулятивную теорию, ориентированную на изменение социального порядка [10, с. 132]. Применительно к ДПО это проявляется в аналитической функции, связанной с исследованием потребностей рынка труда, мотивации слушателей программ и эффективности образовательных программ, регулятивной функции, заключающейся в разработке управленческих решений для адаптации программ ДПО к запросам работодателей и специалистов, а также преобразовательной функции, направленной на формирование новых образовательных траекторий, способствующих профессиональной социализации и карьерному развитию.

Дискуссия о преобразовательной функции, о которой пишет И. Ф. Игнатьева, тоже упоминает о важном дискурсе относительно преобразовательной функции социологии управления и предметности исследований, вносимых изменений в среду человека. Одни исследователи видят в социологии управления инструмент изменения образовательной реальности, а другие, например, ограничивают ее аналитическими задачами, возлагая практическую реализацию на управленцев.

Отталкиваясь от предложенной Н. Л. Захаровым и коллективом авторов концепции, методология социологии управления, применяемая к ДПО, включает в себя структурно-функциональный анализ, системный подход, популяционную экологию и организационное научение. С точки зрения структурно-функционального анализа, основы которого прослеживаются в работах Дюркгейма [11] и Парсонса [12], можно рассматривать образовательные организации как системы, в которых ДПО, в частности программы профессиональной переподготовки, предполагающие освоение новых компетенций, выполняет функции профессиональной социализации, интеграции в профессиональную среду и обретение конкурентных преимуществ, а также указанной ранее адаптивности к условиям изменяющейся социально-профессиональной среды [13]. Управление направлено на поддержание устойчивости системы через стандартизацию программ и учет внешних требований, таких как ФГОС и профессиональные стандарты.

Сегодня наблюдается размывание дисциплинарных границ в контексте развития современного производства. Поэтому логичным и обоснованным представляется применение проектного подхода в управлении ДПО. Слушателям программ, будущим специалистам и их работодателям необходимы профессии на стыке нескольких дисциплин, с включением высокотехнологичного, цифрового элемента, культуры работы с информацией, самообучения, социально-профессиональных навыков. Для выполнения производственных задач требуются специалисты, обладающие знаниями в нескольких профессиональных сферах и способные предлагать эффективные, нетривиальные решения. В связи с этим образовательный процесс в системе управления образованием должен строиться на междисциплинарном взаимодействии, интегрируя в себя ряд предметов из общего образования, основного и ДПО [14].

Системный подход, который представляется наиболее релевантным в складывающихся условиях, позволяет рассматривать ДПО в вузе как гетерогенную систему, включающую в себя техническую подсистему, то есть технологии обучения, и социальную, то есть отношения между слушателями, преподавателями и работодателями. Управление фокусируется на формализации отношений и адаптации к внешним условиям. Популяционная экология предполагает, что программы ДПО должны быть изоморфны отраслевым требованиям. Например, в IT-сфере акцент делают на цифровых компетенциях, в здравоохранении — на медицинских стандартах. Организационное научение, предложенное К. Арджирисом, включает в себя фиксацию ошибок, например, несоответствия программ запросам рынка, и их исправление через двойную петлю научения, то есть пересмотр целей и методик. Это особенно важно в условиях быстрого устаревания знаний [15, с. 64].

Результаты и обсуждение

Управление ДПО характеризуется многокомпонентностью, поскольку ДПО интегрирует профессиональные, социокультурные и психолого-педагогические аспекты. Управление требует учета этих компонентов для формирования всесторонне развитого специалиста, способного адаптироваться к изменениям на рынке труда. Ориентированность на удовлетворение личностных и профессиональных нужд человека, закреплённая в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273 «Об образовании в Российской Федерации», проявляется в разнообразии форм обучения (очно, заочно, дистанционно, стажировки) и сроков, что требует от управления постоянного мониторинга рынка труда для адаптации программ под запросы потребителей и работодателей.

Институционализация ДПО подразумевает его трансформацию в системный компонент образования, выполняющий функции профессиональной социализации и интеграции. Управление ДПО направлено на укрепление связей как между системами, задействованными при реализации дополнительных профессиональных программ в образовательной организации, так и между вузами, работодателями и профессиональными сообществами. Социальное прогнозирование и проектирование, предложенные социологией управления, включают в себя методики (в их числе — матрица идей для анализа вариантов программ с учетом ресурсов и сроков) и мозговой штурм для генерации инновационных решений. Содержание образовательного процесса, формы и методы работы в адаптивной модели варьируются в зависимости от поставленных приоритетных задач. В аналитическом обзоре современных моделей ДПО научно-педагогических кадров в университетах И. В. Ирхина и А. О. Кравец, к примеру, пишут о том, что в Московском госу-

дарственном университете имени М. В. Ломоносова, в модели корпоративного образования, в основу учебного процесса заложен принцип тесной интеграции академической науки и высшей школы с учетом особенностей современной практики. Модель ДПО научно-педагогических кадров, основанная на межвузовской кооперации, формируется за счет интеграции образовательных ресурсов разных университетов. Совместная работа нескольких вузов направлена на разработку и реализацию наиболее актуальных и востребованных учебных программ, дисциплин для подготовки и переподготовки кадров.

В РГПУ имени А. И. Герцена применяют корпоративную модель, суть которой заключается в комплексной «командной» переподготовке и повышении квалификации преподавателей кафедры, факультета или тех, кто реализует определенную образовательную программу. В рамках ДПО научно-педагогических кадров применяется проблемно-кейсовый подход к обучению: на занятиях осуществляется совместный поиск решений общей исследуемой проблемы, значимой для всех участников [16].

Выводы

Управление ДПО с точки зрения социологии управления представляет собой комплексный процесс, направленный на упорядочение образовательных систем, адаптацию к внешним условиям и удовлетворение потребностей общества. Теоретические основы, включая концепции человеческих отношений, системный подход и популяционную экологию, свидетельствуют о значимости учета социальных факторов и гибкости в управлении. Тектологическая методология, предложенная А. А. Богдановым и развитая в дальнейшем Н. Л. Захаровым и коллективом авторов, акцентирующая организованность и взаимодействие с внешней средой, представляется наиболее адекватной для разработки управленческих решений в сфере ДПО в условиях вуза. Практическая реализация требует применения методов социального прогнозирования и проектирования, а также интеграции систем принятия решений, ресурсообеспечения, профессионального капитала образовательной организации для создания устойчивой системы развития ДПО.

Список источников

1. Щербина В. В. Социология управления как специальная социолого-регулятивная теория: генезис, рост, перспективы // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 56–66. DOI: 10.31857/S013216250009420-5
2. Бабосов Е. М. Социология управления: пособие для студентов вузов. Мн.: ТетраСистемс, 2006. 288 с.
3. Зборовский Г. Е. Избранное: 1972–2022. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2023. 749 с.
4. Методологические основания социологии управления / Н. Л. Захаров, А. Л. Кузнецов, А. В. Воронцов, М. Б. Перфильева, А. В. Прокофьева, А. Ю. Внутских // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. № 2. С. 251–267. DOI: 10.17072/2078-7898/2023-2-251-267
5. Сетров М. И. Основы функциональной теории организации: философский очерк. Ленинград: Наука, 1972. 164 с.
6. Хэннан М., Фримен Дж. Популяционная экология организаций / пер. с англ. Г. Б. Юдина // Экономическая социология. 2013. Т. 14. № 2. С. 42–71.
7. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. М.: АСТ, Хранитель, 2006. 873 с.
8. Демидова Е. И., Гришин С. Е., Константинова Л. В., Митрохина Т. Н. Формирование интегрированной системы образования: постановка проблемы // Власть. 2019. Т. 27. № 4. С. 46–50. DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6584

9. Котлярова И. О. Развитие инноваций в дополнительном профессиональном образовании // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2021. Т. 13. № 3. С. 6–22. DOI: 10.14529/ped210301
10. Игнатьева И. Ф. Понимание социальной сферы в социальном менеджменте // Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2013. № 6. С. 132–139.
11. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. Л. Б. Гофмана. М.: Наука, 1991. 572 с.
12. Parsons T. Theories of society: Foundations of modern sociological theory. New York: Free Press, 1961. 1479 p.
13. Береснева С. В. Специфика социально-профессиональной среды потребителя ДПО // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 3. С. 206–211. DOI: 10.52452/18115942_2024_3_206
14. Интеграция ресурсов общего, профессионального и дополнительного профессионального образования как фактор успешности в реализации современных образовательных проектов / В. Н. Шелудько, О. Н. Ковальчук, А. А. Минина, С. Т. Сидоренко, И. Ю. Соловьев // Инновации. 2018. № 10. С. 3–6.
15. Арджирис К. Организационное научение / пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 2004. 563 с.
16. Ирхина И. В., Кравец А. О. Анализ современных моделей дополнительного профессионального образования научно-педагогических кадров в университетах // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. Т. 41. № 3. С. 496–508. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-496-508

References

1. Shcherbina V.V. Sociology of management as a special socio-regulative theory. Genesis, growth, outlook. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2020;(5):56-66. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013216250009420-5
2. Babosov E.M. Sociology of management: A manual for university students. Minsk: TetraSystems; 2006. 288 p. (In Russ.).
3. Zborovskii G.E. Selected works: 1972-2022. Ekaterinburg: Humanitarian University; 2023. 749 p. (In Russ.).
4. Zakharov N.L., Vorontsov A.V., Kuznetsov A.L., et al. Methodological foundations of sociology of management. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya = Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"*. 2023;(2):251-267. (In Russ.). DOI: 10.17072/2078-7898/2023-2-251-267
5. Setrov M.I. Fundamentals of the functional theory of organization: A philosophical essay. Leningrad: Nauka; 1972, 164 p. (In Russ.).
6. Hannan M.T., Freeman J. The population ecology of organizations. *American Journal of Sociology*. 1977;82(5):929-964. DOI: 10.1086/226424 (In Russ.: Hannan M., Freeman J. Populyatsionnaya ekologiya organizatsii. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Economic Sociology*. 2013;14(2):42-71.).
7. Merton R.K. Social theory and social structure. New York, NY: The Free Press; 1968. 702 p. (Russ. ed.: Merton R.K. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura*. Moscow: AST; 2006. 873 p.).
8. Demidova E.I., Grishin S.E., Konstantinova L.V., Mitrokhina T.N. Formation of an integrated education system: Problem statement. *Vlast' = The Authority*. 2019; 27(4):46-50. (In Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6584
9. Kotlyarova I.O. Development of innovations in continuing professional education. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki = Bulletin of the South Ural State University. Series: Education. Educational Sciences*. 2021;13(3):6-22. (In Russ.). DOI: 10.14529/ped210301
10. Ignatieva I.F. Understanding of the social sphere in social management. *Izvestiya SPbGETU LETI = Proceedings of Saint Petersburg Electrotechnical University*. 2013;(6):132-139. (In Russ.).
11. Durkheim É. De la division du travail social. Paris: Les Presses Universitaires de France; 1967, 416 p. Durkheim É. Les règles de la méthode sociologique. Paris: Les Presses

- Universitaires de France; 1895. 149 p. (Russ. ed.: Durkheim É. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii. Moscow: Nauka; 1991. 572 p.).
12. Parsons T. Theories of society: Foundations of modern sociological theory. New York, NY: The Free Press; 1961. 1479 p.
13. Beresneva S.V. Socio-professional environment of the APE-students. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki = Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2024;(3):206-211. (In Russ.). DOI: 10.52452/18115942_2024_3_206
14. Sheludko V.N., Kovalchuk O.V., Minina A.A., Sidorenko S.T., Solovyov I.Yu. Integration resources of general, professional and additional professional education as a factor of success in the implementation of modern educational projects. *Innovatsii = Innovations*. 2018;(10):3-6. (In Russ.).
15. Argyris C. On organizational learning. Oxford; Malden, MA: Wiley-Blackwell; 1999. 480 p. (Russ. ed.: Argyris C. Organizatsionnoe nauchenie. Moscow: Infra-M; 2004. 563 p.).
16. Irkhina I.V., Kravets A.O. Analysis of modern models of additional professional education of scientific and pedagogical personnel at universities. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniiya = Issues in Journalism, Education, Linguistics*. 2022;41(3):496-508. (In Russ.). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-496-508

Информация об авторах

А. В. Лёгостев — кандидат социологических наук, академик Международной академии аграрного образования (МАО), директор Института дополнительного профессионального образования; 620144, Екатеринбург, Куйбышева ул., д. 30;

С. В. Береснева — и. о. директора Института дополнительного профессионального образования; 620144, Екатеринбург, Куйбышева ул., д. 30.

Information about the authors

A. V. Lyogostev — PhD in Sociology, Academician of the International Academy of Agrarian Education (IAAO), Director of the Institute of Continuing Professional Education; 30 Kuybysheva St., Yekaterinburg 620144, Russia;

S. V. Beresneva — Acting Director of the Institute of Continuing Professional Education; 30 Kuybysheva St., Yekaterinburg 620144, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 17.06.2025; одобрена после рецензирования 25.07.2025; принята к публикации 25.09.2025.

The article was submitted 17.06.2025; approved after reviewing 25.07.2025; accepted for publication 25.09.2025.

Научная статья

УДК 316.35:331.52

DOI: 10.35854/2219-6242-2025-3-342-349

Экономическая самостоятельность российской семьи: планы и реальность 2024

Татьяна Сергеевна Афанасьева^{1✉}, Татьяна Олеговна Третьякова²

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

¹ tafanasy@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-8616-2427>

² tretyakova-t@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9234-8132>

Аннотация. В статье утверждается, что в современных экономических условиях, в которых динамика изменения демографической ситуации в России ежегодно имеет отрицательный прирост, для развития страны все более актуальным становится процесс формирования экономической самостоятельности семьи. Российское государство принимает ряд мер по поддержке и развитию экономической самостоятельности семьи. Данные меры приведены в Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г. Настоящее исследование посвящено вопросу изучения экономической самостоятельности российской семьи через анализ планов, изложенных в Концепции на 2014–2025 гг., и достигнутых результатов. В нем авторами рассмотрены статистические данные, а также оценены итоги реализации Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г.

Ключевые слова: демография, семья, экономическая самостоятельность, социальная поддержка, семейная политика, меры государственной поддержки, Концепция 2014–2025 гг.

Для цитирования: Афанасьева Т. С., Третьякова Т. О. Экономическая самостоятельность российской семьи: планы и реальность 2024 // Социология и право. 2025. Т. 17. № 3. С. 342–349. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-342-349>

Original article

Economic independence of the Russian family: Plans and reality in 2024

Tatiana S. Afanasyeva^{1✉}, Tatyana O. Tretyakova²

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

¹ tafanasy@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-8616-2427>

² tretyakova-t@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9234-8132>

Abstract. The article states that in the current economic conditions, where the dynamics of changes in the demographic situation in Russia shows a negative growth every year, the process of creating the familial economic independence is becoming increasingly relevant for the country development. The Russian state is taking a number of measures to support and develop the familial economic independence. These measures are included in the Concept of State Family Policy in the Russian Federation for the period up to 2025. This study is focused on the issue of studying the economic independence of the Russian family through the analysis of the plans set forth in the Concept for 2014–2025 and the results achieved. Its authors reviewed statistical data and assessed the results of the

implementation of the Concept of State Family Policy in the Russian Federation for the period up to 2025.

Keywords: demography, family, economic independence, social support, family policy, state support measures, Concept of 2014–2025

For citation: Afanasyeva T.S., Tretyakova T.O. Economic independence of the Russian family: Plans and reality in 2024. *Sociology and Law*. 2025;17(3):342-349. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-342-349>

Введение

Развитие общества и государства представляет собой многогранный процесс, состоящий из множества социально-экономических и общественно-политических аспектов. Условием развития страны служит рост благосостояния населения, важнейшей ячейкой которого является институт семьи.

Актуальность темы исследования подтверждается тем обстоятельством, что в условиях демографического кризиса (по данным Росстата, в январе — июне 2024 г. естественная убыль населения России составила 321,5 тыс. человек, за этот же период прошлого года — 272,5 тыс.), к преодолению которого активно стремится Российская Федерация (РФ), фактором, побуждающим развитие кризисных явлений, справедливо признан низкий уровень материального благосостояния российских семей¹. Именно на устранение такого положения и перемены к лучшему нацелены меры государственной поддержки, перечисленные в Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года (далее — Концепция)².

Научное сообщество регулярно рассматривает актуальные вопросы социально-экономического развития российских домохозяйств. В процессе исследования проанализированы работы ряда отечественных ученых. Среди них — И. А. Григорьева [1], И. И. Елисеева [2], М. А. Козлова [3], К. Н. Назин [4], В. Д. Роик [5], Т. К. Ростовская и О. В. Кучмаева [6], Л. Д. Шайдукова [7] и др. Несмотря на то, что вопросы, посвященные исследованию экономического развития семьи в России, часто освещают в научной литературе, однако оценки влияния мер государственной поддержки, перечисленных в Концепции, на экономическое развитие семьи по итогам указанного периода не представлено.

Цель исследования — анализ Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г. и оценка результатов ее реализации. В работе использованы экономико-математические, структурно-логические методы исследования, проведена аналитическая обработка различных документов, положений.

Основная часть

В качестве приоритетных целей Концепции выделено развитие института семьи, поддержание семейных ценностей, развитие самостоятельности в принятии решений относительно внутренней жизни, а также развитие экономической

---

¹ Оценка численности постоянного населения РФ на 01.01.2025 // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 01.05.2025).

² Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167897/1ae3172271088ff17d13f732abf826846524ab91/ (дата обращения: 22.03.2025).

самостоятельности. Последнее выражено в мерах поддержки при рождении и воспитании детей, а также льготах, связанных с жилищным вопросом.

В рассматриваемой нами Концепции общественно значимыми функциями семьи признаны не только репродуктивная и воспитательная, но и экономическая. В этом документе отражен переход к поддержке экономической независимости домохозяйств как одного из видов производителей валового внутреннего продукта (ВВП). Иными словами, семье возвращают экономический смысл.

Несмотря на ряд мер, предпринимаемых государством, результаты реализации Концепции неоднозначны. Для подтверждения данного тезиса обратимся к официальной статистике.

В 2024 г. в России зарегистрировано около 880 тыс. браков. По сравнению с аналогичным показателем годичной давности наблюдается снижение примерно на 7 %, что отражено на рисунке 1.

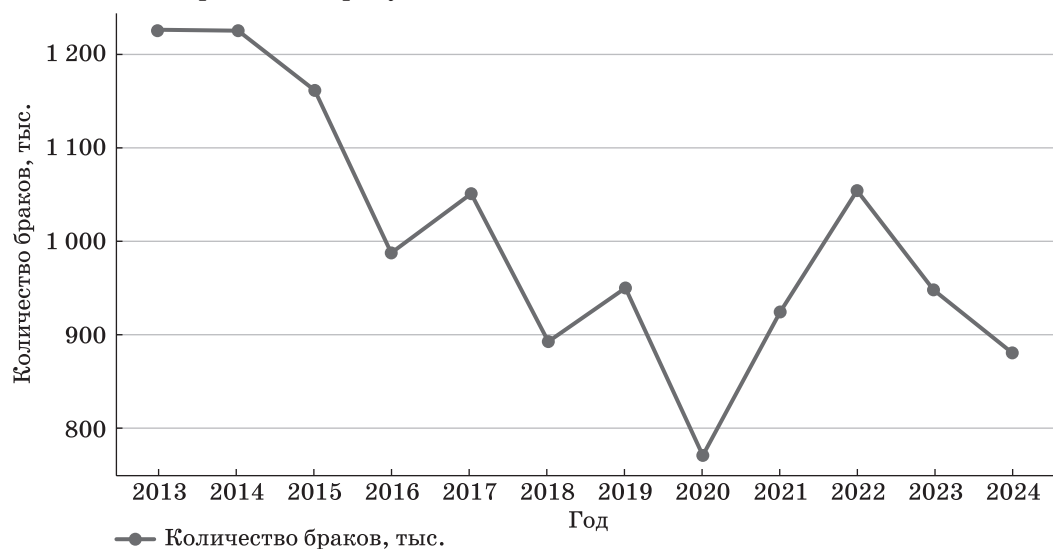

Рис. 1. Динамика количества браков в России, 2013–2024 гг.

Fig. 1. Dynamics of the number of marriages in Russia, 2013–2024

Источник: Браки и разводы в России // TAdviser. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Браки_и_разводы_в_России (дата обращения: 22.03.2025).

В 2024 г., по сравнению с 2023 г., наблюдается снижение показателя разводов, как видно на рисунке 2.

В 2024 г. зарегистрировано около 644 тыс. разводов, что на 6 % ниже по сравнению с 2023 г. Однако, оценивая динамику за последние десять лет, можно заключить, что показатели не настолько оптимистичны. С 2015 по 2024 г. произошло увеличение количества разводов на 5 %. Опасения вызывает показатель доли неполных семей, который за время действия Концепции существенно возрос и по состоянию на сегодняшний день составляет около 40 %.

Представленный выше анализ статистических данных позволяет предположить, что основные процессы, характеризующие текущее состояние семейной политики в России, показали отрицательную динамику. Следовательно, на современном этапе прослеживаются существенные проблемы в процессе реализации исследуемой Концепции.

В целях более детальной оценки соответствия запланированных показателей реальным значениям целесообразно обратить внимание на раздел 7 «Ожидаемые

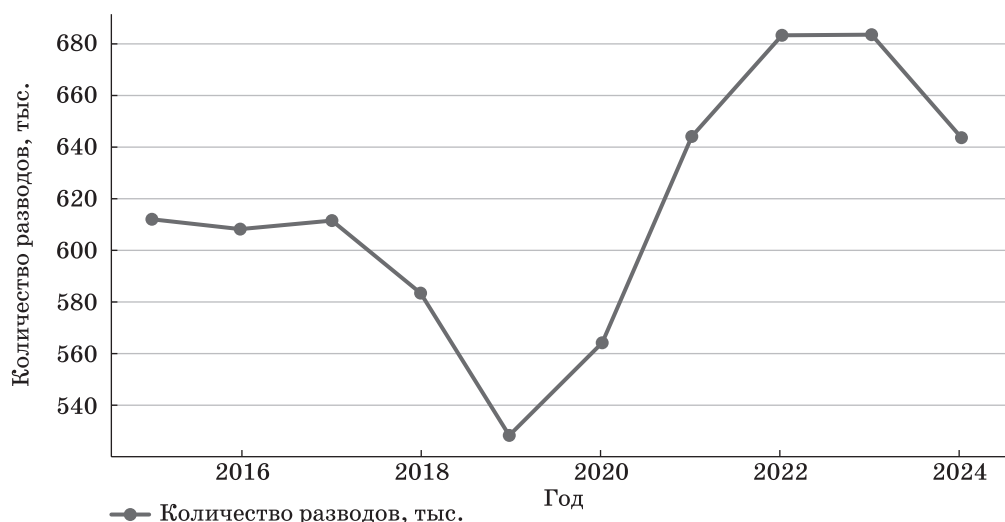

Рис. 2. Динамика количества разводов в России, 2015–2024 гг.

Fig. 2. Dynamics of the number of divorces in Russia, 2015–2024

Источник: Браки и разводы в России // TAdviser. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Браки_и_разводы_в_России (дата обращения: 22.03.2025).

результаты реализации Концепции». Экономическая самостоятельность семьи строится на основании анализа материального благосостояния, а также покупательской способности. В этой связи уместно проанализировать показатель среднедушевого дохода российских семей через призму прожиточного минимума. Для сравнения целесообразно выбрать период действия Концепции. В России показатель среднедушевого дохода с 2014 г. по третий квартал 2024 г. возрос на 56 % и составил 61 197 руб.¹.

Интерес представляет и такой показатель, как базовый размер прожиточного минимума, который в 2024 г. составил 15 453 руб. Между тем в регионах жизнь построена по-разному, поэтому власти субъектов РФ определяют свой размер прожиточного минимума, который может быть как ниже федерального, так и значительно выше. Например, наибольший размер базового уровня прожиточного минимума в 2024 г. установлен на Чукотке (39 813 руб.), наименьший — в Липецкой области (12 661 руб.). По уровню прожиточного минимума определяют степень нуждаемости семей (например, чтобы получить статус малообеспеченной или малоимущей семьи).

Приведенные показатели следует оценивать в совокупности с некоторыми другими (например, потребительской корзиной). Понять, насколько существенным является рост среднедушевого дохода и реален ли он, можно оценив уровень цен на предметы из потребительской корзины.

В 2024 г. средняя розничная стоимость потребительской корзины в России увеличилась на 13 %, в стоимостном выражении подорожание составило 159 руб.² Росстат в 2024 г. провел мониторинг среднего набора потребительской корзины россиян, в которую вошли мясо, молочные продукты, рыба, овощи, фрукты,

¹ Прожиточный минимум и МРОТ выросли: какими будут пособия, больничные и декретные в 2024 году // Банки.ру. 2023. 23 января. URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10979011> (дата обращения: 22.03.2025).

² Там же.

крупы и макаронные изделия, хлебобулочные изделия, сладости, соусы, приправы, консервы, орехи, сухофрукты, чай и кофе. Это показано в таблице 1.

Таблица 1

Средняя стоимость продуктовой корзины для россиян в 2024 г.

Table 1. Average cost of a food basket for Russians in 2024

Категория продуктов	Средняя корзина россиянина	Корзина одиноких
Крупы и макароны	3,9 кг	3,1 кг
Мясные продукты	13,6 кг	13,1 кг
Яйца	40 шт.	30 шт.
Молочные продукты	16,3 кг/л	16,2 кг/л
Овощи и фрукты	25,3 кг	20,8 кг
Сладости	5,6 кг	5,6 кг
Напитки	1,3 л	1,1 л
Консервы	4,3 кг	4,7 кг
Сухофрукты и орехи	1,5 кг	1,5 кг
Прочее (соусы, соль, сахар и т. д.)	10,1 кг/л	9,7 кг/л

Источник: Прожиточный минимум и МРОТ выросли: какими будут пособия, больничные и декретные в 2024 году // Банки.ру. 2023. 23 января. URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10979011> (дата обращения: 22.03.2025).

Средняя цена по России продуктовой корзины для одиноких россиян — 16 793 руб., а цена ее для семейных людей (в расчете на человека) — 21 941 руб. Рассмотрим рост цен в динамике на некоторые продукты из приведенного выше списка.

Стоимость хлеба с 2014 г. подорожала с 36,6 руб. за килограмм до 220 руб. по состоянию на март 2025 г.¹ По состоянию на конец 2014 г. средняя цена за десяток яиц в России варьировалась в пределах 59 руб.; аналогичный показатель в 2024 г. составил около 110 руб.² Следовательно, в указанный период произошел рост на 87 %.

Несмотря на стратегическую важность расчета показателей стоимости хлеба и яиц, характеризующих уровень реализации первостепенных потребностей граждан, экономическая самостоятельность семьи в большей степени оценивается посредством анализа цен на жилье (покупка/аренда) и автомобиля³. Поскольку рынок жилья многогранен и сложно устроен, расчет показателя средней стоимости может быть обременен множеством факторов.

¹ Розничные цены на хлеб с 2014 года выросли более чем на 20 % // Alto-Group. URL: <https://alto-group.ru/new/784-roznichnye-ceny-na-xleb-s-2014-goda-vyrosli-bolee-chem-na-20.html> (дата обращения: 22.03.2025).

² Средняя цена куриных яиц в России в июле 2016 г. составила 52,14 руб./10 шт. // Meatinfo.ru. 2016. 7 сентября. URL: <https://meatinfo.ru/news/srednyaya-tsena-kurinih-yaits-v-rossii-361831> (дата обращения: 22.03.2025).

³ Воронаева В. Экономист оценил возможность подорожания хлеба в 2025 году // Финансы mail.ru. 2025. 7 февраля. URL: <https://finance.mail.ru/2025-02-07/ekonomist-podschital-vozmozhnost-podorozhaniya-hleba-v-2025-godu-64777213/> (дата обращения: 22.03.2025).

В этой связи уместно сравнить норматив стоимости квадратного метра общей площади жилого помещения по РФ¹. По состоянию на второе полугодие 2014 г. норматив стоимости квадратного метра определен в пределах 35 915 руб. На 2024 г. аналогичный показатель составил 109 002 руб., а следовательно, возрос более чем в три раза.

Среднероссийская стоимость аренды однокомнатной квартиры в 2014 г. составляла 16 тыс. руб. По состоянию на 2024 год этот показатель возрос до 27 тыс. руб. Таким образом, относительный рост средней стоимости аренды однокомнатных квартир в России за последние десять лет достигает около 70 %².

Следующий показатель, который интересен в рамках оценки экономической самостоятельности российских семей, — средняя стоимость новых автомобилей в РФ. По данным отдела аналитики «АВТОСТАТ», «за 9 месяцев 2014 г. средневзвешенная цена нового легкового автомобиля в России составила 993 тысячи рублей»³. Вместе с тем средняя стоимость нового автомобиля в России в 2024 г. увеличилась на 0,3 % (на 9,5 тыс. руб.), достигнув 3,72 млн рублей. Как следует из данных, приведенных выше, рост стоимости нового автомобиля в РФ в относительном выражении достигает примерно 370 %⁴.

Выводы

С учетом вышеизложенного можно сделать выводы о том, что государственные меры поддержки семей в России в виде стимулирования рождаемости, материальной поддержки в форме денежных пособий, льгот при приобретении жилья (льготное ипотечное кредитование) и иные не привели на практике к результатам, которые запланированы в исследуемой Концепции.

Рассмотренные нами статистические данные, а также результаты анализа исследований позволяют подвести следующие итоги.

1. За последние десять лет наблюдается снижение количества заключенных браков и повышение количества разводов.

2. В аналогичный период прослеживается рост количества неполных семей. По данному показателю Россия выступает одним из мировых лидеров.

3. Выявлено снижение экономической самостоятельности российских семей, которое произошло несмотря на рост показателя среднедушевого дохода. Данный феномен объясняется тем фактом, что рост стоимости предметов потребительской корзины, а также стоимости и аренды жилья существенно опережает рост доходов.

---

¹ О нормативе стоимости одного квадратного метра общей площади жилого помещения по Российской Федерации на второе полугодие 2024 года и показателях средней рыночной стоимости одного квадратного метра общей площади жилого помещения по субъектам Российской Федерации на III квартал 2024 года: приказ Минстроя России от 18 июня 2024 г. № 390/пр // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/409294726/?ysclid=mel9n2vxkw27478298> (дата обращения: 22.03.2025).

² Аренда квартир подорожала в России до 31,4 % в 2024 году // Кубань 24: сетевое издание. URL: <https://kuban24.tv/item/arenda-kvartir-podorozhala-v-rossii-do-31-4-v-2024-godu> (дата обращения: 22.03.2025).

³ Средние цены на новые автомобили по маркам // Автостат. 2014. 5 ноября. URL: <https://www.autostat.ru/infographics/18569/> (дата обращения: 22.03.2025).

⁴ Средняя стоимость новых автомобилей в России в 2024 году осталась почти неизменной // Эксперт Сибирь и Дальний Восток. 2025. 14 января. URL: <https://expertsibdv.com/news/srednyaya-stoimost-novykh-avtomobiley-v-rossii-v-2024-godu-ostalas-pochti-neizmennoy/> (дата обращения: 22.03.2025).

Среди возможных причин неутешительных результатов реализации Концепции можно выделить нестабильную геополитическую ситуацию и условия неопределенности, вызванные распространением коронавирусной инфекции COVID-19 и продолжающейся специальной военной операцией. Для устранения выявленных проблем необходимо расширение мер государственной поддержки семей.

Список источников

1. Григорьева И. А. Социальная работа с семьей: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2025. 149 с.
2. Демография и статистика населения: учебник / под ред. И. И. Елисеевой, М. А. Клупта. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 405 с.
3. Козлова М. А., Козлов А. И. Антропология: учебник и практикум. М.: Юрайт, 2025. 319 с.
4. Назин К. Н., Кокурин Д. И. Экономика России. Инфраструктура: учебник. М.: Юрайт, 2025. 277 с.
5. Роик В. Д. Социальная политика государства: социальная сплоченность: учеб. пособие. М.: Юрайт, 2024. 468 с.
6. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Семья в системе социальных институтов общества: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 331 с.
7. Шайдукова Л. Д. Социальная политика Российской Федерации: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 172 с.

References

1. Grigor'eva I.A. Social work with families: Textbook. 2nd ed. Moscow: Urait; 2025; 149 p. (In Russ.).
2. Eliseeva I.I., Klupt M.A., eds. Demography and population statistics: Textbook. 3rd ed. Moscow: Urait; 2025; 405 p. (In Russ.).
3. Kozlova M.A., Kozlov A.I. Anthropology: Textbook and practical course. Moscow: Urait; 2025; 319 p. (In Russ.).
4. Nazin K.N., Kokurin D.I. Economy of Russia. Infrastructure: Textbook. Moscow: Urait; 2025; 277 p. (In Russ.).
5. Roik V.D. Social policy of the state: Social cohesion: Textbook. Moscow: Urait; 2024; 468 p. (In Russ.).
6. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V. Family in the system of social institutions of society: Textbook for universities. 3rd ed. Moscow: Urait; 2025; 331 p. (In Russ.).
7. Shaidukova L.D. Social policy of the Russian Federation: Textbook. 2nd ed. Moscow: Urait; 2025; 172 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Т. С. Афанасьева — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры управления социально-экономическими системами; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; SPIN-код: 1908-9880;

Т. О. Третьякова — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры медиакоммуникаций и рекламы; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; SPIN-код: 7790-0205.

Information about the authors

T. S. Afanasyeva — PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Media Communications and Advertising; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia; SPIN-code: 1908-9880;

T. O. Tretyakova — PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Media Communications and Advertising; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia; SPIN-code: 7790-0205.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 04.06.2025; одобрена после рецензирования 30.06.2025; принята к публикации 25.09.2025.

The article was submitted 04.06.2025; approved after reviewing 30.06.2025; accepted for publication 25.09.2025.

Научная статья

УДК 331.2

DOI: 10.35854/2219-6242-2025-3-350-358

Гибкая занятость и оплата труда: исследование особенностей выбора альтернативных форматов работы

Николай Владимирович Чаплашкин^{1, 2}

¹ Центр развития образования и международной деятельности («Интеробразование»), Москва, Россия, kalyan82@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0004-8282-1909>

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. В статье раскрыты ключевые аспекты формирования индивидуальных предпочтений в отношении альтернативных форматов организации рабочего времени в противовес классической схеме 40-часовой рабочей недели с пятидневным рабочим графиком и обязательным присутствием на рабочем месте, а также показана их зависимость от вопросов сохранения/уменьшения текущего уровня оплаты труда. Для интерпретации результатов использованы общенаучные методы анализа и синтеза, системный метод, факторный анализ, позволившие изучить влияние различных факторов на принятие решения относительно выбора между современными форматами работы. По итогам проведенного исследования сделан вывод о том, что возрастной фактор является определяющим при выборе модели гибкой занятости с пониженной оплатой труда. Утверждается, что существует четкая корреляция между возрастом работника и его готовностью к таким условиям труда. Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что внедрение различных форматов гибкой занятости требует индивидуального подхода к разным категориям работников и учета их специфических предпочтений в организации рабочего времени.

Ключевые слова: четырехдневная рабочая неделя, сокращенная рабочая неделя, свободная занятость, неполное рабочее время, гибкий график, дистанционная занятость, оплата труда

Для цитирования: Чаплашкин Н. В. Гибкая занятость и оплата труда: исследование особенностей выбора альтернативных форматов работы // Социология и право. 2025. Т. 17. № 3. С. 350–358. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-350-358>

Original article

Flexible employment and labour remuneration: A study of the features of choosing alternative work formats

Nikolay V. Chaplashkin^{1, 2}

¹ Center of the Development of Education and International Activities («Interobrazovanie»), Moscow, Russia, kalyan82@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0004-8282-1909>

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The article reveals the key aspects of the formation of individual preferences regarding alternative formats of organizing working time as opposed to the classical scheme of a 40-hour work week with a five-day work schedule and mandatory presence at the workplace, and also shows their dependence on the issues of maintaining or reducing the current level of labour

© Чаплашкин Н. В., 2025

remuneration. The work employed general scientific methods of analysis and synthesis, a system method, and factor analysis to interpret the results, which enabled to study the influence of various factors on decision-making regarding the choice between modern work formats. The study concluded that the age factor is the determining factor when choosing a flexible employment model with reduced wages. It is argued that there is a clear correlation between the employee's age and his readiness for such working conditions. The results obtained may indicate that the introduction of various flexible employment formats requires an individual approach to different categories of employees and consideration of their specific preferences in the organization of working hours.

Keywords: four-day work week, shortened work week, flexible employment, part-time work, flexible schedule, remote employment, labour remuneration

For citation: Chaplashkin N.V. Flexible employment and labour remuneration: A study of the features of choosing alternative work formats. *Sociology and Law. 2025;17(3): 350-358. (In Russ.).* <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-350-358>

Введение

Историческая динамика развития трудовых отношений характеризуется систематическим совершенствованием условий труда, и не только в аспекте орудий производства, но и в контексте организационных аспектов трудовой деятельности, в том числе организации рабочего места, продолжительности рабочего дня/недели, ослабления зависимости работников от работодателей, повышения комфорта (самочувствия) работников и т. д.

Прогрессивные тенденции в сфере организации труда, наблюдаемые в последние десятилетия, демонстрируют универсальность происходящего процесса. Помимо развитых стран Запада, все больше и больше разных государств начинают видеть взаимосвязь между качеством трудовой деятельности и комплексом факторов, воздействующих на психофизиологическое состояние работников, включая оптимальный баланс между профессиональной и личной сферами жизни [1; 2; 3].

Эмпирические исследования свидетельствуют о наличии экономической настороженности в отношении внедрения различных вариантов гибкой занятости у части трудоспособного населения. Данное явление обусловлено исторически сложившимися стереотипами восприятия гибкой занятости как формы нестандартной занятости, ассоциирующейся с периодами социально-экономической нестабильности, наблюдающейся, в частности, в 90-е годы XX века [4]. Так было и в пандемийный период COVID-19 при повсеместном переходе на дистанционную занятость.

Психологическое сопротивление некоторых категорий работников внедрению гибких форм организации труда, включая дистанционный формат, альтернативные графики работы и сокращенную продолжительность рабочего времени, обусловлено устойчивыми представлениями о том, что изменение условий работы, отличных от традиционной модели занятости по классической схеме 40-часовой рабочей недели с пятидневным рабочим графиком и обязательным присутствием на рабочем месте, повлечет уменьшение заработной платы. Особенно четко эта настороженность прослеживается в вопросах внедрения четырехдневной рабочей недели в связи с уменьшением продолжительности рабочего времени, что и ассоциируется с пропорциональным снижением оплаты труда [5; 6].

Материалы и методы

Исследование, проведенное нами с октября по ноябрь 2024 г., представляет собой поисковую работу, направленную на выявление и анализ факторов, определяющих в том числе готовность субъектов трудовых отношений к работе

в различных гибких форматах организации рабочего времени и зависимости этих предпочтений от снижения оплаты труда¹.

В рамках исследования посредством пологовозрастного анализа произведена попытка интерпретации полученных эмпирических данных с учетом факторов, влияющих на принятие решения относительно выбора между традиционной моделью организации рабочего времени и различными вариантами гибкой занятости. Вследствие поискового характера исследования и небольшого объема выборки пологовозрастного анализ ограничен четко выраженными тенденциями. На выбор респондентов в опросе представлены традиционная постоянная штатная занятость с обязательным присутствием на рабочем месте и самые популярные сегодня форматы гибкой организации рабочего времени в рамках занятости в штате организации:

- постоянная штатная занятость с гибким/свободным графиком присутствия на рабочем месте;
- постоянная штатная занятость с возможностью выполнять работу дистанционно/удаленно;
- постоянная штатная занятость с сокращенным рабочим днем / сокращенной рабочей неделей;
- постоянная штатная занятость с гибридным графиком (совмещение выполнения обязанностей дистанционно и на стационарном рабочем месте).

Результаты проведенного нами исследования показали, что большинство работников склонны к тенденции гибкости в организации рабочего времени. К тому же обнаружена высокая степень поддержки различных форм гибкого графика среди респондентов, как следует из таблицы 1.

Таблица 1

Ответы на вопрос «Готовы ли Вы работать в более гибком режиме? / ... с меньшим размером оплаты труда?», % от общего количества респондентов
 Table 1. Answers to the question “Are you ready to work in a more flexible schedule? / ... with lower labour remuneration?”, % of the total number of respondents

Вопрос/ответ	Да, %	Нет, %	Затрудняюсь ответить, %
Готовы ли Вы работать удаленно?	65,2	22,4	12,4
Готовы ли Вы работать удаленно с меньшим размером заработной платы?	19,2	69,6	11,2
Готовы ли Вы работать с гибким/свободным графиком занятости?	74,8	10,8	14,4
Готовы ли Вы работать с гибким/свободным графиком занятости с меньшим размером заработной платы?	15,6	72,4	12,0
Готовы ли Вы работать в режиме сокращенной рабочей недели?	64,8	18,0	17,2
Готовы ли Вы работать в режиме сокращенной рабочей недели с пропорциональным уменьшением размера заработной платы?	14,4	74,0	11,6

Источник: составлено автором.

¹ Место проведения опроса: Российская Федерация, все федеральные округа. Время проведения: октябрь — ноябрь 2024 г. Исследуемая совокупность: городское экономически активное население России старше 18 лет. Размер выборки — 250 респондентов.

Однако многие, опасаясь пропорционального снижения заработной платы, не спешат говорить о готовности работать по тому или иному гибкому формату. Поддержка идеи того или иного формата работы не означает готовности к переходу на него в текущем моменте. Ключевым сдерживающим фактором выступает именно вопрос потенциального снижения оплаты труда.

Интерпретация полученных эмпирических данных демонстрирует, что работать удаленно готовы более 65 % респондентов. Однако при условии пропорционального снижения оплаты труда данный показатель снижается к 19 %.

В отношении гибкого графика работы складывается аналогичная ситуация: этому формату работы отдают предпочтение почти 75 % респондентов, но в таком режиме с меньшим размером оплаты труда готовы работать лишь 15 %. Схожая динамика прослеживается в отношении сокращенной рабочей недели: около 65 % респондентов выражают готовность к уменьшению продолжительности рабочего времени, при этом менее 15 % согласны на пропорциональное снижение оплаты труда. Вопрос пропорционального уменьшения зарплаты демонстрирует снижение доли неопределенности в ответах респондентов. Особенно это находит отражение в выборе готовности работать в режиме сокращенной рабочей недели: доля затруднившихся с ответом снижается с 17,2 до 11,6 %.

Итак, четкое понимание условий оплаты труда помогает респондентам принять решение, что очень важно. Этот факт необходимо использовать как при проведении подобных исследований, так и при подготовке предложений по внедрению.

Становится очевидным, что главным препятствием для перехода на гибкие форматы является возможное потенциальное снижение заработной платы. Вместе с тем в выборе того или иного формата и с учетом снижения оплаты труда работники демонстрируют, хотя и небольшую, но очевидную приверженность к дистанционной работе. Количество респондентов, готовых трудиться с меньшей оплатой труда в дистанционном формате, больше, чем с гибким графиком или по сокращенной рабочей неделе. Укажем, что гибкий график, в особенности сокращенная рабочая неделя, могут подразумевать в различных вариациях меньшее количество рабочих часов в неделю.

Половозрастной анализ факторов, влияющих на готовность работать по той или иной модели гибкой занятости, показывает примерно одинаковое распределение по предложенным форматам занятости. В младшей возрастной группе (у респондентов младше 25 лет) наблюдается прямо пропорциональная зависимость: чем моложе респондент, тем выше вероятность его согласия на работу в условиях пониженной оплаты при наличии гибких условий труда. Очевидной становится готовность респондентов молодого возраста работать за меньшие деньги, но в более комфортных условиях. Однако такая демографическая группа представлена преимущественно учащимися и студентами образовательных учреждений, не имеющими опыта профессиональной деятельности и не приступавшими к трудовой деятельности, либо молодыми людьми, недавно вышедшими на рынок труда и не имеющими достаточного опыта для выстраивания трудовых траекторий.

Поколение 2000-х выросло в условиях экономической стабильности, в отличие от предыдущего поколения, пережившего кризисные 90-е гг. Молодые работники (до 25 лет) не имеют характерных для старших коллег установок на субординацию и страх перед работодателем благодаря более благополучному жизненному опыту и финансовой поддержке родителей. Молодежь чувствует себя защищенной ввиду возможности вернуться к родителям и вести стабильную жизнь за их счет [7].

В старших возрастных группах (старше 25 лет) доля готовых работать в более гибких условиях за меньшие деньги не превышает 20 % от общего количества респондентов возрастной группы. Самой «негибкой» в этом плане представляется

возрастная категория 45–54 лет, где доля готовых работать в более гибких условиях труда, но с уменьшением оплаты труда не превышает 7 %. Исключение составляет молодежь в группе 30–34 лет, в которой 26 % респондентов демонстрируют готовность к более гибким условиям труда с учетом уменьшения оплаты труда при выборе дистанционной занятости.

Относительно повышенная готовность к работе в условиях пониженной оплаты наблюдается в возрастной группе 30–34 лет. В этой группе 70 % готовых работать за меньшие деньги составляют молодые женщины, что может свидетельствовать о специфике данного возрастного периода, то есть речь идет о создании семьи, рождении детей.

Страхи о снижении оплаты труда логичны и обоснованны. Все-таки главная цель бизнеса — получение прибыли и ее максимизация. Поэтому часто бизнес сокращает издержки за счет оплаты труда. Однако российское трудовое законодательство стремится идти в ногу со временем. Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ), нормативно-правовые акты в сфере труда содержат и нормы, регулирующие оплату труда в условиях гибкой занятости.

Так, в период пандемии COVID-19 принят Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 407-ФЗ о регулировании дистанционной (удаленной) работы¹, согласно которому установлены гарантии по оплате труда. В частности, ст. 312.5 «Дополнительные гарантии по оплате труда дистанционного работника» ТК РФ гласит о том, что выполнение работником трудовой функции дистанционно не может служить основанием для снижения его заработной платы.

Следует обратить внимание на тот факт, что наём нового сотрудника на меньшую оплату труда (но не менее гарантированного минимума) не запрещен. Статья 312.5 ТК РФ прямо запрещает снижать зарплату действующего дистанционного работника только на основании того, что он работает удаленно. Зарплата должна быть такой же, как у коллег с аналогичными деловыми качествами (квалификацией, опытом, образованием). Однако работодатель вправе устанавливать любой размер оплаты труда при найме нового сотрудника, если он не ниже МРОТ.

При этом можно устанавливать разные условия оплаты для новых дистанционных сотрудников, не нарушая закона. Важно, чтобы различия в оплате были обоснованы не форматом работы: могут быть установлены разные оклады для разных должностей и уровней квалификации. Иными словами, работодатель может нанимать новых сотрудников на более низкую оплату труда по сравнению с работающими дистанционно сотрудниками, но если это обосновано не форматом работы, а другими объективными факторами.

До того, как увидел свет Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 407-ФЗ, в период карантинных мер, в начале 2020 г., Минтруд России разработал рекомендации по применению гибких форм занятости в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории РФ². Ранее

¹ О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях: федер. закон от 8 декабря 2020 г. № 407-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370070/ (дата обращения: 20.04.2025).

² О направлении Рекомендаций по применению гибких форм занятости в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории РФ: письмо Минтруда России от 23 апреля 2020 г. № 14-2/10/П-3710 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351512/ (дата обращения: 20.04.2025).

подготовлены для использования в работе ответы на чаще всего поступающие вопросы на горячую линию Федеральной службы по труду и занятости (Роструда) о соблюдении трудовых прав работников в условиях распространения коронавирусной инфекции¹.

Согласно рекомендациям, размер заработной платы с учетом удаленной занятости при сохранении должностных обязанностей, которые возложены на сотрудника, не должен быть уменьшен. Гибкий график, по российскому законодательству, подразумевает, что работодатель обеспечивает отработку работником суммарного количества рабочих часов в течение соответствующих учетных периодов (рабочего дня, недели, месяца и других). В связи с этим снижения количества рабочих часов не происходит, а следовательно, и снижения оплаты труда.

Относительно вопроса о сокращенной рабочей неделе позиция власти характеризуется четким требованием сохранения прежнего уровня оплаты труда при уменьшении количества рабочих часов. При этом официальный подход базируется на недопустимости ухудшения материального положения работников и демонстрирует категорическое неприятие практики снижения заработной платы в связи с сокращением рабочего времени при рассмотрении этого как неприемлемого с экономической точки зрения и с позиции социальной справедливости.

Вместе с тем следует разграничивать понятия «сокращенная рабочая неделя» и «неполная рабочая неделя». Предлагаемые форматы сокращенной рабочей недели с сохранением заработной платы, обсуждаемые в последнее время, — это варианты полной рабочей недели с сокращением количества рабочих дней и часов. Из примеров российской трудовой практики [8] следует, что в ранних экспериментах, связанных с сокращением рабочей недели, на первом месте находился выход из сложившегося плохого экономического положения компаний, и почти всегда «неполная рабочая неделя» — это временная вынужденная мера, чтобы выйти из кризиса.

В современном трудовом законодательстве представлены положения о неполном рабочем времени. Неполное рабочее время, в частности неполный рабочий день (смена) и (или) неполная рабочая неделя, в том числе с разделением рабочего дня на части (ст. 93 ТК РФ), может быть установлена работнику по соглашению сторон трудового договора и при приеме на работу, и впоследствии. К таким работникам относятся беременные женщины, один из родителей (опекун, попечитель), имеющий ребенка в возрасте до четырнадцати лет (ребенка-инвалида в возрасте до восемнадцати лет), а также лицо, осуществляющее уход за больным членом семьи в соответствии с медицинским заключением.

В случае работы на условиях неполного рабочего времени оплата труда работника производится пропорционально отработанному им времени или в зависимости от выполненного им объема работ. Неполное рабочее время должно быть установлено на удобный для работника срок, а режим рабочего времени и времени отдыха, включая продолжительность ежедневной работы (смены), время начала и окончания работы, время перерывов в работе, устанавливается в соответствии с пожеланиями работника с учетом условий производства (работы) у работодателя.

---

¹ О направлении ответов на наиболее часто поступающие вопросы на горячую линию Роструда, касающиеся соблюдения трудовых прав работников в условиях распространения коронавирусной инфекции: письмо Роструда от 9 апреля 2020 г. № 0147-03-5 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351187/ (дата обращения: 20.04.2025).

Согласно этой же ст. 93 ТК РФ работа на условиях неполного рабочего времени не влечет для работников ограничений продолжительности ежегодного основного оплачиваемого отпуска, исчисления трудового стажа и других трудовых прав.

Выводы

Таким образом, все популярные модели гибкой занятости не подразумевают снижения оплаты труда для действующих сотрудников при их переводе на соответствующий формат работы. Вместе с тем в целях соблюдения трудовых прав работникам необходимо фиксировать условия оплаты труда и заключать дополнительное соглашение к трудовому договору при переводе на иной формат работы. Для работодателя такой перевод сотрудников вызывает дополнительные административные трудности:

- увеличение административных расходов на учет рабочего времени;
- сложности с контролем производительности;
- риски нарушения трудового законодательства и т. д.

Однако не стоит забывать о том, что и законодательство, и технологии не стоят на месте. Для минимизации указанных рисков возможны следующие перспективы:

- совершенствование законодательной базы;
- развитие цифровых инструментов учета рабочего времени;
- формирование новых моделей оплаты труда;
- расширение практики гибридного формата работы.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов. Возрастной фактор является определяющим при выборе модели гибкой занятости с пониженной оплатой труда. Существует четкая корреляция между возрастом работника и его готовностью к таким условиям труда.

Ценностные ориентиры молодого поколения (до 25 лет) характеризуются приоритетом комфортных условий труда над уровнем оплаты. Чем моложе респондент, тем выше его готовность к работе за меньшие деньги при наличии гибких условий. Это подтверждается и данными других исследований.

Тенденция к увеличению доли работников, готовых к гибкой занятости с пониженной оплатой, среди молодого поколения может свидетельствовать о формировании нового типа трудовых отношений в современном обществе. Экономическое поведение старших возрастных групп (от 25 лет) демонстрирует более консервативный подход к выбору условий труда. Большинство работников этой категории (более 80 %) не готовы к снижению оплаты труда, даже при наличии гибких условий.

Работники показывают высокую заинтересованность в гибких форматах работы, но готовы к ним только при сохранении текущего уровня оплаты труда. Это указывает на необходимость для работодателей искать компромиссные решения, позволяющие сохранить и желаемые условия работы, и уровень дохода сотрудников.

Исследование свидетельствует о том, что для успешного внедрения гибких форматов работы необходимо:

- обеспечить прозрачность условий оплаты;
- гарантировать сохранение текущего уровня дохода;
- предоставить четкие условия перехода на новый формат работы.

Полученные данные в дальнейшем возможно использовать в том числе для прогнозирования будущих изменений на рынке труда и адаптации бизнес-моделей компаний к изменяющимся предпочтениям работников разных возрастных групп.

В современных условиях гибкие форматы работы становятся неотъемлемой частью трудового рынка России. Для успешного внедрения таких форматов следует обеспечить баланс интересов всех сторон трудовых отношений и создать надежную правовую основу для регулирования оплаты труда. Можно предположить, что после окончания тяжелого кризисного периода в нашей экономике все больше и больше компаний, независимо от сфер деятельности, чаще будет приходить к более гибким форматам организации работы и сокращению продолжительности рабочей недели не в качестве антикризисной меры. Главное, что желания работников и работодателей в определенной точке будут совпадать.

Список источников

1. Бехтель М. Будущее труда: размышления, взгляды, перспективы / пер. с нем. М.: Институт им. Гете, 2000. 214 с.
2. Малоун Т. У. Труд в новом столетии. Как новые формы бизнеса влияют на организации, стиль управления и вашу жизнь / пер. с англ. М.: Олимп-Бизнес, 2006. 272 с.
3. Wood S., ed. The transformation of work? Skill, flexibility and the labour process. Abingdon: Routledge, 1989. 386 p.
4. Воротынская А. М. Новые формы занятости и информационная безопасность // Журнал правовых и экономических исследований. 2020. № 1. С. 5–9. DOI: 10.26163/GIEF.2020.25.54.001
5. Аборкина Е. О. Анализ перспектив изменения продолжительности рабочей недели // В центре экономики. 2022. Т. 3. № 3. С. 105–110.
6. Михайлова З. А. Реформирование института рабочего времени в трудовом праве РФ, или так ли хороша четырехдневная рабочая неделя // Вопросы российской юстиции. 2019. № 4. С. 322–327.
7. Чаплашкин Н. В. Трансформация поведенческих установок молодежи на рынке труда и занятости: влияние пандемии и переоценка работниками своих свобод // Социодинамика. 2024. № 9. С. 14–32. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.9.71721
8. Чаплашкин Н. В., Григорович Е. В. Реальность применения сокращенной рабочей недели в России: от трудового законодательства к практическим примерам // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 2. С. 317–323.

References

1. Bechtel M. The future of labor. Reflections, views, prospects. Transl. from German. Moscow: Goethe Institute; 2000. 214 p. (In Russ.).
2. Malone T.W. The future of work: How the new order of business will shape your organization, your management style, and your life. Boston, MA: Harvard Business Review Press; 2004. 240 p. (Russ. ed.: Malone T. Trud v novom stoletii. Kak novye formy biznesa vliyayut na organizatsii, stil' upravleniya i vashu zhizn'. Moscow: Olymp-Business; 2006. 272 p.).
3. Wood S., ed. The transformation of work? Skill, flexibility and the labour process. Abingdon: Routledge; 1989. 386 p.
4. Vorotynskaya A. New forms of employment and information security. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy = Journal of Legal and Economic Studies*. 2020;(1):5-9. (In Russ.). DOI: 10.26163/GIEF.2020.25.54.001
5. Aborkina E.O. Analysis of the prospects for changing the length of the working week. *V tsentre ekonomiki = In the Center of Economy*. 2022;3(3):105-110. (In Russ.).
6. Mikhaylova Z.A. Reforming the institute of working time in the labor law of the Russian Federation, or is a four-day working week so good? *Voprosy rossiiskoi yustitsii = Issues of Russian Justice*. 2019;(4):322-327. (In Russ.).
7. Chaplashkin N.V. Transformation of behavioral attitudes of young people in the labor and employment market: The impact of the pandemic and workers' reassessment of their freedoms. *Sotsiodinamika = Sociodynamics*. 2024;(9):14-32. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-7144.2024.9.71721

8. Chaplashkin N.V., Grigorovich E.V. The reality of using a shortened working week in Russia: From labor legislation to practical examples. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* = *The Review of Economy, the Law and Sociology*. 2024;(2):317-323. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. В. Чаплашкин — кандидат социологических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3-го класса, советник генерального директора; 119021, Москва, Большой Чудов пер., д. 8, стр. 1; доцент кафедры социологии; 125167, Москва, Ленинградский пр., д. 49/2.

Information about the author

N. V. Chaplashkin — PhD in Social Sciences; Actual State Counselor of the Russian Federation, 3rd class; Advisor to the General Director; 8 Bolshoy Chudov Ln., bldg. 1, Moscow 119021, Russia; Associate Professor at the Department of Sociology; 49/2 Leningradsky Ave., Moscow 125167, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 05.08.2025; одобрена после рецензирования 29.08.2025; принята к публикации 25.09.2025.

The article was submitted 05.08.2025; approved after reviewing 29.08.2025; accepted for publication 25.09.2025.

Научная статья

УДК 343.97

DOI: 10.35854/2219-6242-2025-3-359-367

О насилии и притеснении в семье (на примере Узбекистана)

Хурриятхан Захири Зияд кызы Панжизода

Научно-исследовательский институт «Семья и гендер», Ташкент, Узбекистан,
panjizoda.xurriyatxon@gmail.com

Аннотация. В статье утверждается, что распространенный характер угнетения и насилия в семейных отношениях претерпел значительные изменения под влиянием социально-экономической динамики и культурных перемен. В современном обществе, по мнению автора статьи, эти явления нельзя рассматривать изолированно; напротив, они неразрывно связаны с более широким структурным неравенством и системной несправедливостью. Семья, часто описываемая как место поддержки и любви, может одновременно служить ареной конфликтов и угнетения, отражая окружающую ее социальную структуру. Выявление того, как семейные отношения пересекаются с общественными нормами, дает важное представление о том, как сохраняется динамика власти или каким образом ей противостоять. По мере происходящих социальных изменений, особенно в аспекте гендерных ролей, экономических условий и государственного вмешательства, восприятие и переживание домашнего насилия становится ключевым для понимания более широких последствий социальных перемен. Социальные изменения последних десятилетий показали сложности, связанные с насилием и угнетением, особенно в рамках семейных структур. Анализ этих вопросов, отраженных в статье, свидетельствует о том, что насилие — это не просто индивидуальное действие, а часть системной проблемы, которая отражает и усугубляет более широкое социальное неравенство. Кроме того, роль политических мер реагирования, таких как законодательство о борьбе с домашним насилием и о службах социальной поддержки, может смягчить или усилить эти сложности и тем самым существенно повлиять на семейные отношения. Согласно авторской позиции, изучение взаимосвязи между угнетением, насилием и семейными отношениями требует междисциплинарного подхода, основанного на социологии, психологии и государственной политике. Проведенное исследование вносит своего рода вклад в продолжающуюся дискуссию о семейной динамике и социальных изменениях, а также в понимание того, каким образом крупные социальные структуры формируют индивидуальный опыт насилия и угнетения.

Ключевые слова: семья, давление, насилие, женщина, домашнее насилие, мужчина

Для цитирования: Панжизода Х. З. З. к. О насилии и притеснении в семье (на примере Узбекистана) // Социология и право. 2025. Т. 17. № 3. С. 359–367. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-359-367>

Original article

Violence and oppression in the family (using Uzbekistan as an example)

Hurriyatkhon Z. Z. q. Panjizoda

Research Institute “Family and Gender”, Tashkent, Uzbekistan,
panjizoda.xurriyatxon@gmail.com

Abstract. This article states that the pervasive nature of oppression and violence in family relationships has undergone significant changes under the influence of socio-economic dynamics and cultural changes. According to the author, in contemporary society, these phenomena cannot be considered separately; instead, they are inextricably linked to broader structural inequalities and systemic injustices. The family, which is often presented to be a place of support and love, can also serve as a stage of conflict and oppression, reflecting the social structure that surrounds it. Identifying the way of intersection of the family relationships with societal norms provides important insights into how power dynamics are maintained or challenged. As social change occurs, particularly in terms of gender roles, economic conditions, and state intervention, perceptions and experiences of family abuse become key factors to understanding the broader implications of social change. Social change in recent decades has revealed the complexities associated with violence and oppression, particularly within family structures. The analysis of these issues set out in the article demonstrates that violence is not only an individual action, but a part of a systemic problem that reflects and exacerbates wider social inequalities. Furthermore, the role of policy responses, such as family violence legislation and social support services, can mitigate or exacerbate these difficulties and thus affect significantly the family relationships. According to the author, studying the relationship between oppression, violence, and family relationships requires an interdisciplinary approach based on sociology, psychology, and public policy. The research makes a contribution to the ongoing debate on family dynamics and social change, as well as to understanding how large social structures shape individual experiences of violence and oppression.

Keywords: family, oppression, violence, woman, family abuse, man

For citation: Panjizoda H.Z.Z.q. Violence and oppression in the family (using Uzbekistan as an example). *Sociology and Law*. 2025;17(3):359-367. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-359-367>

Введение

Домашнее насилие — одна из самых болезненных и трудноразрешимых проблем современного общества, отражающаяся не только на физическом здоровье, но и разрушительно влияющая на психику, достоинство человека. Несмотря на то, что семья традиционно считается оплотом любви, заботы и взаимопонимания, именно в стенах дома нередко происходят акты насилия, которые остаются скрытыми от глаз общества. Эта тема особенно актуальна для стран, в которых сильны культурные традиции и патриархальные уклады, таких как, например, Узбекистан.

В течение последних лет в Узбекистане наблюдается позитивная динамика в области признания и борьбы с домашним насилием. Принятие Закона от 2 сентября 2019 г. № ЗРУ-561 «О защите женщин от притеснения и насилия» стало важным шагом на пути к обеспечению безопасности и прав жертв. Несмотря на предпринимаемые усилия, проблема остается глубоко укорененной, во многом вследствие социального табу, нехватки правового просвещения и страха перед общественным осуждением. Женщины, дети и пожилые люди — наиболее уязвимые категории, которые часто оказываются заложниками собственных домов и близких людей.

Изучение причин, форм и последствий домашнего насилия в Узбекистане позволяет не только оценить масштабы явления, но и выработать механизмы помощи жертвам и предотвращения повторных случаев. Это имеет особое значение в условиях социальной трансформации страны, когда вопросы прав человека и гендерного равенства становятся неотъемлемой частью государственной политики.

Материалы и методы

При изучении проблемы домогательств и насилия в семье нами использованы методы анализа и синтеза, мониторинга [1], а также социальные подходы [2].

Процесс подготовки и написания этой статьи включал в себя исследование, понимание темы и творческое выражение. Например, в последние десятилетия изучено влияние различных социальных изменений, включая рост индивидуализма и экономических перемен, которые ставят на первое место домохозяйства с двойным доходом, на трансформацию семейных структур. Традиционно семьи часто строили на основе строгих гендерных ролей, мужчины выступали основными кормильцами, а женщины выполняли домашние обязанности. Однако появление движений за освобождение женщин и все большее признание различных форм семьи, включая неполные семьи и однополые партнерства, привели к пересмотру ожиданий в динамике семьи. Следовательно, эти изменения привели к активизации переговоров о распределении ролей, что отражает адаптацию общества к широким социально-экономическим тенденциям и изменяет основную структуру семейных отношений [3].

Адаптация экономической необходимости к изменяющимся социальным нормам потребовала изучения идентификации семьи вне традиционных концепций, что поставило под сомнение понимание семьи как неизменного института и предложило более гибкое, всеобъемлющее понимание отношений внутри семейного сообщества. Широкое распространение цифровых устройств обеспечивает постоянную связь, что может способствовать укреплению отношений. Однако это приводит к появлению так называемых отвлекающих факторов, связанных с цифровыми технологиями, и потенциальному снижению личного общения.

Более того, взаимосвязанность притеснений раскрывает сложность переживаний отдельных людей в рамках их семейных единиц. Такие факторы, как раса, класс, гендер и сексуальность, способствуют тому, что угнетение усваивается семьями и им оказывается сопротивление. Например, маргинализированным семьям часто приходится преодолевать системные барьеры, которые могут усугубить стресс и конфликты в их отношениях. В этом контексте под влиянием внешнего давления несправедливого общества часто возникают такие проблемы, как бытовое насилие и экономическая нестабильность, что приводит к возникновению замкнутого круга, который еще больше осложняет семейную сплоченность [5].

Результаты

Для социологического анализа социальных факторов семейного давления и насилия в условиях социальных изменений Республики Узбекистан проведено социологическое исследование среди граждан, проживающих в Бухарской, Кашкардарьинской, Ферганской областях и городе Ташкенте, с использованием анкетирования и метода google (research). Согласно полученным результатам, наиболее крупные семейные конфликты происходят между мужем и женой (78,7 %). Кроме того, 16,1 % респондентов указывают на наличие разногласий между женой и золовкой или свекровью, как видно на рисунке 1.

При анализе предпосылок возникновения изучаемой проблемы исследованы и особенности коренных причин разногласий и конфликтов в семье с участием ее членов. С социологической точки зрения эти причины можно разделить на следующие категории. Доля респондентов, указывающих экономические трудности в качестве главной причины, составила 18,4 %; отсутствие собственного

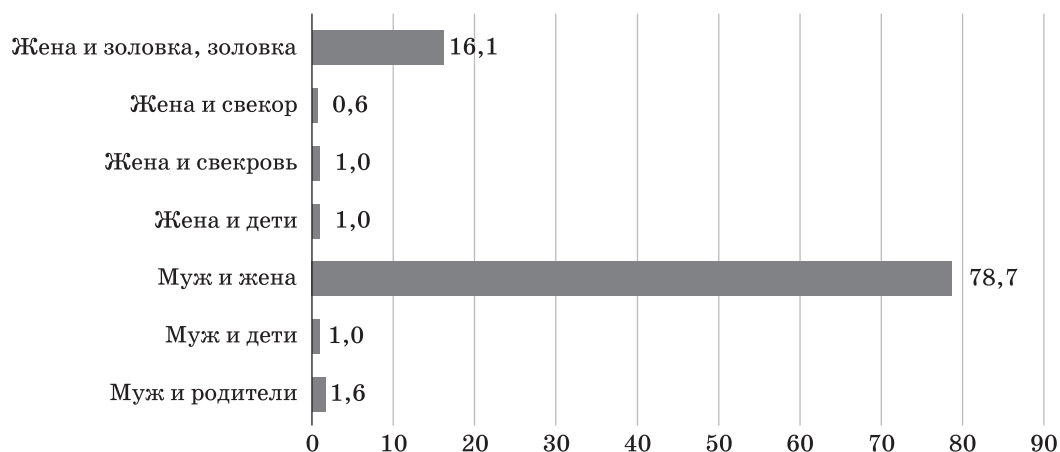

Рис. 1. Ответы на вопрос «Если случаются семейные ссоры и разногласия, между кем чаще всего они происходят?», %

Fig. 1. Responses to the question “Who most often participate in family quarrels and disagreements, if any?”, %

Источник: составлено на основе исследования, проведенного автором.

жилья — 11,0 %, при этом аренда или проживание с другими родственниками могут стать причиной различных конфликтов. На то, что «я работаю и зарабатываю деньги» указали 6,8 %, на безработицу супруга/супруги обратили внимание 10,6 %, взаимное непонимание — 20,0 %, тяжелый характер супруга/супруги — 9,4 %, ревность как основную часть этих проблем — 4,2 %, вмешательство третьей стороны — 6,5 %. Влияние большой семьи (свекрови, свекра и других) на молодую семью, особенно в патриархальных обществах, является значимым фактором. На конфликты ввиду создания другой семьи или второго брака указали 4,8 % респондентов, по причине поведения и воспитания детей — 2,3 %, при этом неправильное поведение детей может привести к конфликтам между родителями. На конфликты вследствие бездетности обратили внимание 1,3 % опрошенных. По мнению 3,9 % опрошенных, алкоголизм нередко приводит к ссорам и насилию в семье, а 1,0 % респондентов считают, что наркомания — ключевой фактор в конфликтных ситуациях. Это отражено на рисунке 2.

В таблице 1 показаны различные формы домашнего насилия и отношение к ним респондентов в ходе исследования.

92,5 % участников опроса оценили такие действия, как избиение, удары, толчки, щипки и выкручивание рук, в качестве насилия и включили их в число главных признаков насилия. 95,6 % респондентов считают насилием необоснованное и жестокое наказание детей, а 92,3 % — проявление насилия. Кроме того, 80,2 % респондентов назвали формой насилия запугивание, а 69,2 % — постоянную критику. Ограничение общения с друзьями и родственниками относят к формам насилия 44,3 %, запрет на работу или учебу — 45,9 %, отказ в выдаче денег на необходимые нужды — 46,8 %. Запрет на самостоятельное распоряжение деньгами 55,7 % респондентов оценили как особую форму насилия. 85,5 % участников высказали мнение о шантаже, то есть о случаях давления и принуждения с использованием детей, имущества или других ресурсов. 98,5 % считают насилием принуждение к половой близости. Результаты представлены в таблице 1 в сравнении с вариантами ответов «да», «нет» и «затрудняюсь ответить».

Рис. 2. Основные причины разногласий и конфликтов в семье, %

Fig. 2. Main causes of disagreements and conflicts in the family, %

Источник: составлено на основе исследования, проведенного автором.

Таблица 1

Факторы, указывающие на признаки насилия, %

Table 1. Factors indicating signs of violence, %

Факторы	Да, насилие, %	Нет, не насилие, %	Мне трудно ответить, %
Оскорбление	92,3	3,5	4,2
Ограничение общения с друзьями, родственниками	44,3	22,5	33,2
Запугивание	80,2	7,2	12,6
Избиение, удары, толчки, щипки, выкручивание рук	92,5	0,5	7
Запрет на работу, учебу	45,9	15,7	38,4
Необоснованное и жестокое наказание детей	95,6	0,5	3,9
Отказ в деньгах на покупку необходимых вещей (продуктов питания, одежды, средств гигиены)	46,8	22,5	30,7
Постоянная критика вас и ваших родственников	69,2	9,5	21,3
Зависть, вмешательство в личную жизнь, ревность	75,7	12,7	11,6
Запрет на самостоятельное распоряжение деньгами	55,7	15,5	28,8
Шантаж (принуждение к совершению чего-либо с использованием детей, имущества и т. п. в качестве рычага давления)	85,5	2,5	12
Принуждение к половой близости	98,5	0,5	1

Источник: составлено на основе исследования, проведенного автором.

Мы обратились к респондентам с вопросом о том, какие формы давления и насилия наиболее распространены в их семьях, и получили различные мнения и комментарии. Респонденты указали ряд факторов в качестве наиболее распространенных форм насилия в их семьях. Например, 43,9 % участников опроса указали на психологическое насилие, 51,0 % — на физическое. Установлено, что это неприемлемая, но, к сожалению, по-прежнему распространенная форма. Экономическое насилие составляет 1,9 % и подразумевает отсутствие материального обеспечения, иные бытовые аспекты. На показатель сексуального насилия обратила внимание наименьшая доля среди наших респондентов (0,6 %). Хотя сексуальное насилие характеризуется как наименее распространенное явление, тем не менее цифры могут казаться заниженными ввиду недостатка данных об этом аспекте или отсутствия открытого обсуждения этой темы в обществе. 2,6 % респондентов ответили, что насилия нет. Это показано на рисунке 3.

С учетом приведенных выше сведений и результатов их анализа становится очевидным, что проблема давления и насилия в семье не утратила своей актуальности, несмотря на ряд принятых законов на международном и местном уровнях. Показатели остаются высокими.

Во многих случаях насилие воспринимают как внутрисемейную тайну, и жертвы опасаются обращаться за помощью. Это приводит к усугублению проблемы. Женщины, дети, пожилые люди или инвалиды чаще подвергаются насилию, что усиливает неравенство и несправедливость в обществе. Ребенок, который стал свидетелем насилия в детстве, получает психологическую травму и, повзрослев, может оказывать давление на себя или других. Женщины-жертвы часто не могут работать и, как следствие, теряют экономическую самостоятельность, а значит, цикл насилия повторяется.

Каждый гражданин имеет право на безопасную жизнь, жизнь без насилия. Это должно быть в центре внимания государства, гражданского общества, семьи и каждого человека.

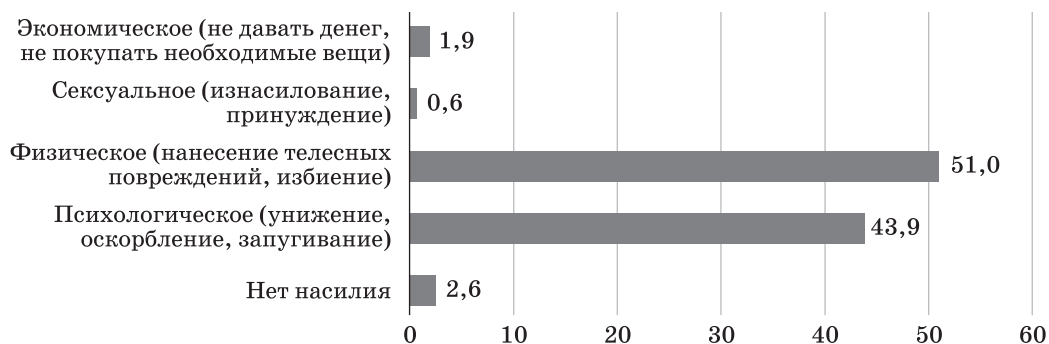

Рис. 3. Наиболее распространенные формы давления и проявления насилия в семьях респондентов, %

Fig. 3. Most common forms of oppression and violence in the families of respondents, %

Источник: составлено на основе исследования, проведенного автором.

Обсуждение

Результаты проведенного исследования убедительно свидетельствуют о том, что проблема семейного насилия в Узбекистане остается особенно актуальной и требует комплексного подхода со стороны государства, общества и научного

сообщества. Несмотря на предпринимаемые законодательные и институциональные меры, уровень конфликтов в семьях высок, а формы насилия разнообразны и глубоко укоренились в общественном сознании.

Чаще всего (78,7 %) конфликты происходят между супругами, что говорит о напряженности в брачных отношениях и возможном отсутствии устойчивой культуры конструктивного разрешения конфликтов. Далее следуют конфликты между невесткой и свекровью/золовкой (16,1 %), что указывает на сохраняющееся влияние расширенной семьи и традиционного уклада на внутрисемейные отношения. Особенно значим тот факт, что причины конфликтов носят как экономический, так и психологический характер. В частности, отсутствие жилья, финансовая нестабильность, безработица, вмешательство третьих лиц и ревность — все это создает благоприятную почву для возникновения насилия.

Социологическая ситуация восприятия насилия также показательна. Большинство респондентов осознают физическое, психологическое, сексуальное и экономическое давление как формы насилия, однако при этом многие продолжают с ним мириться в быту. Так, почти половина опрошенных лично сталкивались с физическим насилием (51 %), 43,9 % — с психологическим, а 1,9 % — с экономическим. Особенно тревожит то, что сексуальное насилие, несмотря на его высокую социальную и моральную значимость, оказалось наименее признанным и обсуждаемым (0,6 %). Это может свидетельствовать о глубоком табу и страхе обсуждения данной темы в обществе.

Анализ показывает, что домашнее насилие нередко воспринимается как личное или семейное дело, не подлежащее вмешательству извне. Такая позиция способствует молчаливому одобрению насилия, особенно в отношении женщин, детей, пожилых и людей с инвалидностью. Многие жертвы не имеют доступа к помощи или не осмеливаются ее искать, находясь в замкнутом цикле зависимости и страха.

Обратим внимание и на межпоколенческий аспект проблемы. Дети, выросшие в атмосфере насилия, с высокой вероятностью в будущем воспроизводят подобное поведение либо становятся жертвами вновь, что формирует цикл насилия, передающийся от поколения к поколению.

Таким образом, результаты исследования подтверждают необходимость разработки не только законодательных, но и образовательных, культурных, психологических мер. Повышение правовой грамотности населения, поддержка пострадавших, развитие институтов психологической помощи, а также трансформация гендерных стереотипов — все это должно стать приоритетами в борьбе с семейным насилием.

Выводы

В процессе исследования, при анализе причин, видов, последствий и способов предотвращения домашнего насилия, стало очевидным, что корни этой проблемы часто скрыты в культурных стереотипах, безграмотности, социальном давлении и недостаточной эффективности правовых механизмов. Поэтому для предотвращения домашнего насилия необходим комплексный подход. Большое значение имеют повышение личного самосознания, развитие семейной культуры, усиление систем социальной поддержки и укрепление правовой и институциональной защиты со стороны государства. В обществе нужно открыто говорить об этой проблеме, признавать насилие преступлением, а не «нормальным явлением» [6].

В заключение дополним, что здоровая, любящая и ненасильственная семейная среда служит важной основой для развития детей, равноправия женщин и мужчин, стабильности и прогресса общества. Поэтому каждый гражданин, каждая семья и каждый представитель общества должны нести ответственность на этом пути. Безусловно, предотвращение давления и насилия в семье — одно из главных условий обеспечения мира в обществе, здоровых семейных отношений и благополучия [7]. Далее нами приведены рекомендации по предотвращению этой проблемы, которые могут быть реализованы на личном, семейном, общественном и государственном уровнях:

- знание своих прав и свобод, то есть осознание того, что каждый человек имеет право на защиту от давления;
- повышение уверенности в себе, то есть психологическая подготовка и решительность важны для противостояния насилию;
- решительность, если потребуется обратиться за психологической помощью, то есть пострадавший от насилия не должен стыдиться просить о помощи;
- повышение правовой грамотности населения, то есть повышение осведомленности посредством проведения семинаров, тренингов, социальных роликов;
- внедрение понятия «насилие — преступление», то есть формирование этого взгляда, особенно среди мужчин;
- развитие центров поддержки пострадавших, то есть расширение системы предоставления временного убежища, правовой и психологической помощи;
- укрепление правовой базы, то есть выработка механизмов выявления, установления уголовной ответственности и предотвращения семейного насилия;
- укрепление сотрудничества между органами внутренних дел, здравоохранения, образования и социальной сферы, то есть работа в единой системе;
- развитие кампаний против насилия в социальных сетях.

Список источников

1. McKie L. Families, violence and social change. Maidenhead: Open University Press, 2005. 178 p.
2. Thomson G., Balaam M. C. Researchers' perspectives of self-agency within a context of violence and harm in maternity care // *Midwifery*. 2024. Vol. 137. Article 104120. DOI: 10.1016/j.midw.2024.104120
3. Nou L. Violence and traumatic stress among Cambodian survivors and perpetrators of the Khmer Rouge genocide // *SSM — Mental Health*. 2024. Vol. 6. Article 100341. DOI: 10.1016/j.ssmmh.2024.100341
4. Leahy C. P., Bueskens P., eds. Australian mothering: Historical and sociological perspectives. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 498 p.
5. Millett K. Sexual politics. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1970. 211 p.
6. Dobash R. E., Dobash R. P. Violence against wives: A case against the patriarchy. New York: Free Press, 1979. 339 p.
7. Syamanta T., Meiliawati I., Ayu R., Windani S., Siregar B. Towards feminist justice: Reforms and challenges in Islamic courts for gender equality and women's rights // *Syariat: Akhwal Syaksyah, Jinayah, Siyasah and Muamalah*. 2024. Vol 1. No. 1. P. 36–57. DOI: 10.35335/g9drrx81

References

1. McKie L. Families, violence and social change. Maidenhead: Open University Press; 2005. 178 p.

2. Thomson G., Balaam M.-C. Researchers' perspectives of self-agency within a context of violence and harm in maternity care. *Midwifery*. 2024;137:104120. DOI: 10.1016/j.midw.2024.104120
3. Nou L. Violence and traumatic stress among Cambodian survivors and perpetrators of the Khmer Rouge genocide. *SSM — Mental Health*. 2024;6:100341. DOI: 10.1016/j.ssmmh.2024.100341
4. Leahy C.P., Bueskens P., eds. Australian mothering: Historical and sociological perspectives. Cham: Palgrave Macmillan; 2019. 498 p.
5. Millett K. Sexual politics. Urbana, IL: University of Illinois Press; 1970. 211 p.
6. Dobash R.E., Dobash R.P. Violence against wives: A case against the patriarchy. New York, NY: The Free Press; 1979. 339 p.
7. Syamanta T., Meiliawati I., Ayu R., Windani S., Siregar B. Towards feminist justice: Reforms and challenges in Islamic courts for gender equality and women's rights. *Syariat: Akhwal Syaksiah, Jinayah, Siyasah and Muamalah*. 2024;1(1):36-57. DOI: 10.35335/g9drrx81

Информация об авторе

Х. З. З. к. Панжизода — докторант; 100000, Республика Узбекистан, Ташкент, Чиланзарский район, ул. Чиланзар, д. 25.

Information about the author

H. Z. Z. q. Panjizoda — doctoral student; 25 Chilanzar St., Chilanzar district, Tashkent 100000, Republic of Uzbekistan.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 28.04.2025; одобрена после рецензирования 22.05.2025; принята к публикации 25.09.2025.

The article was submitted 28.04.2025; approved after reviewing 22.05.2025; accepted for publication 25.09.2025.

Научная статья

УДК 37.013

DOI: 10.35854/2219-6242-2025-3-368-375

Формирование основ социальной мобильности у воспитанников семейных детских домов

Хуршида Юлдашовна Бутаева

Институт изучения проблем молодежи и подготовки перспективных кадров
при Агентстве по делам молодежи Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан,
butayevaxurshida@gmail.com

Аннотация. В статье проведен анализ формирования основ социальной мобильности у воспитанников семейных детских домов как одного из приоритетных направлений государственной социальной политики и инструмента обеспечения социальной справедливости. Исследование основано на актуальности перехода от институциональных форм воспитания к семейным детским домам, что отражено в Указе Президента Республики Узбекистан от 1 июня 2023 г. № УП-82, согласно которому к 2025 г. планируется поэтапная ликвидация традиционных интернатных учреждений. Цель исследования — определить ключевые факторы и институциональные механизмы, влияющие на возможности социальной мобильности детей, оставшихся без попечения родителей, а также оценить степень эффективности существующей системы. В рамках исследования использованы социологические методы, в том числе экспертный опрос ($N = 30$) и анкетирование воспитанников семейных детских домов г. Ташкента. Методологической основой послужили структурно-функциональный, конфликтный, интеракционистский и неинституциональный подходы. Результаты показали, что главными каналами достижения жизненного успеха воспитанники считают образование (45 %), профессиональную деятельность (38 %) и предпринимательство (30 %). Выявлена низкая активность молодежи и недостаточное внимание со стороны неправительственных организаций и молодежных крыльев политических партий к вопросам социальной мобильности. Установлено, что для устойчивого развития данного направления необходимы усиление межинституционального взаимодействия, расширение программ поддержки и развитие субъектности молодежи.

Ключевые слова: социальная мобильность, воспитанники, семейные детские дома, молодежь, институты, социализация, государственная политика

Для цитирования: Бутаева Х. Ю. Формирование основ социальной мобильности у воспитанников семейных детских домов // Социология и право. 2025. Т. 17. № 3. С. 368–375. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-368-375>

Original article

Establishment of the foundations of social mobility among residents of family-type orphanages

Khurshida Yu. Butayeva

Institute for the Study of Youth Issues and Training of Promising Personnel
under the Youth Affairs Agency of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan,
butayevaxurshida@gmail.com

Abstract. The article analyzes the creation of the foundations of social mobility among children living in family-type orphanages as one of the priority areas of state social policy and an instrument for ensuring social justice. The study is based on the relevance of transition from institutional forms of education to family-type orphanages, which is indicated on the Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated June 1, 2023 No. UP-82, according to which the gradual elimination of traditional residential institutions is planned by 2025. The study aimed to identify the key factors and institutional mechanisms influencing the possibilities of social mobility of children deprived of parental care, as well as to assess the existing system effectiveness. The study used sociological methods, including an expert survey (N = 30) and a questionnaire survey of children living in family-type orphanages in Tashkent. The methodological basis was the structural-functional, conflict, interactionist and neo-institutional approaches. The results demonstrated that the main channels for achieving success in life are considered by the residents to be education (45 %), professional activity (38 %), and entrepreneurship (30 %). The study revealed low activity of young people and insufficient attention from non-governmental organizations and youth branches of political parties to the issues of social mobility. It was established that for sustainable development of this area it is necessary to strengthen inter-institutional interaction, expand support programs, and develop the subjectivity of young people.

Keywords: social mobility, residents, family-type orphanages, youth, institutions, socialization, state policy

For citation: Butayeva Kh. Yu. Establishment of the foundations of social mobility among residents of family-type orphanages. *Sociology and Law. 2025;17(3):368-375.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-368-375>

Введение

Социальная мобильность — динамический процесс, связанный с переходом членов общества или групп из одного социального статуса в другой в рамках социальной структуры. Этот процесс возникает в результате взаимодействия социального неравенства, возможностей и институциональных механизмов.

Семейные детские дома — альтернативная форма социальной защиты, направленная на воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в семейной среде. Эффективное функционирование этой системы, ее правовой статус и организационный механизм управления регулируются указами и постановлениями, принятыми на государственном уровне.

В соответствии с Указом Президента Республики Узбекистан от 1 июня 2023 г. № УП-82 «О комплексе мер по оказанию качественных социальных услуг и помощи населению, а также налаживанию системы их эффективного контроля» все учреждения по защите детей, в том числе дома милосердия, детские городки, альтернативные формы детских домов и семейные детские дома, с 1 января 2024 г. будут переведены в единую систему, а именно в структуру Национального агентства социальной защиты (НАСЗ). Вместе с тем, согласно Указу Президента Республики Узбекистан, до 2025 г. предусмотрены поэтапная ликвидация существующих детских домов и создание вместо них семейных детских домов. Эти меры направлены на то, чтобы вывести детей из институциональной (учрежденческой) среды и предоставить им возможность жить в любящей, семейной обстановке.

В обеспечении социального прогресса и социальной справедливости важную роль играет полноценная социализация подрастающего поколения, особенно детей, лишенных любви и заботы, не имеющих родителей или оставшихся без их попечения. Ввиду этого детские дома семейного типа представляются важным институтом, влияющим на социальную адаптацию и будущий социальный статус

детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, путем создания условий, приближенных к семейной среде.

Поскольку дети, воспитывающиеся в детских домах семейного типа, относятся к социально уязвимым слоям населения, их достойное место в обществе часто требует дополнительной помощи, воспитания, психологической поддержки и мер по социальной интеграции. Формирование основ социальной мобильности лиц, воспитывающихся в семейных детских домах, — это не только вопрос их индивидуального будущего, но и значимое научно-практическое направление обеспечения социальной справедливости, стабильности и равенства в обществе. Данная тема связана с социологией, педагогикой, психологией, социальной работой и государственной политикой. В настоящее время ее актуальность неуклонно возрастает.

Материалы и методы

В процессе написания статьи осуществлено глубокое изучение, осмысление темы. Создание необходимых условий для обеспечения равных социальных возможностей воспитанникам семейных детских домов в обществе, их активного участия в экономической и культурной жизни имеет большое значение. Исследования показали, что повышение уровня социальной мобильности напрямую влияет на качество жизни этих детей, их будущие профессиональные успехи и интеграцию в общество.

В воспитательных учреждениях формируются не только академические знания, но и социальные навыки, коммуникативный потенциал и психологическая адаптивность, что позволяет детям в полной мере проявить свои способности. Кроме того, государственные и негосударственные организации могут помочь этим детям найти место в жизни посредством программ поддержки, грантов и стипендий, курсов профессиональной ориентации и повышения квалификации. По мнению З. Фрейда, социальная мобильность — это потенциал личности изменить свое экономическое, культурное или профессиональное положение в положительную сторону, взаимосвязь ее психологических ресурсов с возможностями, созданными обществом [1].

В контексте современных социологических подходов социальная мобильность оценена не только через экономический рост, но и через доступность образования, свободу выбора профессии, гендерное равенство и равные этнические возможности. Например, Э. Гидденс определяет социальную мобильность как потенциал, который дает индивидам возможность изменить свой жизненный путь через существующие в обществе социальные структуры и институты. Среди факторов, определяющих социальную мобильность, особое значение имеют семья, система образования, рынок труда, государственная политика, культурный капитал и социальные сети. С помощью этих факторов можно определить уровень социального неравенства, наличие или отсутствие справедливости [2, р. 205].

Результаты

В регулировании социальной мобильности молодежи особую роль выполняют институциональные механизмы, в частности политико-правовые. Эти механизмы в основном реализуются через государственную политику, осуществляемую в отношении молодежи, образовательных учреждений и институтов социальной адаптации. Повышение эффективности механизмов социальной мобильности воспитанников семейных детских домов происходит прежде всего путем воздействия социальных институтов на этот процесс с целью создания условий для

вертикально растущей и произвольной горизонтальной мобильности молодежи в различных сферах жизни общества и устранения условий, вызывающих снижение мобильности. Объектом регуляторного воздействия служат факторы социальной мобильности молодежи, достигаемые посредством различных механизмов.

Институциональные механизмы регулирования социальной мобильности молодежи реализуются через социальные институты, выполняющие как общие (базовые) функции, так и специализированные, в определенном направлении. По результатам опроса, проведенного нами с участием 30 экспертов, установлено, что ведущая роль в этом процессе должна принадлежать политическим институтам, в частности государству и его структурам, занимающимся решением тех или иных вопросов, актуальных для молодежи (65 %). Вместе с тем выявлена значительная роль органов социального контроля (15,8 %) и образовательных учреждений (19,2 %).

По мнению ряда специалистов, в том числе профессоров и преподавателей Национального университета Узбекистана, Ташкентского государственного технического университета, Ташкентского института текстильной и легкой промышленности, Ташкентского государственного юридического университета и Университета мировой экономики и дипломатии, регулирование социальной мобильности молодежи не может быть осуществлено только в рамках одного определенного института. Напротив, в этом вопросе различные социальные институты должны взаимодействовать.

По результатам опроса, проведенного среди воспитанников семейных детских домов города Ташкента, большинство из них указали образование в качестве основного средства достижения жизненного успеха в современном обществе (45 %). Кроме того, 38 % воспитанников определили профессиональную деятельность в качестве главного источника успеха, а 30 % отдали предпочтение предпринимательству. Доля опрошенных, которые верят в возможность достижения успеха через политические и общественные организации, составила 21 %. К тому же 17 % воспитанников оценили поддержку со стороны родителей или близких родственников как важный фактор. 12 % считают военную службу средством социального роста. Это прослеживается на рисунке 1.

Вместе с тем результаты опроса показывают, что значимость таких каналов социальной мобильности, как религиозная деятельность и спорт, резко снизилась с учетом позиции молодежи.

Рис. 1. Рейтинг необходимых средств для достижения жизненного успеха, %

Fig. 1. Rating of necessary means for achieving success in life, %

Источник: составлено автором.

По результатам экспертного опроса, проведенного с целью анализа складывающейся ситуации, выявлено, что неправительственные некоммерческие организации (ННО) в нашей стране, в том числе молодежные крылья политических партий, неэффективно используют возможности управления социальной мобильностью молодежи. 70,6 % участников опроса указали, что молодежные крылья ННО и партий не уделяют должного внимания этому вопросу. Это отражено в таблице 1.

Таблица 1

Ответы респондентов на вопрос

«Уделяют ли достаточно внимания вопросам социальной мобильности молодежи?», %

Table 1. Answers of respondents to the question
“Is enough attention paid to the issues of social mobility of young people?” (%)

Тип организаций	Достаточно	Недостаточно
Государственные органы управления	80,1	18,0
Средства массовой информации	50,6	50,5
Общественные организации	18,3	70,7
Негосударственные некоммерческие организации	12,6	70,6
Образовательные учреждения	70,0	15,7

Источник: составлено автором.

По мнению опрошенных, ведущая роль в развитии социальной мобильности отведена именно молодежи. Однако молодые люди зачастую не проявляют достаточной активности, ожидая помощи со стороны. Например, как указали 72,7 % экспертов, социальное развитие молодежи замедляется в результате их экономической и политической пассивности. Вместе с тем к негативным факторам отнесены недостаточное осознание (54,5 %) необходимости регулирования социальной мобильности молодежи со стороны социальных институтов и общественных организаций, а также недостаточная научная изученность данного вопроса (36,4 %).

Обсуждение

Социальную мобильность молодежи в современном обществе рассматривают как ключевой индикатор социальной справедливости, устойчивости и инклюзивного развития. Полученные эмпирические данные свидетельствуют о том, что регулирование социальной мобильности молодежи невозможно без комплексного подхода, основанного на институциональных и структурных социологических теориях.

С учетом структурно-функционального подхода (Т. Парсонс, Р. Мертон) можно утверждать, что институциональные механизмы выполняют важную функцию поддержания социального порядка и согласования ожиданий между индивидами и обществом [3; 4]. Государственные органы, образовательные учреждения и институты социальной адаптации функционируют как передаточные звенья, обеспечивающие соответствие между личными амбициями молодежи и социально одобряемыми каналами продвижения. Результаты опроса (65 % экспертов считают, что ведущая роль принадлежит государству) подтверждают значимость политико-правового регулирования в формировании справедливых возможностей для всех.

С позиций теории конфликтов (К. Маркс, Р. Дарендорф) [5; 6] выявленные проблемы, в частности экономическая и политическая пассивность молодежи

(72,7 % экспертов), а также неэффективность деятельности ННО и молодежных крыльев партий (70,6 %), указывают на наличие барьеров при равном доступе к социальным ресурсам и власти. Молодежь, находящаяся в маргинализированных социальных условиях, часто не включена в процесс принятия решений и ограничена в возможностях социальной мобильности.

Интеракционистская перспектива (Дж. Мид, Э. Гофман) позволяет рассматривать молодежь как активных субъектов, конструирующих свою идентичность через взаимодействие с социальными институтами [7; 8]. Однако, как показывают данные, многие молодые люди ожидают внешней помощи вместо того, чтобы проявлять инициативу. Это свидетельствует о дефиците механизмов субъектной социализации и мотивационного сопровождения со стороны государства и ННО.

В контексте неоинституциональной теории дополним, что слабая координация между различными социальными институтами (государство, образование, ННО, армия, религиозные и спортивные организации) снижает эффективность системы регулирования мобильности [9, р. 150]. Участие молодежи в этих институтах воспринимается не как взаимно усиливающее, а как изолированное, что уменьшает их кумулятивное воздействие на формирование равных стартовых возможностей.

Кроме того, низкая научная проработанность темы (на это указали 36,4 % экспертов) требует активизации академических и практических исследований в исследуемой области. Разработка индикаторов, инструментов мониторинга и оценки эффективности механизмов социальной мобильности молодежи должна стать приоритетом государственной социальной политики.

Таким образом, устойчивое развитие молодежной мобильности требует системного взаимодействия между политическими, образовательными и гражданскими институтами. Необходима выработка стратегий, направленных на активизацию молодежи, устранение структурных барьеров и формирование инклюзивной институциональной среды, в которой каждый молодой человек сможет реализовать свой потенциал.

Выводы

Формирование основ социальной мобильности у воспитанников семейных детских домов представляет собой не только путь к их личному жизненному успеху, но и актуальную социально-культурную задачу, направленную на обеспечение социальной справедливости, стабильности и равенства в обществе. Результаты исследования показывают, что эффективное регулирование этого процесса невозможно без активного участия институциональных механизмов, в частности политико-правовых структур. Государственная политика, образовательные учреждения, институты социальной адаптации и неправительственные организации должны взаимодействовать для создания условий вертикальной и горизонтальной мобильности.

Опросы среди воспитанников свидетельствуют о том, что образование (45 %), профессиональная деятельность (38 %) и предпринимательство (30 %) считаются, по их мнению, основными средствами достижения жизненного успеха. При этом значимость таких каналов, как религия и спорт, в восприятии молодежи резко снизилась. Установлен и тот факт, что политические партии, ННО, средства массовой информации, другие институты в недостаточной мере уделяют внимание вопросам молодежной мобильности.

С теоретической точки зрения в рамках структурно-функционального подхода эффективное взаимодействие социальных институтов способствует укреплению социального порядка. Согласно позиции сторонников конфликтной теории, эконо-

мическая и политическая пассивность молодежи, а также неравный доступ к ресурсам выступают барьерами для социальной справедливости. Интеракционистская и неoinституциональная перспективы свидетельствуют о проблеме слабой координации между институтами и низкой субъектной активности молодежи.

На основе анализа можно выделить ряд приоритетных направлений:

- усиление межинституционального сотрудничества;
- расширение программ психологической и мотивационной поддержки;
- повышение доступности образования и профессиональной ориентации;
- разработка стратегий социализации, ориентированных на развитие субъектности молодежи.

Таким образом, полноценная социализация и обеспечение социальной мобильности воспитанников семейных детских домов — это не только педагогическая или психологическая задача, но и многоуровневый процесс, основанный на взаимодействии институтов социальной политики, права, культуры и гражданского общества.

Список источников

1. *Ryan R. M., Deci E. L.* Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // *American Psychologist*. 2000. Vol. 55. No. 1. P. 68–78. DOI: 10.1037//0003-066x.55.1.68
2. *Giddens A.* Sociology. 6th ed. Cambridge: Polity Press, 2009. 1194 p.
3. *Parsons T.* The social system. London: The Free Press of Glencoe, 1951. 575 p.
4. *Merton R. K.* Social theory and social structure. New York: The Free Press, 1968. 702 p.
5. *Marx K.* A contribution to the critique of political economy. New York: International Publishers, 1970. 263 p.
6. *Dahrendorf R.* Class and class conflict in industrial society. Stanford, CA: Stanford University Press, 1959. 336 p.
7. *Mead G. H.* Mind, self, and society. Chicago, London: University of Chicago Press, 1934. 562 p.
8. *Goffman E.* The presentation of self in everyday life. New York: Anchor Books, 1959. 259 p.
9. *DiMaggio P. J., Powell W. W.* The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields // *American Sociological Review*. 1983. Vol. 48. No. 2. P. 147–160. DOI: 10.2307/2095101

References

1. *Ryan R.M., Deci E.L.* Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*. 2000;55(1):68-78. DOI: 10.1037//0003-066x.55.1.68
2. *Giddens A.* Sociology. 6th ed. Cambridge: Polity Press; 2009. 1194 p.
3. *Parsons T.* The social system. London: The Free Press of Glencoe; 1951. 575 p.
4. *Merton R.K.* Social theory and social structure. New York, NY: The Free Press; 1968. 702 p.
5. *Marx K.* A contribution to the critique of political economy. New York, NY: International Publishers; 1970. 263 p.
6. *Dahrendorf R.* Class and class conflict in industrial society. Stanford, CA: Stanford University Press; 1959. 336 p.
7. *Mead G.H.* Mind, self, and society. Chicago, London: University of Chicago Press; 1934. 562 p.
8. *Goffman E.* The presentation of self in everyday life. New York, NY: Anchor Books; 1959. 259 p.
9. *DiMaggio P.J., Powell W.W.* The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields. *American Sociological Review*. 1983;48(2):147-160. DOI: 10.2307/2095101

Информация об авторе

Х. Ю. Бутаева — базовый докторант; 100066, Узбекистан, Ташкент, Ислама Каримова ул., д. 45.

Information about the author

Kh. Yu. Butayeva — basic doctoral student; 45 Islam Karimov St., Tashkent 100066, Uzbekistan.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 23.06.2025; одобрена после рецензирования 25.07.2025; принята к публикации 25.09.2025.

The article was submitted 23.06.2025; approved after reviewing 25.07.2025; accepted for publication 25.09.2025.

Научная статья

УДК 316.77:004

DOI: 10.35854/2219-6242-2025-3-376-385

Цифровая социокультурная среда как экосистема демографического выбора

Евгения Вячеславовна Гомозова

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия, e.v.gomozova@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0002-1784-8852>

Аннотация. В статье утверждается, что стремительное распространение цифровых коммуникаций трансформирует пространство принятия демографических решений молодежью, смещая его от традиционных социальных институтов к медийным платформам, инфлюенсерам и алгоритмам цифровой среды. Цель статьи — концептуализировать «цифровую социокультурную среду» в демографии как многослойную экосистему и описать ее внутреннюю архитектуру. Автором проанализированы вторичные эмпирические данные, демонстрирующие влияние различных медиасистем на брачные, репродуктивные и миграционные установки российской молодежи. Методологически работа опирается на обзор зарубежной и отечественной литературы, цель которого не только суммировать известные данные, но и построить или уточнить теоретическую модель. Используются эмпирические данные: вторичный анализ массивов российских и зарубежных социологических центров, результаты социологических исследований российских ученых. Результатом исследования стала разработка пятиуровневой модели экосистемы (инфраструктурный, платформенный, дискурсивно-контентный, интеракционный, нормативный) на основе обзора литературы. Предложены операционные определения понятий «медиаопосредованная социализация», «цифровая социокультурная среда» и «экосистема демографического выбора» как новых категорий демографического анализа. Показано, что форматы цифровой экосистемы за последние годы сдвинули медиану желаемого возраста первого брака на четыре года. Вместе с тем доля тех, для кого идеалом семьи является один ребенок, за последние десять лет сократилась с 10 до 3 %. В выводах акцент сделан на необходимости учета экосистемного измерения при разработке демографической политики, а также на потенциале цифровых платформ как каналов адресного нормотворчества.

Ключевые слова: демографические установки, молодежь, цифровая культура, медиаопосредованная социализация, экосистема демографического выбора, инфлюенсеры

Для цитирования: Гомозова Е. В. Цифровая социокультурная среда как экосистема демографического выбора // Социология и право. 2025. Т. 17. № 3. С. 376–385. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-376-385>

Original article

Digital socio-cultural environment as an ecosystem of demographic choice

Evgeniya V. Gomozova

Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e.v.gomozova@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0002-1784-8852>

Abstract. The article argues that the rapid spread of digital communications is transforming the space of demographic decision-making by young people, shifting it from traditional social institutions to media platforms, influencers and algorithms of the digital environment. The article aimed to conceptualize the “digital socio-cultural environment” in demography as a multi-layered ecosystem and to describe its internal architecture. The author analyzed secondary empirical data demonstrating the influence of various media systems on the marital, reproductive, and migration attitudes of Russian youth. Methodologically, the work is based on a review of international and Russian literature, aimed not only to summarize the known data, but also to construct or clarify a theoretical model. The empirical data were used, namely secondary analysis of arrays of sociological centers in Russia and other countries, the results of sociological research by Russian scientists. The study resulted in the development of a five-level ecosystem model (infrastructure, platform, discursive-content, interaction, normative) based on a literature review. Operational definitions of the concepts of “media-mediated socialization”, “digital socio-cultural environment,” and “ecosystem of demographic choice” are proposed as new categories of demographic analysis. The work demonstrated that digital ecosystem formats have shifted the median of the desired age of first marriage by four years in recent years. At the same time, the share of those for whom one child is the ideal family has decreased from 10 % to 3 % over the past ten years. The conclusions emphasize the need to take into account the ecosystem dimension when developing demographic policy, as well as the potential of digital platforms as channels for targeted rulemaking.

Keywords: demographic attitudes, youth, digital culture, media-mediated socialization, demographic choice ecosystem, influencers

For citation: Gomozova E.V. Digital socio-cultural environment as an ecosystem of demographic choice. *Sociology and Law. 2025;17(3):376-385.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-376-385>

Введение

Демографические установки и практики, формирующиеся в молодежной среде, в значительной мере определяют направления развития страны в настоящее время и среднесрочной перспективе. Представления о наиболее предпочтительных сценариях жизни, складывающиеся у молодежи, в дальнейшем становятся основой поколенческих моделей демографического поведения, трансформируясь под влиянием личного опыта, доступных ресурсов и восприятия институциональной среды.

Анализ последних опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения (далее — ВЦИОМ) показывает, что большинство молодых россиян предпочитают общаться в цифровой среде: 61 % выбирают виртуальное взаимодействие, лишь 33 % — личные встречи [1]. По данным DataReportal, «в 2025 году в России насчитывалось 133 миллиона пользователей интернета, уровень проникновения интернета составлял 92,2 %, а также 106 миллионов пользователей социальных сетей, что составляет 73,4 % от общей численности населения» [2].

При этом классические регуляторы демографического поведения — семья, школа, религия — демонстрируют сокращение авторитетного влияния [3]. Возникает необходимость исследовать структуру цифровой среды, а не только ее медиафакторы.

Цель статьи — концептуализировать и описать внутреннюю архитектуру «цифровой социокультурной среды» в демографии как многослойной экосистемы, то есть совокупности взаимосвязанных технических, платформенных и дискурсивных компонентов, формирующих рамки демографического выбора. Для реализации цели необходимо решить ряд задач:

- сконструировать уровневую модель экосистемы;
- систематизировать вторичные данные о влиянии медиапространства на демографические установки;
- выделить медиамеханизмы трансформации брачно-репродуктивных норм.

Материалы и методы

Исследование базируется на анализе отечественных и зарубежных научных публикаций в контексте темы цифровой среды и демографического поведения молодежи. В качестве эмпирической базы использованы данные социологических исследований, включая мониторинги ВЦИОМ и Фонда общественного мнения (далее — ФОМ), открытые отчеты международных цифровых платформ (DataReportal), а также материалы исследований российских ученых.

Результаты

Современная цифровая среда, в которой формируется демографический выбор молодежи, представляет собой не просто совокупность информационных каналов, а сложную социокультурную систему, обладающую иерархией уровней, взаимосвязью контентных и технических элементов, устойчивым влиянием на ценностные ориентиры. В отличие от классических институтов социализации (семьи, образования, религии), цифровая среда действует повседневно, визуально и часто незаметно, формируя установки через механизмы эмоционального вовлечения, алгоритмического отбора информации и платформенной нормативности.

Теоретический обзор

В рамках демографических исследований концепт «цифровая социокультурная среда» практически не используют в качестве самостоятельной аналитической категории. В смежных дисциплинах, прежде всего в социологии образования, культурологии и психологии, цифровую среду активно рассматривают как важный фактор трансформации социальных институтов, поведенческих моделей и идентичностей. Например, С. Гришаева пишет о том, что в условиях слияния онлайн- и офлайн-пространств усиливается множественность статусов, виртуализируются процессы миграции и образования, размываются границы личного и публичного [4, с. 70]. Г. Солдатова и А. Войскунский в рамках трансдисциплинарного подхода характеризуют цифровую социализацию как процесс адаптации человека к возможностям и вызовам социотехнологической среды. Повседневная социальная деятельность индивида теснее интегрируется с цифровыми инструментами (гаджетами и онлайн-пространством), формируется гиперподключенная личность, существующая в смешанной (онлайн/офлайн) реальности [5, с. 431].

В монографии Ю. Зубок и В. Чупрова цифровая среда рассмотрена как самостоятельный и доминирующий институт социализации, вытесняющий классические, в частности семью, школу, религиозные и государственные структуры. Авторы обращают внимание на усиление роли онлайн-коммуникаций, платформенных алгоритмов и инфлюенсеров в формировании повседневных практик и жизненных стратегий, рост ориентации на сетевые нормы и стили поведения, которые молодежь заимствует из блогов, социальных сетей, форумов. Исследователи обосновывают тезис о структурной перестройке поля социализации под воздействием цифровой среды [6].

В фокусе исследования Е. Беловой и др. установки, жизненные стратегии молодого поколения необходимо изучать для эмпирического анализа демографического поведения молодежи и новых направлений демографической политики, особенно на региональном уровне [7, с. 479].

Среди зарубежных ученых (Д. Альбурес-Гутьеррес и др.) поток цифровых данных представлен как новые возможности для демографического анализа, акцент сделан на его технических, этических и методологических сложностях их использования, но интеграция демографии и социально-медиаальной среды сама по себе остается минимальной [8]. Американские ученые дают подробный обзор опыта и активного использования цифровых следов в демографии, но при этом выделяют существенные пробелы. Они считают, что редко в литературе анализируют социокультурную среду как фактор формирования демографического поведения [9].

Таким образом, краткий обзор показал, что для изучения демографических установок характерен традиционный акцент на экономических, институциональных и семейных детерминантах. Влияние цифровой социокультурной среды на брачные, репродуктивные и миграционные установки остается в значительной степени исследованным не в полной мере.

В рамках настоящего исследования сформулированы и введены в научный оборот три понятийные конструкции, позволяющие описывать влияние цифровой среды на демографическое поведение:

- *медиаопосредованная социализация* как процесс интериоризации норм и сценариев поведения в результате регулярного взаимодействия с цифровыми медиа;
- *цифровая социокультурная среда* как комплекс онлайн-платформ, блогосферы и управляемых коммуникационных практик, формирующих социальные представления и установки;
- *экосистема демографического выбора* как совокупность уровней и механизмов воздействия цифровой среды на принятие решений, связанных с брачностью, репродукцией, миграцией.

На основании обобщения данных вторичных социологических исследований, анализа контентных массивов и междисциплинарных публикаций разработана модель цифровой социокультурной среды как экосистемы демографического выбора, включающая в себя пять функциональных уровней. Каждый из них оказывает специфическое влияние на процессы формирования брачных, репродуктивных и миграционных установок молодежи. Далее нами представлены ключевые характеристики этих уровней, выявлены формы их воздействия.

1. *Инфраструктурный уровень*. Предусматривает технические и телекоммуникационные условия доступа к цифровой среде. В частности, широкое покрытие сетей мобильной связи; доступность Wi-Fi-соединения в общественных и домашних пространствах; высокую степень цифровизации повседневной инфраструктуры (транспорт, торговля, образование, медицина); наличие недорогих и функциональных мобильных устройств (смартфонов, планшетов, ноутбуков).

2. *Платформенный уровень*. Определен набором цифровых площадок и сервисов, формирующих пользовательскую среду. В тройку наиболее посещаемых площадок среди российской молодежи вошли «ВКонтакте», Telegram и WhatsApp* [9].

3. *Контентно-дискурсивный уровень*. Связан с доминирующими темами, визуальными паттернами и нарративами, циркулирующими в цифровом про-

---

* Мессенджер принадлежит компании Meta Platforms Inc., которая признана экстремистской организацией и запрещена в Российской Федерации.

странстве. По данным ВЦИОМ, среди тем, которые интересуют молодежь, семья и дети составляют лишь 21 % ответов от общего объема заинтересованности (17-е место; на первом месте находится юмор, 56 % ответов) [10]. В блогосфере преобладают позитивная тональность в репрезентации childfree-идей, ориентация на «одинокую жизнь» и гибкие карьерные модели.

4. *Интеракционный уровень.* Подразумевает формы онлайн-взаимодействия, способные актуализировать или трансформировать установки. Блогосферы и контентные личностного характера, как правило, вызывают эмоциональный отклик и способствуют смене установок через эффект «лайк-импульса».

5. *Нормативный уровень.* Регулируется внутренней политикой платформ. Формируется новая «платформенная этика», в которой закреплены нормы допустимого в публичной коммуникации. Этот уровень включает в себя не только внутреннее, но и внешнее регулирование со стороны государства. Платформы вводят механизмы, удаляющие комментарии с признаками дискриминации, например в отношении многодетных семей или женщин, находящихся в декрете. Одновременно в России усиливаются законодательные меры по контролю контента, противоречащего демографическим приоритетам государства. Так, в 2023–2024 гг. в общественной и экспертной повестке обсуждали законопроект о штрафах за пропаганду идеологии childfree в цифровых медиа [11]. Хотя закон пока не принят, уже действуют нормы, ограничивающие распространение информации, подрывающей традиционные семейные ценности (включая положения Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию») [12]. Это свидетельствует о становлении смешанной платформенно-государственной рамки, регулирующей демографический контент в цифровой среде.

Взаимодействие различных компонентов цифровой социокультурной среды в формировании демографических установок молодежи показано нами на основе обобщения ключевых характеристик пяти уровней экосистемы в таблице 1.

Таблица 1

Модель цифровой социокультурной экосистемы
Table 1. Model of the digital sociocultural ecosystem

Уровень экосистемы	Содержательный фокус	Иллюстративные медиавоздействия
1. Инфраструктурный	Доступ к сети, устройства, скорость, стоимость трафика	Создает техническую «потолочную» возможность непрерывной медиаопосредованной социализации
2. Платформенный	Доминирующие сервисы и приложения	Контенты VK, Telegram агрегируются внутри экосистемы Рунета
3. Контентно-дискурсивный	Темы, нарративы	Рост позитивной/негативной репрезентации отдельных установок
4. Интеракционный	Форматы взаимодействия, социальный капитал блогеров	Влияние «референтных» блогеров на демографические установки
5. Нормативный	Платформенные и государственные регуляции	Блокировка каналов против традиционных ценностей, принятие законов

Источник: составлено автором.

Предложенная в таблице 1 модель позволяет не только классифицировать элементы цифровой среды, но и проследить, каким образом технологические, платформенные и нормативные компоненты действуют совместно, усиливая эффект медиаопосредованной социализации.

Следующим аналитическим шагом стало выделение медиамеханизмов трансформации брачно-репродуктивных норм. Нами выделено четыре, на наш взгляд, основных.

1. *Норма-фильтр*. Алгоритмы ленты решают, что показать пользователю в первую очередь, в зависимости от того, что в большей мере интересует пользователя. Так, формируется ощущение: «Все вокруг живут именно так, а значит, это нормально».

2. *Лайк-импульс*. Короткое видео или мем дает мгновенный эмоциональный эффект (улыбку, раздражение, умиление). Лайк или репост закрепляет это чувство: «Мне это близко».

3. *Инфлюенсер-мост*. Через личную историю блогера формируется образец поведения для подписчиков: «Если у нее получилось, у меня тоже выйдет».

4. *Алгоритмический пузырь*. Платформа стремится удержать внимание и поэтому показывает контент, с которым пользователь согласен. Постепенно в ленте остаются только единомышленники, а противоположные точки зрения «выпадают» из поля зрения.

Таким образом, рассмотренные медиамеханизмы демонстрируют, что влияние цифровой среды на демографические установки молодежи носит многоуровневый и эмоциональный характер, опосредованный социальной значимостью медиаперсон. Эти механизмы требуют дальнейшего эмпирического подтверждения.

Обсуждение

Рассмотрим изменение демографических установок по данным социологических служб. На основе сопоставления данных ВЦИОМ, ФОМ и анализа публикаций можно выделить три устойчивых показателя.

Первый показатель — желаемый возраст первого брака для женщины. Сопоставление данных ВЦИОМ за последние годы показывает выраженные изменения в установках российской молодежи: в 2017 г. — 23,0 года, 2019 — 24,0 года, 2022 — 27,0 лет [13].

Второй показатель — ориентация на количество детей. ВЦИОМ установил, что в 2014 г. двоих детей хотели иметь 53 % россиян, троих — 28 %. За десять лет заметно сократилась доля желающих иметь одного ребенка (2014 г. — 10 %, 2024 г. — 3 %). Аналитики ВЦИОМ делают вывод о том, что «в российском обществе в последние годы наблюдается сдвиг в сторону увеличения ориентации на многодетность (2014 г. — три и более детей — 34 %, 2024 г. — 48 %)» [14; 15]. По данным ФОМ, количество тех, кто не хочет иметь детей, за последние шесть лет сократилось [16] с 24 % в 2018 г. до 17 % респондентов в 2024 г.

Третий показатель — миграция ради карьеры, а не ради семьи. Как пишут О. Кучмаева и О. Золотарева, «жесткие условия конкурентного общества ставят и женщин, и мужчин перед выбором: карьера или семья. И люди часто делают выбор в пользу той стратегии, которая в большей степени приветствуется в обществе» [17, с. 58]. Учеными Института демографических исследований ФНИСЦ РАН установлено, что только для 23,4 % москвичей от 18 до 25 лет ценность семьи является приоритетной [18, с. 90]. Карьерной реализации отдали предпочтение 42 % респондентов, столько же выбрали вариант ответа «иметь интересную работу, позволяющую проявить свои способности и таланты» [19].

Таким образом, на протяжении последних лет в России наблюдается устойчивый сдвиг в направлении более позднего вступления в брак, увеличения доли ограниченной репродуктивной модели и ориентации на миграцию ради самореализации. Все три установки имеют медиаопосредованную компоненту и коррелируют с активностью в цифровой среде.

Наблюдаемые в установках сдвиги не являются исключительно следствием индивидуальных выборов или экономических факторов. Они репрезентируют структурные изменения в среде социализации, в которой цифровое становится не дополнением, а ядром формирования демографического поведения. В условиях медиаопосредованной социализации молодые люди осваивают не только информацию, но и ценностно-нормативные ориентации, определяющие их представления о допустимом, желательном и реальном в сфере семьи, брака, родительства и мобильности.

Разработанная концептуализация цифровой социокультурной среды как экосистемы демографического выбора позволяет выйти за рамки анализа отдельных цифровых воздействий (например, медиапотребления или влияния блогеров) и перейти к пониманию структурированной среды, включающей в себя инфраструктурные, контентные, интеракционные и нормативные компоненты. Каждый из этих уровней выполняет определенную функцию в процессе формирования демографических ориентаций, от создания условий доступа к информации и норм до формирования реакций и поведенческих импульсов. С практической точки зрения предложенная модель может быть использована при формировании элементов демографической политики, ориентированных на цифровую среду.

Выводы

Введенные в статье дефиниции медиаопосредованной социализации, цифровой социокультурной среды и экосистемы демографического выбора могут служить базой для дальнейшего теоретического и эмпирического развития междисциплинарного подхода на стыке демографии, медиасоциологии и цифровых исследований.

На основе теоретического анализа и вторичного анализа социологических опросов предлагаем рассматривать цифровую социокультурную среду в форме пятиуровневой экосистемы. Основной вывод заключается в том, что цифровая социокультурная среда объективно становится самостоятельным институтом, способным перенастраивать фундаментальные демографические ориентации современной молодежи. Изучение цифровой социокультурной среды — критически важное условие как для академической демографии, так и для результативной демографической политики России.

Список источников

1. Спицына А. ВЦИОМ: Более половины молодых людей предпочитают онлайн-общение живому // Российская газета. 2025. 24 июня. URL: <https://rg.ru/2025/06/24/vciom-bolee-poloviny-molodyh-liudej-predpochitaiut-onlajn-obshchenie-zhivomu.html> (дата обращения: 03.08.2025).
2. Digital 2025: The Russian Federation // Datareportal. March 3, 2025. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-russian-federation> (дата обращения: 03.08.2025).
3. Логинов Д. М. Демографические ориентации молодежи, сформированные в условиях институциональной стабильности к началу 2020-х годов // Мир России. Социология. Этнология. 2025. Т. 34. № 3. С. 28–50. DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-3-28-50

4. Гришаева С. А. Социальные трансформации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26. № 1. С. 70–81. DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-70-81
5. Солдатова Г. У., Войскунский А. Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 3. С. 431–450. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-3-431-450
6. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности: монография. М.: Норма, 2022. 304 с.
7. Белова Е. Н., Синьковская И. Г., Лукина А. К., Квитковская С. И. Образ будущего молодежи как основание ее демографического поведения: междисциплинарный подход // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. Т. 8. № 4. С. 479–488. DOI: 10.21603/2542-1840-2024-8-4-479-488
8. Demography in the digital era: New data sources for population research / Alburez-Gutierrez D. et al. // Book of short papers SIS2019 / eds. G. Arbia et al. Torino: Pearson Italia, 2019. P. 23–30. DOI: 10.31235/osf.io/24jp7
9. Promises and pitfalls of using digital traces for demographic research / Cesare N. et al. // Demography. 2018. Vol. 55. No. 5. P. 1979–1999. DOI: 10.1007/s13524-018-0715-2
10. Смак Т. Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи // ВЦИОМ. 2025. 24 июня. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi> (дата обращения: 03.08.2025).
11. Чайлдфри — и нужно ли с ними бороться? // ВЦИОМ. 2024. 21 октября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chaildfri-i-nuzhno-li-s-nimi-borotsja> (дата обращения: 02.08.2025).
12. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федер. закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (дата обращения: 02.08.2025).
13. Сколько детей нужно для счастья? // ВЦИОМ. 2024. 30 мая. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/skolko-detei-nuzhno-dlja-schastja> (дата обращения: 03.08.2025).
14. Не хочу учиться, хочу жениться, или о возрасте вступления в брак // ВЦИОМ. 2017. 28 августа. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ne-khochu-uchitsya-khochu-zhenitsya-ili-o-vozraste-vstupleniya-v-brak> (дата обращения: 03.08.2025).
15. Отношение к бракам и разводам: мониторинг // ВЦИОМ. 2019. 8 июля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otnoshenie-k-brakam-i-razvodam-monitoring> (дата обращения: 01.08.2025).
16. Репродуктивные установки // ФОМ. 2024. 8 августа. URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/15055> (дата обращения: 01.08.2025).
17. Кучмаева О. В., Золотарева О. А. Концептуальные основы российской модели семейной политики // III Всерос. демографический форум с междунар. участием: материалы форума (Москва, 03–04 декабря 2021 г.). / отв. ред. Т. К. Ростовская. М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, 2021. С. 58–61. DOI: 10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.12
18. Осадчая Г. И., Волкова О. А., Юдина Т. Н., Рославцева М. В. Семейные ценности и ролевые установки мигранток из Центральной Азии // Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 84–100. DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.6
19. Виноградова Е. Карьеристы от рождения // РБК. 2023. 25 ноября. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2023/11/27/6560a7829a79470b8c7a613c> (дата обращения: 03.08.2025).

References

1. Spitsyna A. VCIOM: More than half of young people prefer online communication to face-to-face. Rossiiskaya Gazeta. Jun. 24, 2025. URL: <https://rg.ru/2025/06/24/vciom-bolee-poloviny-molodyh-liudej-predpochitaiut-onlajn-obshchenie-zhivomu.html> (accessed on 03.08.2025). (In Russ.).

2. Digital 2025: The Russian Federation. Datareportal. Mar. 03, 2025. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-russian-federation> (accessed on 03.08.2025).
3. Loginov D.M. Youth demographic orientations formed during the institutional instability of the 2010s. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya = Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2025;34(3):28-50. (In Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-3-28-50
4. Grishaeva S.A. Social transformations within the conditions of digital environment. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya = Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2020;26(1):70-81. (In Russ.). DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-70-81
5. Soldatova G.U., Voiskounsky A.E. Socio-cognitive concept of digital socialization: A new ecosystem and social evolution of the mind. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2021;18(3):431-450. (In Russ.). DOI: 10.17323/1813-8918-2021-3-431-450
6. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Youth in the cultural space: Self-regulation of life activity. Moscow: Norma; 2022. 304 p. (In Russ.).
7. Belova E.N., Sinkovskaya I.G., Lukina A.K., Kvitkovskaya S.I. Future envisaged by young population as predictor of demographic behavior: Interdisciplinary approach. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2024;8(4):479-488. (In Russ.). DOI: 10.21603/2542-1840-2024-8-4-479-488
8. Alburez-Gutierrez D., Aref S., Gil Clavel S., et al. Demography in the digital era: New data sources for population research. In: Arbia G., Peluso S., Pini A., et al., eds. *Book of short papers SIS2019*. Torino: Pearson Italia; 2019:23-30. DOI: 10.31235/osf.io/24jp7
9. Cesare N., Lee H., McCormick T., et al. Promises and pitfalls of using digital traces for demographic research. *Demography*. 2018;55(5):1979-1999. DOI: 10.1007/s13524-018-0715-2
10. Smak T. Living on the net, or media consumption of modern youth. VCIOM. Jun. 24, 2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi> (accessed on 03.08.2025). (In Russ.).
11. Childfree — and should we fight them? VCIOM. Oct. 21, 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chaildfri-i-nuzhno-li-s-nimi-borotsja> (accessed on 02.08.2025). (In Russ.).
12. On the protection of children from information harmful to their health and development. Federal law of December 29, 2010 No. 436-FZ. Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (accessed on 02.08.2025). (In Russ.).
13. How many children does it take to be happy? VCIOM. May 30, 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/skolko-detei-nuzhno-dlja-schastja> (accessed on 03.08.2025). (In Russ.).
14. I don't want to study, I want to get married, or about the age of marriage. VCIOM. Aug. 28, 2017. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ne-khochu-uchitsya-khochu-zhenitsya-ili-o-vozzraste-vstupleniya-v-brak> (accessed on 03.08.2025). (In Russ.).
15. Attitudes towards marriage and divorce: Monitoring. VCIOM. Jul. 08, 2019. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otnoshenie-k-brakam-i-razvodam-monitoring> (accessed on 01.08.2025). (In Russ.).
16. Reproductive attitudes. Public Opinion Foundation. Aug. 08, 2024. URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/15055> (accessed on 01.08.2025). (In Russ.).
17. Kuchmaeva O.V., Zolotareva O.A. Conceptual foundations of the Russian model of family policy. In: Rostovskaya T.K., ed. *Proc. 3rd All-Russ. demographic forum with int. particip.* (Moscow, December 03-04, 2021). Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; 2021:58-61. (In Russ.). DOI: 10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.12
18. Osadchaya G.I., Volkova O.A., Yudina T.N., Roslavitseva M.V. Family values and roles of migrant women from Central Asia. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian Society*. 2024;(4):84-100. (In Russ.). DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.6
19. Vinogradova E. Careerists by birth. RBC. Nov. 25, 2023. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2023/11/27/6560a7829a79470b8c7a613c> (accessed on 03.08.2025). (In Russ.).

Информация об авторе

Е. В. Гомозова — аспирант; 119333, Москва, Фотиевой ул., д. 6, к. 1.

Information about the author

E. V. Gomozova — postgraduate student; 6 Fotievoy St., bldg. 1, Moscow 119333, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 04.08.2025; одобрена после рецензирования 27.08.2025; принята к публикации 25.09.2025.

The article was submitted 04.08.2025; approved after reviewing 27.08.2025; accepted for publication 25.09.2025.

ПРАВО В ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ THE LAW IN A STATE AND PERSON LIFE

Научная статья

УДК 340:004.8

DOI: 10.35854/2219-6242-2025-3-386-396

Правовые проблемы внедрения ИИ-технологий в систему государственного управления и администрирования: российский и международный опыт

Алексей Васильевич Буньков¹, Дмитрий Александрович Репин²✉,
Павел Евгеньевич Щеголев³

^{1, 2} Институт проблем передачи информации имени А. А. Харкевича РАН (ИППИ РАН),
Москва, Россия

³ Министерство здравоохранения Российской Федерации, Москва, Россия

¹ bunkov-av@iitp.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9688-6497>

² repin@iitp.ru✉, <https://orcid.org/0009-0003-4191-6840>

³ schegolev-pe@iitp.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6300-1866>

Аннотация. В статье проведен анализ правовых аспектов внедрения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в сферу государственного управления и администрирования, выявлены нормативно-правовые пробелы и предложены меры по их устранению. К задачам исследования отнесены следующие: проанализировать подходы к правовому регулированию ИИ в государственном управлении в различных юрисдикциях; определить ключевые риски и вызовы, связанные с использованием ИИ в публичной власти; сравнить нормативно-правовые модели регулирования ИИ в России, США, странах Европейского союза (ЕС) и Китае. Исследование основано на компаративно-правовом методе, а также методах системного и функционального анализа. Используются нормативно-правовые акты, аналитические доклады международных организаций (Всемирного банка, ОЭСР, ООН), академические публикации и кейсы из административной практики. Авторами выявлены различия в подходах к регулированию ИИ, от мягкого права и саморегулирования (США) до жестких нормативных механизмов с элементами государственного контроля (Китай, ЕС). Показано, что в России отсутствует комплексное законодательство в сфере ИИ в государственном управлении, что создает риски правовой неопределенности и снижения уровня доверия к цифровым административным решениям. Для обеспечения законности, прозрачности и ответственности при использовании ИИ в государственном управлении необходима разработка единой нормативной рамки, учитывающей как международный опыт, так и специфику российской административной системы. Особое внимание, по мнению авторов статьи, следует уделить механизмам алгоритмической подотчетности, защите персональных данных и соблюдению прав граждан при взаимодействии с ИИ-решениями.

Ключевые слова: искусственный интеллект, государственное администрирование, правовое регулирование, цифровизация, алгоритмическое управление, компаративистика, цифровое государство

Для цитирования: Буньков А. В., Репин Д. А., Щеголев П. Е. Правовые проблемы внедрения ИИ-технологий в систему государственного управления и администрирования: российский и международный опыт // Социология и право. 2025. Т. 17. № 3. С. 386–396. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-386-396>

Original article

Legal issues of implementing AI technologies in public administration and governance: Russian and international experience

Aleksey V. Bunkov¹, Dmitriy A. Repin²✉, Pavel E. Shchegolev³

^{1, 2} A. A. Kharkevich Institute for Information Transmission Problems of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

³ Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ bunkov-av@iitp.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9688-6497>

² repin@iitp.ru✉, <https://orcid.org/0009-0003-4191-6840>

³ schegolev-pe@iitp.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6300-1866>

Abstract. The article analyzes the legal aspects of implementing artificial intelligence (AI) technologies in public administration and governance, identifies regulatory gaps, and proposes measures to eliminate them. The study objectives include analysis of approaches to legal regulation of AI in public administration in various jurisdictions; identifying key risks and challenges associated with the use of AI by public authorities; comparison of regulatory models for regulating AI in Russia, the United States of America, the European Union (EU), and China. The study is based on the comparative legal method, as well as methods of systemic and functional analysis. It used regulatory legal acts, analytical reports of international organizations (World Bank, Organization for Economic Cooperation and Development, United Nations Organization), academic publications, and cases from administrative practice. The authors identified differences in approaches to regulating AI, from soft law and self-regulation (USA) to strict regulatory mechanisms with elements of state control (China, EU). Russia is shown to lack comprehensive legislation in the field of AI in public administration, which creates risks of legal uncertainty and a decrease in the level of trust in digital administrative decisions. Ensuring the legality, transparency and responsibility in the use of AI in public administration requires developing a unified regulatory framework that takes into account both international experience and the specifics of the Russian administrative system. According to the article authors, special attention should be paid to the mechanisms of algorithmic accountability, protection of personal data, and observance of the rights of citizens when interacting with AI solutions.

Keywords: artificial intelligence, public administration, legal regulation, digitalization, algorithmic management, comparative studies, e-government

For citation: Bunkov A.V., Repin D.A., Shchegolev P.E. Legal issues of implementing AI technologies in public administration and governance: Russian and international experience. *Sociology and Law*. 2025;17(3):386-396. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-386-396>

Введение

Внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в государственное управление является одной из ключевых тенденций цифровой трансформации публичной власти на современном этапе развития государства и общества. ИИ применяют для прогнозирования социальной динамики, автоматизации принятия решений,

персонализации государственных услуг и оптимизации административных процедур.

Проведенное в 2024 г. по инициативе Высшей школы государственного администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте Российской Федерации (РФ) исследование под названием «Индекс зрелости искусственного интеллекта федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации»¹ показало широкое использование ИИ решений в государственном управлении. На момент проведения исследования 90 систем уже использовали федеральные органы исполнительной власти и 20 находились на этапе внедрения или запланированы к внедрению. Можно предположить, что неофициальное использование ИИ решений на уровне отдельных государственных служащих, например, связанное с генерацией контента, переводом с иностранных языков или преобразованием изображений в текст (OCR), имеет значительно больший охват.

Аналогично ситуация складывается и за рубежом. В Китае правительство рекомендовало [1] государственным служащим использование модели ИИ DeepSeek для помощи в принятии решений. Однако такое масштабное внедрение технологий несет не только технологические, но и правовые вызовы, требующие комплексного анализа. Нельзя забывать и об этической стороне внедрения ИИ в управление социальными системами [2].

Актуальность проблематики обусловлена тем, что нормативно-правовые системы большинства стран мира не успевают адаптироваться к стремительному развитию ИИ. Это порождает риски произвола, дискриминации, утраты прозрачности управленческих решений и нарушения прав граждан. Особенно острой видится проблема в государственном администрировании, в котором решения, принимаемые с участием ИИ, могут иметь обязательную юридическую силу и затрагивать значительные социальные группы. В этом отношении показательны следующие примеры проблемных аспектов правового регулирования ИИ в России и различных государствах мира, их объединениях.

В России, несмотря на принятие Национальной стратегии развития ИИ до 2030 г.² (далее — Стратегия ИИ), законодательство не содержит специальных норм, регулирующих использование ИИ в публичной власти. Отсутствуют требования к алгоритмической подотчетности, механизмы обжалования решений, принятых ИИ, и независимая экспертиза систем.

Определение понятия ИИ в российском законодательстве содержится в настоящее время в двух актах: Федеральном законе от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ³

¹ Индекс зрелости искусственного интеллекта федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации: аналитический доклад. М., 2024 // Высшая школа государственного администрирования РАНХиГС при Президенте РФ. URL: <https://gspm.ranepa.ru/doc/departments/ai-research/report.pdf> (дата обращения: 17.06.2025).

² Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.: утв. Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731?> (дата обращения: 26.05.2025).

³ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: федер. закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (дата обращения: 20.05.2025).

и Указе Президента России от 10 октября 2019 г. № 490, утвердившем упомянутую выше Стратегию ИИ. К тому же эти определения не идентичны.

В США регулирование основано на принципах саморегулирования и этических рекомендациях (например, в рамках инициативы AI Bill of Rights, 2022)¹. Однако отсутствие федерального закона, регулирующего использование ИИ в государственном секторе, приводит с правовой точки зрения к фрагментарности и правовой неопределенности.

Существует ряд трудностей имплементации ИИ в государственное администрирование и в Евросоюзе (ЕС): в 2024 г. принят AI Act, который впервые установил обязательные требования к системам ИИ, включая оценку рисков, сертификацию и механизм так называемого черного списка запрещенных технологий. Но практика применения этого акта в сфере публичной власти только формируется².

Наконец, важные правовые дилеммы раскрывает и пример из практики Китайской Народной Республики. В частности, Китай применяет централизованный подход с жестким контролем за ИИ, включая закон о регулировании алгоритмов и механизм предварительного одобрения ИИ-систем в сфере государственных услуг. Но правозащитные механизмы и прозрачность алгоритмов остаются слабым звеном данного подхода.

Таким образом, исследование правовых аспектов использования ИИ в государственном администрировании требует не только теоретического анализа, но и эмпирической оценки, с учетом национальных особенностей и глобальных тенденций.

Материалы и методы

При проведении исследования применена компаративно-правовая методология, направленная на сопоставление нормативных подходов к регулированию ИИ в государственном управлении в различных правовых системах. В качестве источников использованы нормативно-правовые акты, стратегии, подзаконные акты, официальные доклады государственных органов, аналитические документы международных организаций (включая ОЭСР, ВОИС, Совет Европы и Европейскую комиссию), а также научные публикации в рецензируемых юридических журналах.

Особое внимание уделено анализу федерального законодательства РФ, включая Конституцию России, Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»³, Стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 г., проекты нормативных актов Минцифры России и Государственной думы Федерального собрания РФ. Изучены нормативные и программные документы США, в том числе инициатива AI Bill of Rights (2022), рекомендации Национального института стандартов и технологий (NIST), а также законодательные инициативы отдельных штатов. Исследованы также регламент Европейского парламента и Совета ЕС по ИИ (AI Act, 2024), Хартия цифровых прав ЕС,

---

¹ Blueprint for an AI Bill of Rights. Making automated system work for the American people // The White House Official Website. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/ostp/ai-bill-of-rights/> (дата обращения: 02.05.2025).

² EU Artificial Intelligence Act/ Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 // European Union. URL: <https://artificialintelligenceact.eu/the-act/> (дата обращения: 07.05.2025).

³ О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 20.05.2025).

директивы по защите данных (GDPR) и позиции Европейского суда по делам, связанным с алгоритмическими решениями; китайские регуляторные документы, включая Положения об управлении алгоритмическими рекомендациями (2022), государственные стандарты в отношении ИИ и документы Центральной комиссии по киберпространству.

Дополнительно использованы кейсы внедрения ИИ в административные процессы, в том числе цифровые платформы по оказанию государственных услуг (например, портал «Госуслуги» в России, MyGov в Индии, AI Virtual Assistants в Эстонии). Проведен анализ судебных решений, в которых ИИ служит элементом доказательной базы или субъектом предварительного анализа. Применены методы юридической герменевтики, правового прогнозирования, системного анализа и институционального подхода.

Многоуровневый методологический подход позволил оценить не только нормативное содержание правовых актов, но и их прикладную реализацию, а также выявить юридические риски и институциональные противоречия.

Результаты

В процессе анализа выявлен ряд ключевых результатов относительно нормативного оформления, институциональных противоречий и правовой неопределенности в контексте вопроса внедрения ИИ в сферу государственного администрирования.

Во-первых, обратим внимание на фрагментарность правового регулирования на международном и национальном уровне. Ни одна из исследуемых юрисдикций в период написания статьи не имеет завершенной, кодифицированной системы регулирования ИИ в публичной власти. Даже такой комплексный документ, как AI Act в ЕС, не включает в себя специфику административного права и процедур, связанных с делегированием полномочий ИИ-системам.

В России отсутствуют специальные нормы, регулирующие правовой статус ИИ в рамках административного производства или управленческих процедур. Это создает неопределенность при установлении ответственности, подведомственности и механизма обжалования решений, принимаемых с участием ИИ.

Во-вторых, важнейшей проблемой регулирования остается отсутствие единых стандартов алгоритмической прозрачности и подотчетности. Например, применение нейроинтерфейсов фактически не охвачено правовым регулированием [3]. В связи с этим ряд отечественных исследователей предлагают разработать некую парадигму «разумного (само)ограничения», которая позволила бы более осознанно и ответственно внедрять технологии ИИ в управление социально-экономическими процессами [4]. Применение ИИ в государственных услугах, в том числе при распределении социальных пособий, проведении налогового контроля или автоматической идентификации нарушений, не сопровождается унифицированными механизмами верификации решений. Так, в США решения ИИ в системах миграционного контроля неоднократно подвергались критике за «черный ящик» алгоритмов, чьи критерии оценки недоступны ни заявителям, ни адвокатам. В России отсутствует обязанность государственных органов обосновывать решения, принятые на основании ИИ-анализа, что противоречит принципам административной прозрачности.

В-третьих, сообщество ученых-правоведов всех стран и общественность обращают внимание на риски нарушений фундаментальных прав человека. Например, в практике Китая и некоторых других государств известны случаи использования ИИ в системах социального рейтинга, предиктивного полицей-

ского анализа и автоматического мониторинга поведения граждан. Такие меры ставят под сомнение соблюдение прав на неприкосновенность частной жизни, свободу передвижения и презумпцию невиновности. В ЕС, напротив, в соответствии с AI Act и Общим регламентом по защите данных запрещено применение ИИ в определенных высокорисковых сферах без строгого соблюдения процедур оценки воздействия на права человека [5].

В-четвертых, следует учитывать и то, что статус ИИ остается неопределенным. Ни в одной из анализируемых стран ИИ не рассматривают как субъект права, но не закреплен и его специфический статус как особого объекта регулирования в административной деятельности. Это создает сложности при установлении ответственности за вред, причиненный вследствие применения ИИ, особенно при смешанной архитектуре принятия решений (человек + алгоритм).

В-пятых, в целях обеспечения информационной безопасности необходимо решение вопроса установления возможных ограничений на использование ИИ зарубежного производства в государственном управлении либо процедурах допуска иностранных решений при отсутствии российских аналогов.

Обсуждение

Результаты исследования свидетельствуют о том, что правовое регулирование ИИ в государственном управлении на территории РФ и за рубежом находится на стадии становления и характеризуется высокой степенью неоднородности и противоречивости как на национальном, так и на международном уровне. Рассмотрим подробнее ключевые проблемы и дилеммы.

Представляется релевантным в первую очередь указать на противоречие между инновационным развитием и правовой определенностью. Технологическая трансформация требует гибкости правового регулирования, однако чрезмерно мягкие или рамочные подходы (например, рекомендательные модели в США) могут способствовать снижению правовых гарантий и росту произвольности административных решений.

Вместе с тем чрезмерно жесткие модели, как в Китае, могут привести к замедлению развития технологий ИИ в стране и сложностям при продвижении за рубеж решений, ориентированных только на внутренний рынок. Применение в государственном управлении ультратехнологичных инструментов, таких как нейротехнологии, создает повышенные риски для обеспечения прав граждан, поскольку правовые доктрины и законодательство не успевают за стремительным обновлением технологических реалий в управленческих процессах [6; 7].

Вместе с тем наблюдается несоответствие правовых конструкций классического административного права задачам цифровой трансформации. Идеи ИИ-управления противоречат устоявшимся принципам персональной ответственности должностного лица, публичности процедуры и равенства сторон. Автоматическое принятие решений затрудняет применение института административного обжалования, особенно если алгоритм признан коммерческой или государственной тайной. Таким образом, правовые нормы требуют адаптации, включая введение категорий «алгоритмическое управление», «технический администратор» и «экспертиза цифрового решения».

Кроме того, все более актуальной становится проблема международной гармонизации правовых подходов. Между ЕС, США, Китаем и Россией отсутствует согласованность в определениях и классификациях ИИ-систем. В ЕС классифицируют ИИ по уровню риска, в Китае — по степени влияния на общественное

мнение, в США — по типу технологии. Отсутствие единых понятий затрудняет международную координацию, особенно в сфере трансграничных государственных услуг, например при выдаче виз, проверке бэкграунда или признании цифровых подписей, сформированных с использованием ИИ.

Наконец, нельзя не учитывать и политико-правовые вызовы ответственности. Сложность в определении субъектов ответственности за административные решения, принятые ИИ, порождает новую форму правовой неопределенности. Например, если налоговая служба вынесла решение о блокировке счета на основании ИИ-анализа транзакций, возникает вопрос о том, кто несет ответственность: оператор алгоритма, государство, программист или конкретное должностное лицо. Подобные вопросы требуют выработки доктрины «распределенной административной ответственности» с возможностью многоуровневого контроля, а также закрепления в законодательстве соответствующей терминологии, позволяющей определить разработчика, владельца, оператора и пользователя ИИ, или системы, использующей ИИ.

Таким образом, правовые аспекты внедрения ИИ в государственное администрирование требуют переосмысления не только отдельных норм, но и фундаментальных юридических понятий, находящихся в основе публичного права, в том числе с учетом рекомендательных документов международных межправительственных организаций (например, Рекомендаций в сфере ИИ ЮНЕСКО [8]). Разработка юридических механизмов, способных обеспечить баланс между эффективностью алгоритмов и соблюдением конституционных прав, служит ключевым вызовом современной государственно-правовой мысли.

Выводы

Проведенное исследование подтверждает то, что правовые аспекты внедрения технологий ИИ в сферу государственного администрирования представляют собой сложный и многоуровневый феномен, включающий в себя как общие вопросы правового статуса алгоритмических решений, так и частные аспекты, связанные с процессуальными гарантиями, защитой прав граждан и институтами ответственности. По результатам анализа можно сформулировать ряд ключевых выводов.

Прежде всего очевидной становится необходимость системного подхода к регулированию ИИ в публичной власти. Юридическая практика большинства стран демонстрирует, что фрагментарные или односторонние регуляторные подходы (например, ориентированные только на технические стандарты или только на этику) не способны обеспечить комплексную правовую защиту при использовании ИИ в управлении. Особенно это проявляется в сферах предоставления государственных услуг, налогового контроля, социального обеспечения и правоприменительной деятельности, в которых решения, принимаемые ИИ, затрагивают права и свободы граждан.

Во-вторых, с незначительными оговорками, опыт РФ заслуживает положительной оценки (вопреки расхожей альтернативной оценке). Как показывает анализ нормативно-правовой базы и ситуации в целом, в течение последних лет в России наблюдается устойчивая тенденция к институционализации ИИ в публично-правовом пространстве, в сфере цифровой экономики на уровне малого и среднего бизнеса [9]. Так, с 2019 г. реализуется Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 г.; разработаны Концепция регулирования искусственного интеллекта и робототехники, Методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с госу-

дарственным участием¹, а также экспериментальные правовые режимы в ряде субъектов РФ. В частности, в Москве и Татарстане проводят апробацию систем алгоритмического управления при оказании муниципальных услуг с соблюдением норм о защите персональных данных и возможностью юридического пересмотра решений. Кроме того, значительная часть регулирования переведена на уровень «мягкого права» и технических стандартов, что обеспечивает возможность развития технологий ИИ в стране без избыточного законодательного регулирования.

Один из наиболее значимых выводов сводится к тому, что законодательный процесс в России демонстрирует открытость к экспертному диалогу. Так, проекты федеральных законов в контексте цифровизации административной деятельности в последние годы все чаще разрабатывают с учетом заключений ведущих научных центров и профессиональных объединений. Например, в рамках работы Комитета Государственной думы РФ по информационной политике, информационным технологиям и связи регулярно проходят экспертные обсуждения, включая представителей Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», РАНХиГС при Президенте РФ, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Это свидетельствует о стремлении законодателя учитывать и правовую, и прикладную логику цифрового управления.

Оценивая международный опыт, можно заключить, что он показывает высокую вариативность регуляторных моделей. AI Act в ЕС предлагает жесткий риск-ориентированный подход, вводящий сертификацию и прямые запреты, в то время как США предпочитают механизмы саморегулирования с опорой на *soft law*. Китай, напротив, демонстрирует централизованную модель с превалированием политико-административного контроля. В этом контексте российская модель развивается по пути «баланса»: с одной стороны, стимулируют внедрение ИИ в органы власти с учетом социально-экономических аспектов этого внедрения [10], с другой — вырабатывают меры правовой защиты, включая возможность обжалования решений и проведения технологической экспертизы.

По итогам проведенного анализа для обеспечения использования ИИ в государственном управлении в России можно указать ряд возможных направлений дальнейших действий:

- разработка стратегии использования ИИ в государственном управлении, которая определяла бы в том числе цели и задачи регулирования, а также описывала существующие вызовы и угрозы;

- в целях обеспечения информационной безопасности определение допустимых границ использования систем ИИ зарубежного производства в государственном управлении, с исключением возможности зависимости значимых административных процессов и решений от иностранных производителей. Одним из возможных решений также может стать создание реестра отечественных ИИ-систем, который может выступать критерием при проведении государственных закупок или отборе для получения государственных мер поддержки;

- принятие решений о закреплении законодательных норм в сфере ИИ преимущественно по итогам анализа практики их применения на базе экспериментальных правовых режимов и реализуемых в рамках этих режимов проектов;

---

¹ Методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием: утв. Минцифры России, с изм. на 12 января 2024 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/565890783?> (дата обращения: 26.05.2025).

— развитие государственных стандартов в сфере государственного и муниципального управления по аналогии с принятыми и действующими стандартами в сферах здравоохранения, образования, транспорта и ряде других отраслей. Несмотря на множество принятых государственных стандартов в вышеупомянутых областях (более 150 действующих ГОСТ¹, в том числе, например, об этических аспектах использования ИИ в здравоохранении), в сфере государственного управления такие документы отсутствуют. Росстандартом реализована Перспективная программа стандартизации по приоритетному направлению «Искусственный интеллект» на период 2021–2024 гг.², которая включала в себя такие стандарты, как «Системы на основе искусственного интеллекта в регистрации сделок с недвижимостью. Методы испытаний систем поддержки принятия решения государственного регистратора». Предусмотрено в дальнейшем дополнить программу стандартами по направлению «Технологии ИИ в государственных информационно-аналитических системах, системах мониторинга национальных программ и системах информационно-аналитического обеспечения ситуационных центров». Вместе с тем такие стандарты отсутствуют в перечне утвержденных.

В целом можно сделать обоснованный вывод о том, что Россия демонстрирует зрелый и конструктивный подход к решению правовых проблем, возникающих при внедрении ИИ в систему государственного администрирования. Федеральное правительство, национальные законодатели и экспертное сообщество работают в направлении формирования устойчивой, сбалансированной и ориентированной на защиту прав граждан модели цифрового публичного права. Подобный подход формирует не только внутренние институциональные гарантии, но и усиливает позиции России в международной правовой и технологической кооперации. Вместе с тем предлагаемые выше меры позволят повысить эффективность внедрения систем ИИ в государственном управлении РФ, а также урегулировать ряд нерешенных вопросов с учетом необходимости обеспечения информационной безопасности в органах власти.

Список источников

1. Local officials in China told to use DeepSeek AI to help them make decisions // South China Morning Post. February 20. 2025. URL: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3299343/local-officials-china-told-use-deepseek-ai-help-them-make-decisions> (дата обращения: 17.06.2025).
2. Репин Д. А., Игнатьев С. А. «Внедрять нельзя отказаться»: влияние этики на применение технологий искусственного интеллекта в управлении социально-экономическими процессами // Экономика и управление. 2024. Т. 30. № 12. С. 1503–1509. DOI: 10.35854/1998-1627-2024-12-1503-1509
3. Лебедев М. А., Репин Д. А., Тимофеева М. А. Перспективы применения нейроинтерфейсов и технологий расширенной реальности в государственном управлении // Экономика и управление. 2025. Т. 31. № 4. С. 467–474. DOI: 10.35854/1998-1627-2025-4-467-474

¹ Стандарты по направлению «Искусственный интеллект» // Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии: офиц. сайт. URL: <https://www.rst.gov.ru/portal/gost/home/standarts/aistandarts> (дата обращения: 17.06.2025).

² Перспективная программа стандартизации по приоритетному направлению «Искусственный интеллект» на период 2021–2024 гг.: утв. 22 декабря 2020 г. // Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии: офиц. сайт. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/28a4b183b4aee34051e85ddb3da87625/20201222.pdf> (дата обращения: 17.06.2025).

4. Федоров М. В., Репин Д. А., Игнатьев С. А. Технологии искусственного интеллекта в государственном управлении: разработка парадигмы разумного (само)ограничения // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 5. С. 46–53.
5. General data protection regulation (GDPR) / Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 // GDPR.EU. URL: <https://gdpr.eu/tag/gdpr/> (дата обращения: 09.05.2025).
6. Репин Д. А., Игнатьев С. А. Нейротехнологии в управленческой коммуникации (на примере нейроинтерфейсов) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2025. № 1. С. 84–90.
7. Репин Д. А., Клевцова О. Ю. Нейротехнологии в когнитивных системах и их влияние на трансформацию государственного управления // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 6. С. 28–34.
8. Recommendation on the ethics of artificial intelligence. Adopted on 23 November 2021. Paris: UNESCO, 2022. 44 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (дата обращения: 15.05.2025).
9. Брычев А. С. Государственное управление и искусственный интеллект: новые возможности для малого и среднего бизнеса // Вестник Евразийской науки: сетевое издание. 2024. Т. 16. № 5. URL: <https://esj.today/PDF/31FAVN524.pdf> (дата обращения: 21.05.2025).
10. Fedorov M. V. Socio-economic aspects of the introduction of artificial intelligence technologies // Journal of Digital Economy Research. 2023. Vol. 1. No. 1. P. 6–60. DOI: 10.24833/14511791-2023-1-6-60

References

1. Local officials in China told to use DeepSeek AI to help them make decisions. South China Morning Post. Feb. 20, 2025. URL: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3299343/local-officials-china-told-use-deepseek-ai-help-them-make-decisions> (accessed on 17.06.2025).
2. Repin D.A., Ignatyev S.A. “Implementation impossible to refuse”: The influence of ethics on using artificial intelligence in socio-economic management. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2024;30(12):1503-1509. (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2024-12-1503-1509
3. Lebedev M.A., Repin D.A., Timofeeva M.A. Prospects for the application of neurointerfaces and augmented reality technologies in public administration. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2025;31(4):467-474. (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2025-4-467-474
4. Fedorov M.V., Repin D.A., Ignatev S.A. The future of artificial intelligence in public administration: Finding the paradigm of the reasonable (self)limitation. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2024;(5):46-53. (In Russ.).
5. General data protection regulation (GDPR). Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016. GDPR.EU. URL: <https://gdpr.eu/tag/gdpr/> (accessed on 09.05.2025).
6. Repin D.A., Ignatev S.A. Neurotechnologies in managerial communication: The case of neurointerfaces. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2025;(1):84-90. (In Russ.).
7. Repin D.A., Klevtsova O.Yu. Neurotechnologies in cognitive systems and their impact on the transformation of public administration. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2024;(6):28-34. (In Russ.).
8. Recommendation on the ethics of artificial intelligence. Adopted on 23 November 2021. Paris: UNESCO; 2022. 44 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (accessed on 15.05.2025).
9. Brycheev A.S. Public administration and artificial intelligence: New opportunities for small and medium-sized businesses. *Vestnik evraziiskoi nauki = The Eurasian Scientific*

Journal. 2024;16(S5):31. URL: <https://esj.today/PDF/31FAVN524.pdf> (accessed on 21.05.2025). (In Russ.).

10. Fedorov M.V. Socio-economic aspects of the introduction of artificial intelligence technologies. *Journal of Digital Economy Research*. 2023;1(1):6-60. DOI: 10.24833/14511791-2023-1-6-60

Информация об авторах

А. В. Буньков — руководитель направления Автономной некоммерческой организации «Институт развития интернета», научный сотрудник Лаборатории обработки и передачи информации в когнитивных системах; 127051, Москва, Большой Каретный пер., д. 19, стр. 1;

Д. А. Репин — доктор социологических наук, доцент, руководитель Лаборатории обработки и передачи информации в когнитивных системах; 127051, Москва, Большой Каретный пер., д. 19, стр. 1;

П. Е. Щеголев — заместитель директора Департамента организации медицинской помощи и санаторно-курортного дела; 127994, ГСП-4, Москва, Рахмановский пер., д. 3.

Information about the authors

A. V. Bunkov — Head of Department of the Autonomous Non-Commercial Organization “Institute for Internet Development”, researcher of the Laboratory of Information Processing and Transmission in Cognitive Systems; 19 Bolshoy Karetny Ln., bldg. 1, Moscow 127051, Russia;

D. A. Repin — Doctor of Social Sciences, Associate Professor, head of the Laboratory of Information Processing and Transmission in Cognitive Systems; 19 Bolshoy Karetny Ln., bldg. 1, Moscow 127051, Russia;

P. E. Shchegolev — Deputy Director of the Department of Organization of Medical Care and Sanatorium and Resort Affairs; 3 Rakhmanovskiy Ln., GSP 4, Moscow 127994, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 25.06.2025; одобрена после рецензирования 10.07.2025; принята к публикации 25.09.2025.

The article was submitted 25.06.2025; approved after reviewing 10.07.2025; accepted for publication 25.09.2025.

Научная статья

УДК 351.74

DOI: 10.35854/2219-6242-2025-3-397-414

Об организационно-правовом и педагогическом анализе трудностей следственной деятельности

Игорь Николаевич Бобровничай^{1✉}, Марина Александровна Литвинова²

¹ Северный институт — филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Петрозаводск, Россия

² Следственное управление МВД по Республике Карелия, Петрозаводск, Россия

¹ bobrovnichyiu@mail.ru✉

² ja-marina1@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1049-0164>

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы кадрового обеспечения в правоохранительных органах. Основное внимание обращено на особенности и трудности профессиональной деятельности следователей органов внутренних дел. Проанализированы вопросы текучести, закрепляемости, профессиональной адаптации следователей. Определены внешние и внутренние факторы, влияющие на прохождение службы. Исследовано значение профессиональной удовлетворенности сотрудников как важнейшего показателя адаптации и закрепляемости в профессии. Показано значение организационно-правовых, личностных и социально-экономических факторов и условий прохождения службы. Раскрыта также роль организации руководства и наставничества в кадровом обеспечении. Определены приоритетные направления совершенствования условий профессиональной деятельности следователя.

Ключевые слова: служба в правоохранительных органах, следователь, органы предварительного следствия, следственная деятельность, следственные действия, кадровое обеспечение, адаптация, сроки профессиональной адаптации, закрепляемость кадров, текучесть кадров, трудности следственной деятельности, профессиональная удовлетворенность сотрудников, внешние и внутренние факторы удовлетворенности, мотивы профессиональной деятельности, профессиональный отбор, профессиональная подготовка

Для цитирования: Бобровничай И. Н., Литвинова М. А. Об организационно-правовом и педагогическом анализе трудностей следственной деятельности // Социология и право. 2025. Т. 17. № 3. С. 397–414. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-397-414>

Original article

The organizational, legal and pedagogical analysis of investigative activity difficulties

Igor N. Bobrovnichiy^{1✉}, Marina A. Litvinova²

¹ Northern Institute — a branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Petrozavodsk, Russia

² Organizational and Zonal Department of the Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of the Republik of Karelia, Petrozavodsk, Russia

¹ bobrovnichyiu@mail.ru✉

² ja-marina1@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1049-0164>

Abstract. The article discusses the issues of staffing support in law enforcement agencies. The main attention is paid to the features and difficulties of the professional activity of investigators of the internal affairs bodies. The article analyzes the issues of turnover, retention, and professional adaptation of investigators. External and internal factors influencing the service career are determined. The importance of professional satisfaction of employees as the most important indicator of adaptation and retention in the profession is studied. The work presents the significance of organizational, legal, personal and socio-economic factors and conditions of service. The role of the organization of management and mentoring in staffing support is also revealed. The article determines the priority areas for improving the conditions of professional activity of an investigator.

Keywords: service in law enforcement agencies, investigator, pretrial investigation agencies, investigative activity, investigative actions, staffing support, adaptation, professional adaptation terms, staff retention, staff turnover, difficulties in investigative activity, professional satisfaction of employees, external and internal factors of satisfaction, motives for professional activity, vocational selection, professional training

For citation: Bobrovnichiy I.N., Litvinova M.A. The organizational, legal and pedagogical analysis of investigative activity difficulties. *Sociology and Law*. 2025;17(3):397-414. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-397-414>

Введение

Борьба с преступностью, ее эффективность во многом обусловлены вопросами кадрового обеспечения. На важности и актуальности этих вопросов для органов внутренних дел (ОВД) неоднократно акцентировано внимание на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел (МВД) России [1, с. 12]. На заседании коллегии, состоявшемся в 2025 г., министр внутренних дел Российской Федерации (РФ) В. А. Колокольцев также сообщил об увеличении общего количества вакансий сотрудников, в частности должностей следователей [2, с. 10].

Об особом статусе следователя в сфере борьбы с преступностью и защиты государства размышляют многие ученые и практики. Исследованы функции следователя, профессиональные стандарты и следственная деятельность [3]. Данная профессия имеет специфику, которую необходимо учитывать в процессе организации службы сотрудников следствия и их закрепления в профессии.

Вопросы кадрового обеспечения ОВД ввиду их значимости и сложности исследуют в рамках различных научных отраслей. Развитие и совершенствование вопросов прохождения службы в правоохранительных органах требует понимания всех ее аспектов и движущих сил.

Материалы и методы

Указанные процессы имеют закономерности, которые представляют исследовательский интерес [4]. Результаты этих исследований помогут понять и стабилизировать кадровый состав, решить актуальные вопросы кадрового обеспечения.

Проблемы кадрового обеспечения ОВД чаще исследуют в правовом аспекте. Например, изучают вопросы правового статуса сотрудников, профессиональных стандартов, этики [5]. Анализ исследований показывает, что особенности прохождения службы среди молодых сотрудников полиции, их профессиональной деятельности изучают прежде всего с позиции определения ее стадий, механизмов и проявлений (функциональная, психологическая, социально-психологическая) [6].

Исследования вопросов адаптации и закрепляемости в профессии сотрудников ОВД свидетельствуют о том, что важнейшим показателем таких процессов явля-

ется «удовлетворенность». В целом проведенный нами анализ трудностей сотрудников ОВД позволяет выделить наиболее значимую удовлетворенность тремя основными направлениями: профессиональной деятельностью, положением в коллективе, устроенностью быта [7].

В целях определения личностного адаптационного потенциала, являющегося интегративным показателем и включающим в себя различные психологические качества, исследовано также состояние удовлетворенности содержанием и условиями труда сотрудников [8]. Для определения содержания и условий труда следователей нами проведено в 2024–2025 гг. исследование в следственных подразделениях органов внутренних дел МВД по Республике Карелия. В анкетировании приняли участие 34 сотрудника (20 женщин и 14 мужчин).

Средний возраст женщин составил 29 лет, средний стаж службы в ОВД — 8,1 лет. Средний возраст мужчин — 36 лет, средний стаж службы в ОВД — 12 лет. В анкете нами предложено 27 вопросов с вариантами ответов и возможностью указать свой вариант («другие», «иные»). Все вопросы связаны с определением наиболее значимых факторов и условий прохождения службы в следственных органах.

В настоящей статье основное внимание мы уделили анализу выявленных трудностей в содержании следственной деятельности и условиях службы.

Результаты и обсуждение

По итогам анализа следственной деятельности нами представлены сотрудникам на выбор (по рангам) чаще всего обсуждаемые трудности и особенности следственной деятельности. Результаты приведены в таблице 1.

В списке возможных трудностей мы попытались отразить уголовно-процессуальные, криминалистические, уголовно-правовые, организационные, социально-психологические и психофизиологические аспекты следственной деятельности.

Таблица 1

Трудности и особенности следственной деятельности
Table 1. Difficulties and features of investigative activity

Трудности	Ранги 1	Ранги 2	Ранги 3
Трудности, связанные с дефицитом времени	16 (47,06 %)	4 (11,76 %)	1 (2,94 %)
Трудности анализа большого объема поступающей информации	5 (14,71 %)		
Трудности в организации своей работы	4 (11,76 %)		1 (2,94 %)
Трудности в создании доверительных отношений с гражданами	3 (8,82 %)	3 (8,82 %)	
Трудности в составлении процессуальных документов	3 (8,82 %)	2 (5,88 %)	1 (2,94 %)
Трудности во взаимоотношениях с руководством подразделения	3 (8,82 %)	1 (2,94 %)	1 (2,94 %)
Трудности правовой регламентации расследования преступлений	2 (5,88 %)		1 (2,94 %)
Трудности, связанные с дефицитом информации	2 (5,88 %)	1 (2,94 %)	
Трудности в получении процессуальной информации	1 (2,94 %)	2 (5,88 %)	

Трудности	Ранги 1	Ранги 2	Ранги 3
Трудности выявления лжи	1 (2,94 %)		
Трудности в оказании управляющего воздействия на людей речью, мимикой, жестами	1 (2,94 %)		
Трудности, связанные с психофизиологическим истощением (усталостью)		6 (17,65 %)	
Трудности квалификации преступлений		1 (2,94 %)	
Трудности во взаимоотношениях с сотрудниками других служб ОВД		1 (2,94 %)	
Трудности в понимании норм права			2 (5,88 %)
Трудности проведения следственных действий			1 (2,94 %)
Трудности материально-технического обеспечения			1 (2,94 %)
Трудности, связанные с информационно-коммуникативной компетенцией			1 (2,94 %)
Трудности построения взаимоотношений с руководителями предприятий, организаций, учреждений			1 (2,94 %)
Трудности в выявлении и устранении причин и условий преступлений			1 (2,94 %)
Трудности построения взаимоотношений с коллегами	—	—	—
Трудности, связанные со сковыванием самостоятельности в работе	—	—	—
Трудности в пресечении конфликтов	—	—	—
Трудности владения своими эмоциями и поведением в напряженных ситуациях	—	—	—
Трудности в применении приемов эмоционального и логического воздействия на допрашиваемых лиц с целью получения от них правдивой информации	—	—	—
Трудности, связанные с противодействием криминальной среды	—	—	—
Трудности в изучении и понимании особенностей личности подозреваемых и обвиняемых	—	—	—
Трудности в изучении образа жизни и особенностей личности граждан, представляющих процессуальный интерес	—	—	—
Трудности в установлении психологического контакта в работе с ранее судимыми лицами	—	—	—
Иные	—	—	—

Источник: составлено И. Н. Бобровничим на основании полученных данных.

Итак, преобладают, судя по результатам исследования, трудности, связанные с дефицитом времени (47,06 %), анализом большого объема поступающей информации (14,71 %) и организацией своей работы (11,76 %). Иными словами, все они имеют преимущественно организационный характер. На эти трудности и особенности следственной деятельности оказывают влияние социальные, правовые и психологические факторы. Все они в более низкой степени, но указаны, если не в первую, то во вторую и в третью очередь. Особое внимание обратим на трудности, связанные с психофизиологическим истощением (усталостью), которые отнесены респондентами к рангам 2 (17,65 %). Видимо, эти трудности стали следствием воздействия организационных факторов.

Следственная деятельность в ее правовом и криминалистическом аспектах особых трудностей, как показало анкетирование, у сотрудников не вызывает. Тем не менее трудности в составлении процессуальных документов респонденты указали в рангах 1, 2 и 3 (всего 17,64 %). На трудности правовой регламентации расследования преступлений в рангах 1 и 3 обратили внимание 8,82 % респондентов, в получении процессуальной информации — в рангах 1 и 2 (тоже 8,82 %). Трудности проведения следственных действий отнесены к рангам 3.

Становится очевидным, что проведение следственных действий служит основой работы следователя. Но, вероятно, сотрудники в большей степени делают акцент на трудностях, которые влияют на проведение следственных действий, то есть на условия их проведения (дефицит времени, большой объем информации и др.).

В настоящем исследовании мы попытались уточнить, выполнение каких именно следственных действий вызывает трудности у сотрудников. Результаты отражены в таблице 2.

Таблица 2

Следственные действия, вызывающие трудности у сотрудников

Table 2. Investigative actions causing difficulties for employees

Следственные действия	Ранги 1	Ранги 2	Ранги 3
Следственный эксперимент	8 (23,53 %)	—	1 (2,94 %)
Предъявление для опознания	8 (23,53 %)	3 (8,82 %)	1 (2,94 %)
Осмотр (местности, жилища, иного помещения, предметов и документов)	7 (20,59 %)	—	—
Допрос	5 (14,71 %)	—	—
Обыск	4 (11,76 %)	3 (8,82 %)	—
Осмотр места происшествия	3 (8,82 %)	3 (8,82 %)	3 (8,82 %)
Очная ставка	1 (2,94 %)	5 (14,71 %)	2 (5,88 %)
Освидетельствование	1 (2,94 %)	2 (5,88 %)	—
Проверка показаний на месте	—	6 (17,65 %)	1 (2,94 %)
Выемка	—	1 (2,94 %)	—
Экспертиза	—	1 (2,94 %)	3 (8,82 %)
Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления	—	1 (2,94 %)	—
Назначение и производство судебной экспертизы	—	1 (2,94 %)	—

Следственные действия	Ранги 1	Ранги 2	Ранги 3
Получение образцов для сравнительного исследования	—	1 (2,94 %)	—
Контроль и запись переговоров	—	—	2 (5,88 %)
Осмотр трупа	—	—	1 (2,94 %)
Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами	—	—	—

Источник: составлено И. Н. Бобровничим на основании полученных данных.

Как показали результаты исследования, наибольшие трудности у следователей связаны с проведением следственного эксперимента (23,53 %), предъявления для опознания (23,53 %) и осмотра местности, жилища, иного помещения, предметов и документов (23,53 %). Эти трудности требуют изучения. Но нам представляется, что они связаны в основном с указанными ранее (таблица 1) трудностями организационного характера в следственной деятельности.

При проведении анкетирования нами предложено респондентам уточнить факторы, которые вызывают трудности при проведении следственных действий. Получены результаты, изложенные в таблице 3.

Таблица 3

Факторы, вызывающие трудности при проведении следственных действий

Table 3. Factors causing difficulties in conducting investigative actions

Факторы	Ранги 1	Ранги 2	Ранги 2
Организационные (организация своей работы и взаимодействия)	10 (29,41 %)	6 (17,65 %)	1 (2,94 %)
Правовые (недостаток юридических знаний)	9 (26,47 %)	1 (2,94 %)	3 (8,82 %)
Тактические (тактика следственных действий)	6 (17,65 %)	3 (8,82 %)	3 (8,82 %)
Криминалистическая техника	6 (17,65 %)	1 (2,94 %)	2 (5,88 %)
Криминалистическая методика	2 (5,88 %)	6 (17,65 %)	1 (2,94 %)
Психологические (барьеры, негативные эмоции, непонимание себя и других)	1 (2,94 %)	—	2 (5,88 %)
Коммуникативные (неконструктивное общение, конфликтность)	1 (2,94 %)	7 (20,59 %)	—
Социально-экономические (недостаток поддержки и ресурсов)	—	—	3 (8,82 %)
Этические	—	—	3 (8,82 %)
Педагогические (низкая обучаемость)	—	—	—
Иные	—	—	—

Источник: составлено И. Н. Бобровничим на основании полученных данных.

Как видно, результаты анкетирования подтверждают особое значение организационных факторов в структуре трудностей следственной деятельности. Прослеживается огромная роль правовых и тактических знаний, умений и навыков,

которые, на наш взгляд, взаимосвязаны с организационными вопросами в работе следователя.

В связи с этим нами в процессе исследования выявлены субъективно наиболее значимые для следователей знания. Результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4

Наиболее значимые для следователя знания
Table 4. The most significant knowledge for an investigator

Знания	Ранги 1	Ранги 2	Ранги 3
Юридические	34 (100 %)	—	—
Экономические	—	13 (38,24 %)	5 (14,71 %)
Психологические	—	8 (23,53 %)	2 (5,88 %)
Философские	—	5 (14,71 %)	3 (8,82 %)
Технические	—	1 (2,94 %)	—
Социологические	—	—	4 (11,76 %)
Другие	—	—	—

Источник: составлено И. Н. Бобровничим на основании полученных данных.

Очевиден тот факт, что представители юридической профессии ставят юридические знания на первое место по значимости. В целях понимания структуры важных для следственной деятельности юридических знаний мы определили наиболее значимые для анкетированных сотрудников юридические науки и отрасли права. Результаты приведены в таблицах 5 и 6 соответственно.

Таблица 5

Наиболее значимые для следователя юридические науки
Table 5. The most significant juridical sciences for an investigator

Юридические науки	Ранги 1	Ранги 2	Ранги 3
Криминалистика	27 (79,41 %)	—	—
Криминология	4 (11,76 %)	21 (61,76 %)	1 (2,94 %)
Юридическая психология	—	—	3 (8,82 %)
Профессиональная этика и служебный этикет юриста	—	—	2 (5,88 %)
Философия права	—	—	1 (2,94 %)
Основы управления в правоохранительных органах	—	—	1 (2,94 %)
Другие	—	—	—

Источник: составлено И. Н. Бобровничим на основании полученных данных.

Нами установлено, что наиболее субъективно значимые для следователя знания включают в себя такие науки, как криминалистика (79,41 %) и уголовное право (88,24 %). Вероятно, особая роль уголовного права для следователя обусловлена важностью квалификации преступления на этапе возбуждения уголовного дела и привлечения лица к уголовной ответственности.

Таблица 6

Наиболее значимые для следователя отрасли права
Table 6. The most significant branches of law for an investigator

Факторы	Ранги 1	Ранги 2	Ранги 3
Уголовное право	30 (88,24 %)	3 (8,82 %)	—
Уголовный процесс	3 (8,82 %)	30 (88,24 %)	1 (2,94 %)
Гражданское право	—	—	6 (17,65 %)
Административное право	—	—	1 (2,94 %)
Другие	—	—	—

Источник: составлено И. Н. Бобровничим на основании полученных данных.

Важность юридических знаний предсказуемо отнесена всеми респондентами к рангам 1. Но для нас интерес представляли и знания, которые указаны в рангах 2 и 3. Как следует из анкетирования (таблица 4), помимо юридических знаний, для следователей важны экономические, психологические и даже философские.

На наш взгляд, роль экономических знаний обусловлена прежде всего развитием рыночных отношений в обществе. Преступления в сфере экономики наиболее распространены (раздел VIII Уголовного кодекса (УК) РФ)¹. Как известно, почти половину зарегистрированных преступлений составляют хищения чужого имущества. Например, с января по май 2025 г. их доля составила 48,4 %². В этих условиях очевидным становится наличие в расследуемых преступлениях различных экономических аспектов.

В процессе исследования нами выявлено, что более 70 % анкетированных считают преступления в сфере экономической деятельности наиболее сложными для начинающих, порой даже опытных сотрудников, как показано в таблице 7. Отдельно респонденты выделили коррупционные преступления (эта категория преступлений относится также к преступлениям, совершенным в сфере экономики) и преступления, совершенные в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ).

Следователи чаще всего называют сложными при расследовании преступления против собственности, предусмотренные статьями 158, 159, 160, 162 УК РФ. Распространенными преступлениями против личности, которые представляют у начинающих следователей сложность в расследовании, анкетированные считают преступления, предусмотренные статьями 111, 117 и 119 УК РФ.

Кроме юридических и экономических знаний, респонденты указали на важность психологических и философских знаний. Это, на наш взгляд, определено прежде всего тем, что объектом познания и воздействия в профессии следователя выступает человек. Трудности в этих вопросах, по мнению респондентов, возникают, например, в создании доверительных отношений с гражданами, что отражено в таблице 8. Эти трудности 8,82 % респондентов поставили на первое место и столько же опрошенных — на второе. Безусловно, вопросы взаимодействия

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 24.06.2025) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/2f173b55819e4d8a638ed9a2ffa63ba12f0fd7a7/ (дата обращения: 10.07.2025).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — май 2025 года // МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/66517593/?ysclid=mfat6k507j256610712> (дата обращения: 10.07.2025).

Таблица 7

**Преступления, расследование которых вызывает наибольшую сложность
у начинающих следователей**

Table 7. Crimes which investigation causes the greatest difficulty for novice investigators

Преступления	Ранги 1	Ранги 2	Ранги 3
В сфере экономической деятельности (какие)	24 (70,59 %)	—	5 (14,7 %)
Против собственности (какие)	4 (11,76 %)	10 (29,41 %)	1 (2,94 %)
Против личности (какие)	6 (17,65 %)	1 (2,94 %)	2 (5,88 %)
Другие (какие)	Коррупционные преступления (2 ответа)	В сфере ИТТ (4 ответа)	—

Источник: составлено И. Н. Бобровничим на основании полученных данных.

лиц, участвующих в уголовном процессе, требуют от следователя глубоких познаний в области психологии и философии.

Практическая реализация знаний следователя, как показало анкетирование, тесно связана с умениями и навыками, необходимыми для успешной работы. Мы предложили следователям выбрать наиболее значимые умения и профессиональные навыки, которые нужно формировать у сотрудников для успешной работы. Результаты представлены в таблицах 8 и 9 соответственно.

Таблица 8

Умения, необходимые для успешной работы следователя

Table 8. Skills necessary for the successful work of an investigator

Умения	Ранги 1	Ранги 2	Ранги 3
Умение составлять процессуальные документы	16 (47,06 %)	4 (11,76 %)	—
Умение пресекать конфликты	8 (23,53 %)	1 (2,94 %)	3 (8,82 %)
Умение квалифицировать преступления	6 (17,65 %)	4 (11,76 %)	—
Умение использовать приемы анализа, синтеза, индукции, дедукции при изучении поступающей информации	3 (8,82 %)	9 (26,47 %)	—
Умение выдвигать следственные версии и планировать расследование	1 (2,94 %)	3 (8,82 %)	11 (32,35 %)
Умение проводить следственные действия	—	4 (11,76 %)	4 (11,76 %)
Умение устанавливать доверительные отношения с гражданами	—	2 (5,88 %)	—
Умение пользоваться криминалистической техникой	—	2 (5,88 %)	2 (5,88 %)
Умение строить отношения с сотрудниками взаимодействующих служб	—	2 (5,88 %)	1 (2,94 %)
Умение выбирать и применять психолого-педагогические приемы профессионального воздействия	—	1 (2,94%)	1 (2,94 %)

Умения	Ранги 1	Ранги 2	Ранги 3
Умение владеть своими эмоциями и контролировать свое поведение в напряженных ситуациях	—	—	5 (14,71 %)
Умение устанавливать психологический контакт с ранее судимыми лицами и другими гражданами в условиях затруднительного общения (в конфликтных ситуациях)	—	—	1 (2,94 %)
Умение оказывать на людей управляющее воздействие речью, жестами, мимикой	—	—	—
Умение слушать собеседника и вести дискуссию	—	—	—
Умение изобличать ложь	—	—	—
Иное	—	—	—

Источник: составлено И. Н. Бобровничим на основании полученных данных.

Таблица 9

Наиболее значимые для следователя профессиональные навыки

Table 9. The most significant professional skills for an investigator

Факторы	Ранги 1	Ранги 2	Ранги 3
Юридические (правовая компетентность)	33 (97,06 %)	—	—
Владение методами расследования	1 (2,94 %)	13 (38,24 %)	1 (2,94 %)
Организационные (самоорганизация и дисциплина)	—	6 (17,65 %)	3 (8,82 %)
Аналитические (интеллектуальные)	—	4 (11,76 %)	4 (11,76 %)
Психологические (саморегуляция, стрессоустойчивость)	—	2 (5,88 %)	3 (8,82 %)
Владение тактикой следственных действий	—	2 (5,88 %)	3 (8,82 %)
Владение криминалистической техникой	—	2 (5,88 %)	2 (5,88 %)
Информационно-коммуникативные навыки	—	1 (2,94 %)	1 (2,94 %)
Психолого-коммуникативные навыки (профессиональное общение)	—	—	1 (2,94 %)
Педагогические (обучаемость и самообразование)	—	—	—
Другие	—	—	—

Источник: составлено И. Н. Бобровничим на основании полученных данных.

Вполне ожидаемым является то, что в качестве наиболее значимых для следственной деятельности умений и навыков сотрудники назвали юридические (97,06 %), то есть связанные с правовой компетенцией следователя. Респонденты особое внимание обратили на умения составлять процессуальные документы (47,06 %), пресекать конфликты (23,53 %), квалифицировать преступления (17,65 %). К основным юридическим навыкам отнесли прежде всего владение

методами расследования (38,24 %, ранги 2) и организационные навыки (самоорганизация и дисциплина) — 17,65 %.

Определив наиболее значимые для следственной деятельности условия, умения и навыки, мы исследовали также факторы, влияющие на увольнение сотрудников. Эти факторы являются определяющими в вопросах организации закрепления следователей в коллективе и профессии в целом.

Чтобы понять природу преобладающих факторов увольнения, мы разделили их на две группы: субъективные и объективные. Это отражено в таблице 10.

Таблица 10

Основные факторы увольнения сотрудников следствия

Table 10. The main factors for dismissal of investigative employees

Факторы	Ранги 1	Ранги 2
Объективные	31 (91,18 %)	—
Субъективные	3 (8,82 %)	31 (91,18 %)
Другие (какие)	—	—

Источник: составлено И. Н. Бобровничим на основании полученных данных.

Итак, большинство респондентов считают, что факторы увольнения относятся к объективным условиям службы, не зависящим от личностных качеств сотрудников. Мы попытались раскрыть содержание этих факторов, приведенных в таблице 11.

Таблица 11

Основные объективные факторы, влияющие на увольнение сотрудников

Table 11. The main objective factors influencing the dismissal of employees

Факторы	Ранги 1	Ранги 2	Ранги 3
Денежное содержание	24 (70,59 %)	4 (11,76 %)	2 (5,88 %)
Материально-технические условия службы	8 (23,53 %)	—	—
Высокая нагрузка	3 (8,82 %)	8 (23,53 %)	9 (26,47 %)
Ненормированный режим работы	2 (5,88 %)	5 (14,71 %)	4 (11,76 %)
Социально-экономические условия	1 (2,94 %)	3 (8,82 %)	—
Бытовые условия	1 (2,94 %)	3 (8,82 %)	—
Социально-психологический климат коллектива	1 (2,94 %)	—	—
Географические и климатические условия	—	—	—
Другие (какие)	—	—	—

Источник: составлено И. Н. Бобровничим на основании полученных данных.

Главным объективным фактором, влияющим на увольнение, сотрудники указали денежное содержание.

Полученные данные, на наш взгляд, подтверждают слова министра внутренних дел России В. А. Колокольцева: «Остается серьезная проблема с неконкурентным уровнем денежного довольствия аттестованных сотрудников. По сравнению с 2012 годом его среднее значение увеличилось в 1,9 раза. Между тем

средняя заработная плата по экономике за тот же период возросла в три с лишним раза. Льготы для полицейских в ходе реформы были монетизированы и погружены в оплату труда. На сегодняшний день они полностью обесценились, а покупательная способность денежного довольствия сотрудников в среднем снизилась более чем в полтора раза. Без его существенного повышения положение дел не изменится» [2, с. 10].

Тем не менее проведенное нами исследование факторов, оказывающих влияние на успешность адаптации и закрепления на службе (таблица 1), показывает незначительное влияние заработной платы (2,94 %). Считаем, что на профессиональную адаптацию, связанную в основном с освоением содержания деятельности следователя, заработная плата не оказывает особого влияния.

Полагаем, что восприятие сотрудником денежного содержания, как и причин увольнения, требует учета субъективных факторов. Для понимания последних нами определены основные личностные качества и мотивы, влияющие на увольнение сотрудников. Результаты приведены в таблице 12.

Таблица 12

Личностные качества, влияющие на увольнение сотрудников
Table 12. Personal qualities influencing for dismissal of employees

Личностные качества	Ранги 1	Ранги 2	Ранги 3
Интеллектуальные способности (недостаточные)	9 (26,47 %)	3 (8,82 %)	—
Мотивация, интерес к профессии и людям (низкие)	8 (23,53 %)	5 (14,71 %)	5 (14,71 %)
Морально-волевые качества	8 (23,53 %)	—	—
Тревожность, мнительность	6 (17,65 %)	4 (11,76 %)	1 (2,94 %)
Безынициативность, лень	5 (14,71 %)	6 (17,65 %)	6 (17,65 %)
Низкая коммуникативная компетентность (понимание собеседника, профессиональное общение, эмпатия)	2 (5,88 %)	—	1 (2,94 %)
Недисциплинированность, безответственность,	—	3 (8,82 %)	1 (2,94 %)
Конфликтность	—	3 (8,82 %)	—
Низкая профессиональная компетенция (подготовка, грамотность)	—	3 (8,82 %)	—
Агрессия (высокая)	—	—	—
Другие (какие)	—	—	—

Источник: составлено И. Н. Бобровничим на основании полученных данных.

Как следует из таблицы 12, интеллектуальные способности являются ведущими личностными качествами сотрудника, влияющими на увольнение (недостаточный интеллект — 26,47 %). Подобное влияние на увольнение, по мнению респондентов, оказывают низкая мотивация сотрудников и недостаточный интерес к профессии и людям (23,53 %).

В связи с этим интерес вызвало мнение респондентов о главных мотивах увольнения сотрудников. Это отражено в таблице 13.

Таблица 13

Основные мотивы увольнения сотрудников
 Table 13. Main reasons for dismissal of employees

Мотивы	Ранги 1	Ранги 2	Ранги 3
Нашел лучший вариант работы с повышением	16 (47,06 %)	3 (8,82 %)	1 (2,94 %)
Высокая нагрузка	8 (23,53 %)	4 (11,76 %)	9 (26,47 %)
Предложили более высокую зарплату в другом месте	4 (11,76 %)	6 (17,65 %)	—
Ухудшение состояния здоровья	2 (5,88 %)	3 (8,82 %)	1 (2,94 %)
Изменение места жительства (переезд)	—	3 (8,82 %)	1 (2,94 %)
Сложная работа	2 (5,88 %)	6 (17,65 %)	1 (2,94 %)
Бесперспективная работа	2 (5,88 %)	1 (2,94 %)	2 (5,88 %)
Решил сменить обстановку	2 (5,88 %)	—	—
Неинтересная работа	—	1 (2,94 %)	—
Конфликт в коллективе	—	—	2 (5,88 %)
Опасная работа (высокая ответственность)	—	—	1 (2,94 %)
Любые семейные обстоятельства (бракосочетание, рождение ребенка, необходимость ухода за близкими)	—	—	—
Другие (какие)	—	—	—

Источник: составлено И. Н. Бобровничим на основании полученных данных.

Увольнение сотрудников в связи с переходом на более лучшую для них работу с повышением является преобладающим мотивом (47,06 %). Этот мотив, на наш взгляд, дополнен предложением о более высокой зарплате в другом месте (11,76 %). Распространенный мотив увольнения, связанный с высокой нагрузкой (23,53 %), видимо, также предполагает поиск лучших условий службы.

Получив результаты исследования условий службы сотрудников следствия и причин их увольнения, мы изучили мнения респондентов о мерах для совершенствования процесса профессиональной адаптации и закрепления сотрудников. Они находят отражение в таблице 14.

Таблица 14

Меры для совершенствования процесса профессиональной адаптации и закрепления сотрудников

Table 14. Measures for improving the process of professional adaptation and retention of employees

Меры	Ранги 1	Ранги 2	Ранги 3
Улучшить юридическую подготовку сотрудников	8 (23,53 %)	9 (26,47 %)	2 (5,88 %)
Разработать реальные, научно обоснованные критерии оценки работы	8 (23,53 %)	2 (5,88 %)	—
Изменить организацию управления службой в рамках следственных подразделений	7 (20,59 %)	1 (2,94 %)	—
Совершенствовать нормативную базу деятельности	6 (17,65 %)	1 (2,94 %)	—

Меры	Ранги 1	Ранги 2	Ранги 3
Усовершенствовать стимулирующую оплату труда сотрудников	4 (11,76 %)	10 (29,41 %)	2 (5,88 %)
Качественно проводить профессиональный отбор кандидатов при приеме на должность	1 (2,94 %)	2 (5,88 %)	5 (14,71 %)
Улучшить обеспечение транспортом и средствами связи	—	1 (2,94 %)	4 (11,76 %)
Улучшить психологическую подготовку сотрудников	—	1 (2,94 %)	—
Иные	—	—	—

Источник: составлено И. Н. Бобровничим на основании полученных данных.

Основная часть анкетированных считает, что для совершенствования процесса профессиональной адаптации и закрепления сотрудников на службе необходимо улучшить юридическую подготовку сотрудников (55,88 %).

Вторую значимую группу мер можно отнести к организационно-правовым. Они связаны прежде всего с разработкой научно обоснованных критериев оценки работы и совершенствованием организации управления службой. В целом для совершенствования подготовки сотрудников к работе респонденты определили представленные в таблице 15 меры.

Таблица 15

Меры для совершенствования подготовки сотрудников к работе

Table 15. Measures for improvement of training of employees for work

Меры	Ранги 1	Ранги 2	Ранги 3
Обеспечить совершенствование юридической подготовки	19 (55,88 %)	6 (17,65 %)	—
В учебных заведениях готовящих сотрудников, занятия вести не абстрактно, а с учетом специфики их деятельности	6 (17,65 %)	1 (2,94 %)	—
Обеспечить совершенствование криминалистической подготовки	3 (8,82 %)	4 (11,76 %)	1 (2,94 %)
Обеспечить совершенствование психолого-педагогической подготовки	3 (8,82 %)	—	—
Организовать для сотрудников консультации специалистов: юристов, криминалистов	2 (5,88 %)	4 (11,76 %)	2 (5,88 %)
Обеспечить совершенствование тактической и технической подготовки	1 (2,94 %)	7 (20,59 %)	—
Организовать для сотрудников консультации специалистов в сфере информационных технологий	—	3 (8,82 %)	—
Проводить больше занятий по психологии и педагогике	—	—	—
Организовать для сотрудников консультации специалистов: психологов и педагогов	—	—	—
Иные	—	—	—

Источник: составлено И. Н. Бобровничим на основании полученных данных.

Итак, в системе мер по совершенствованию подготовки сотрудников преобладает юридическая подготовка (55,88 %). Наряду с этим направлением, респонденты указывают на необходимость вести занятия в учебных заведениях не абстрактно, а с учетом специфики деятельности сотрудников (17,65 %).

Небольшая доля анкетированных сотрудников указывает на необходимость криминалистической и психолого-педагогической подготовки. Тем не менее о роли тактических (криминалистических и психологических) умений и навыков говорят результаты, представленные в таблице 16.

Таблица 16

**Навыки и умения, которым необходимо уделять особое внимание
при подготовке следователей**

Table 16. Skills and abilities that require special attention in the training of investigators

Навыки и умения	Ранги 1	Ранги 2	Ранги 3
В ходе обучения проводить больше практических занятий, при этом уделять особое внимание отработке навыков и умений по:			
— криминалистической тактике;	14 (41,18 %)		
— общению с различными категориями граждан;	8 (23,53 %)		
— криминалистической технике;	3 (8,82 %)	1 (2,94 %)	
— квалификации преступлений;	3 (8,82 %)	4 (11,76 %)	
— тренировке мышления, наблюдательности, памяти;	2 (5,88 %)	2 (5,88 %)	
— стрессоустойчивости (самообладания);	1 (2,94 %)		
— решению конфликтов;	1 (2,94 %)	8 (23,53 %)	
— криминалистической методике;	1 (2,94 %)		1 (2,94 %)
— управлению коллективом;		3 (8,82 %)	
— психологическому воздействию на собеседника		2 (5,88 %)	2 (5,88 %)
Иные			

Источник: составлено И. Н. Бобровничим на основании полученных данных.

Таким образом, основная часть респондентов указала на необходимость при подготовке следователей уделять особое внимание умениям и навыкам по криминалистической тактике (41,18 %) и общению с различными категориями граждан (23,53 %).

Вторая группа мер совершенствования процесса профессиональной адаптации и закрепления сотрудников на службе связана, как нами указано ранее, с организационно-правовыми задачами. Это отражено в таблице 17.

Выводы

Вышеизложенные меры требуют комплексного изучения. Разработка и реализация приоритетных направлений совершенствования процесса профессиональной адаптации и закрепления сотрудников следствия на службе предполагают изучение основных факторов и условий следственной деятельности. В настоящем исследовании нами определены наиболее значимые из них, по мнению респондентов —

Таблица 17

Организационно-правовые меры для совершенствования процесса профессиональной адаптации и закрепления сотрудников

Table 17. Organizational and legal measures for improving the process of professional adaptation and retention of employees

Меры	Ранги 1	Ранги 2	Ранги 3
Разработать реальные, научно обоснованные критерии оценки работы	8 (23,53 %)	2 (5,88 %)	—
Изменить организацию управления службой в рамках следственных подразделений	7 (20,59 %)	1 (2,94 %)	—
Совершенствовать нормативную базу деятельности	6 (17,65 %)	1 (2,94 %)	—
Усовершенствовать стимулирующую оплату труда сотрудников	4 (11,76 %)	10 (29,41 %)	2 (5,88 %)
Качественно проводить профессиональный отбор кандидатов при приеме на должность	1 (2,94 %)	2 (5,88 %)	5 (14,71 %)

Источник: составлено И. Н. Бобровничим на основании полученных данных.

сотрудников органов предварительного следствия в системе ОВД РФ. Представляется, что в дальнейшем изучение определенных нами факторов и условий, а также использование данных в организационной практике поможет реализовать главные направления по совершенствованию кадрового обеспечения следственной деятельности.

Список источников

1. Колокольцев В. В повестке дня — выполнение новых задач // Полиция России. 2023. № 4. С. 6–13.
2. Колокольцев В. Уровень защищенности граждан повысился // Полиция России. 2025. № 4. С. 5–11.
3. Сибилькова А. В. Профессиональный стандарт «следователь» — прикладное решение вопроса о функциях следователя // Судебная власть и уголовный процесс. 2023. № 1. С. 116–121.
4. Бобровничий И. Н. Пути совершенствования кадрового обеспечения в правоохранительных органах // Социология и право. 2024. Т. 16. № 1. С. 48–59. DOI: 10.35854/2219-6242-2024-1-48-59
5. Акулич А. А., Санталова М. М. Проблемы кадрового обеспечения органов внутренних дел // Молодежь и наука XXI века: актуальные теоретические исследования: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 23 мая 2024 г.). Пенза: Наука и Просвещение, 2024. С. 165–167.
6. Косовская Д. В., Шарафутдинов И. С., Жукова А. И., Авраменко О. В. Особенности адаптации молодых сотрудников полиции к профессиональной деятельности // Human Progress: сетевое издание. 2025. Т. 11. № 1. DOI: 10.46320/2073-4506-2025-1a-29
7. Бобровничий И. Н. Факторы профессиональной удовлетворенности сотрудников органов внутренних дел // Правовая безопасность: сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф., посвященной 110-й годовщине со дня рождения Ю. В. Андропова и 70-летию со дня образования КГБ при Совете Министров СССР. Петрозаводск: Северный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, 2024. С. 212–229.
8. Реуцкая И. Е. Особенности адаптации к профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел (на примере следователей органов внутренних дел) // Педагогика

и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 28 октября 2022 г.) / сост. А. Р. Шарипкулова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 241–244.

References

1. Kolokol'tsev V. New tasks are on the agenda. *Politsiya Rossii*. 2023;(4):6-13. (In Russ.).
2. Kolokol'tsev V. The level of protection of citizens has increased. *Politsiya Rossii*. 2025;(4):5-11. (In Russ.).
3. Sibilkova A.V. Professional standard “investigator” — an applied solution to the question of the functions of the investigator. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyi protsess = Judicial Authority and Criminal Process*. 2023;(1):116-121. (In Russ.).
4. Bobrovniy I.N. Ways to improve staffing in law enforcement agencies. *Sotsiologiya i pravo = Sociology and Law*. 2024;16(1):48-59. (In Russ.). DOI: 10.35854/2219-6242-2024-1-48-59
5. Akulich A.A., Santalova M.M. Problems of staffing of internal affairs agencies. In: Youth and science of the 21st century: Current theoretical research. Proc. 2nd Int. sci.-pract. conf. (Penza, May 23, 2024). Penza: Nauka i Prosveshchenie; 2024:165-167. (In Russ.).
6. Kosovskaya D.V., Sharafutdinov I.S., Zhukova A.I., Avramenko O.V. Features of adaptation of young police officers to professional activities. *Human Progress*. 2025;11(1):28. (In Russ.). DOI: 10.46320/2073-4506-2025-1a-29
7. Bobrovniy I.N. Factors of professional satisfaction of employees of internal affairs bodies. In: Legal security: Coll. pap. based on materials of the Int. sci. conf. dedicated to the 110th anniversary of the birth of Yu.V. Andropov and the 70th anniversary of the formation of the KGB under the Council of Ministers of the USSR. Petrozavodsk: Northern Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice; 2024:212-229. (In Russ.).
8. Reutskaya I.E. Features of adaptation to professional activities of employees of internal affairs bodies (on the example of investigators of internal affairs bodies). In: Sharipkulova A.R., comp. Pedagogy and psychology in the activities of law enforcement officers: Integration of theory and practice. Proc. Int. sci.-pract. conf. (St. Petersburg, October 28, 2022). St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2022:241-244. (In Russ.).

Информация об авторах

И. Н. Бобровнический — кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-экономических, гуманитарных и специальных дисциплин; 185005, Республика Карелия, Петрозаводск, Онежской флотилии ул., д. 51;

М. А. Литвинова — кандидат психологических наук, заместитель начальника организационно-зонального отдела Следственного управления МВД по Республике Карелия, подполковник юстиции; 185030, Республика Карелия, Петрозаводск, Александра Невского пр., 59.

Information about the authors

I. N. Bobrovniy — PhD in Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Socio-Economic, Humanitarian and Special Disciplines; 51 Onega flotilla St., Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185005, Russia;

M. A. Litvinova — PhD in Psychology, Deputy Head of the Organizational and Zonal Department of the Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Karelia; 59 Aleksandra Nevskogo Ave., Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185005, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 01.08.2025; одобрена после рецензирования 28.08.2025; принята к публикации 25.09.2025.

The article was submitted 01.08.2025; approved after reviewing 28.08.2025; accepted for publication 25.09.2025.

Научная статья

УДК 343.13

DOI: 10.35854/2219-6242-2025-3-415-421

Теоретические основания и процессуальные порядки усиления обвинения при производстве по уголовному делу

Арина Юрьевна Белоусова

Второй кассационный суд общей юрисдикции, Москва, Россия, arina.buzoeva@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные для уголовного процесса вопросы, связанные с необходимостью законодательного закрепления оснований и процессуального порядка изменения обвинения в направлении его усиления. Утверждается, что действующие нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) предусматривают обязательное оформление любых изменений обвинения в самостоятельном процессуальном акте, содержание которого должно быть своевременно доведено до сведения обвиняемого на этапе до завершения предварительного расследования. Автор предлагает разграничить два порядка изменения обвинения: упрощенный, не требующий повторного предъявления обвинения, и более сложный, предполагающий вынесение нового постановления и проведение предусмотренных процедур. Отдельное внимание уделено проблеме усиления обвинения на стадии судебного разбирательства. В этой связи предлагается идея о расширении полномочий государственного обвинителя. Прокурор при этом получает право заявить письменное ходатайство об изменении обвинения на более тяжкое в судебном заседании, а суд, не возвращая дела прокурору, объявляет перерыв для формулирования нового обвинения и предоставления стороне защиты времени на подготовку своей позиции. Основная цель исследования — определить основания и процессуальный порядок изменения обвинения на более тяжкое на стадии предварительного расследования и при рассмотрении дела судом, обеспечить обвиняемого правом на защиту, соблюсти процессуальные сроки, обеспечить состязательность сторон.

Ключевые слова: уголовный процесс, предварительное расследование, обвинение, прокурор, суд, изменение обвинения.

Для цитирования: Белоусова А. Ю. Теоретические основания и процессуальные порядки усиления обвинения при производстве по уголовному делу // Социология и право. 2025. Т. 17. № 3. С. 415–421. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-415-421>

Original article

Theoretical grounds and procedural arrangements for strengthening the accusation in criminal proceedings

Arina Yu. Belousova

Second Court of Cassation of General Jurisdiction, Moscow, Russia,
arina.buzoeva@mail.ru

Abstract. The article examines issues relevant to criminal proceedings, related to the need for legislative consolidation of the grounds and procedural arrangements for changing the charges towards their strengthening. It is argued that the current provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (CPC RF) provide for mandatory registration of any changes to the charges in an independent procedural act which content must be promptly communicated to the accused at the stage before the completion of the preliminary investigation.

The author proposes to distinguish between two procedures for changing the charges, namely a simplified one that does not require re-filing the charges, and a more complex one that involves issuing a new ruling and performing the envisaged procedures. Particular attention is paid to the problem of strengthening the accusation at the trial stage. In this regard, an idea is proposed to expand the powers of the public prosecutor. The prosecution attorney then receives the right to file a written motion to change the charges to graver ones during the court hearing, and the court, without returning the case to the prosecutor, announces a recess to formulate a new charge and give the defense time to prepare its position. The main objective of the study is to determine the grounds and procedural arrangements for changing the charges to graver ones at the preliminary investigation stage and during the consideration of the case by the court, as well as to ensure the accused the right to defense, to comply with procedural time limits, and to ensure the adversarial nature of the parties.

Keywords: criminal proceedings, preliminary investigation, accusation, prosecutor, court, change of charges

For citation: Belousova A.Yu. Theoretical grounds and procedural arrangements for strengthening the accusation in criminal proceedings. *Sociology and Law*. 2025; 17(3):415-421. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-415-421>

Введение

Важнейшей уголовно-процессуальной функцией является обвинение. Оно определяет направление и границы уголовного дела. В его содержание входят раскрытие преступления и изобличение лица, совершившего преступление, а также применение к нему мер наказания. Без обвинения не могут быть осуществлены остальные функции процесса, поскольку они возникают в связи с обвинением.

Как справедливо пишет В. Н. Исаенко, государственное обвинение — системообразующий элемент судебного разбирательства [1]. С опровержением обвинения или его подтверждением в ходе судебного разбирательства прекращается процессуальная деятельность всех участников процесса. В соответствии со ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) под обвинением понимается утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, которое выдвигается в установленном законом порядке [2]. В советской уголовно-процессуальной теории под обвинением понимали, во-первых, процессуальную деятельность уполномоченных законом органов или лиц, направленную на установление виновного лица и определение оснований, пределов уголовной ответственности; во-вторых, основанное на доказательствах утверждение о том, что данное лицо совершило преступление, и требование применения наказания. Обвинение состоит из совокупности фактов, которые устанавливаются при помощи доказательств и формируют по мере исследования дела. Однако этот круг фактов не является приблизительным, неопределенным и неизменным. По мере собирания доказательств, их оценки обвинение может быть изменено, расширено и сужено. М. С. Строгович утверждает, что определенность обвинения помогает успешно вести расследование, устанавливает, в каком направлении и по поводу каких фактов необходимо собирать и проверять доказательства [3].

Привлечение лица в качестве обвиняемого и предъявление ему обвинения не означает завершения процесса доказывания на стадии предварительного расследования. Данная процессуальная стадия лишь закрепляет определенный этап в развитии уголовного дела, но не исчерпывает задач органов расследования. После предъявления обвинения следственные органы продолжают осуществлять последовательное, объективное и всестороннее исследование фактических обстоя-

тельств, а также выявление и уточнение существенных признаков, входящих в предмет доказывания. Таким образом, предъявление обвинения представляет собой не итоговую точку, а переходный момент, после которого доказывание продолжается с целью установления истины по делу в максимально полном и достоверном виде.

В процессе последующего предварительного расследования возможно возникновение новых обстоятельств, способных существенно повлиять на ход и результаты уголовного дела. Указанное может быть выражено в появлении дополнительных доказательств, изменении оценки собранных материалов, уточнении или трансформации юридически значимых признаков установленных фактов, а также выявлении новых эпизодов преступной деятельности. В связи с этим принципиальное значение приобретают точное определение характера таких изменений и четкая дифференциация процессуального порядка их реализации. Последовательное разграничение процедурных механизмов позволяет обеспечить законность, объективность и системность расследования, способствует правильному применению норм материального и процессуального права.

Теория

Проблематика изменения обвинения в ходе предварительного расследования занимает важное место в теории и практике уголовного процесса, однако действующее уголовно-процессуальное законодательство регулирует ее далеко не исчерпывающим образом. Статья 175 УПК РФ закрепляет общий порядок: при наличии оснований для изменения предъявленного обвинения следователь обязан вынести новое постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого и вновь предъявить обвинение. Анализ положений упомянутой статьи свидетельствует о том, что необходимость изменения обвинения может возникать как в случае иной юридической квалификации содеянного, так и при существенной трансформации установленных фактических обстоятельств.

Вместе с тем в рамках действующей модели любое изменение обвинения, независимо от его характера и направленности, должно быть оформлено вынесением самостоятельного процессуального акта и последующим ознакомлением с ним обвиняемого. Изложенное предполагает повторное разъяснение прав, предоставление возможности для объяснений и проведения нового допроса. Такая процедура необходима в случаях, если речь идет об утяжелении обвинения или его принципиальной переквалификации, поскольку именно в этих ситуациях в наибольшей степени затрагиваются права обвиняемого и его возможность реализовать защиту.

Между тем возникает вопрос о рациональности применения настолько сложного механизма в ситуациях, если обвинение, напротив, смягчается: либо за счет сужения фактических обстоятельств, либо в результате квалификации деяния по норме, предусматривающей менее тяжкое наказание. Представляется обоснованным разграничить процессуальные режимы изменения обвинения. Так, для случаев утяжеления или существенной переквалификации оставить действующий порядок с повторным предъявлением обвинения, а для ситуаций смягчения предусмотреть более упрощенный механизм. Указанный механизм может заключаться в вынесении специального постановления об изменении обвинения с последующей обязательной передачей его копии обвиняемому в кратчайший срок.

Применение подобного подхода позволит, с одной стороны, обеспечить надежную реализацию права на защиту, с другой — повысить эффективность использования процессуальных ресурсов следственных органов, устранив избыточ-

ные формальные процедуры, если они не имеют решающего значения для интересов обвиняемого. Введение дифференцированного порядка изменения обвинения представляется разумным шагом в направлении оптимизации уголовно-процессуальной деятельности, не умаляющим гарантий прав личности.

Результаты и обсуждение

При установлении оснований для изменения обвинения в направлении его усиления нужно учитывать различные процессуальные ситуации, возникающие на стадии предварительного расследования. Одним из наиболее характерных вариантов выступает выявление новых обстоятельств, ранее не отраженных в материалах дела либо оставшихся вне внимания следственных органов. Речь идет о фактах или действиях, которые объективно входят в структуру сложного преступления и образуют его составные элементы.

Часто в практической деятельности органов предварительного расследования возникает необходимость уточнения предъявленного обвинения посредством его дополнения новыми существенными обстоятельствами. Речь идет о таких элементах преступного деяния, которые изначально отражены в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, но впоследствии потребовали более детального или расширенного закрепления в связи с их значимостью для правильной юридической оценки содеянного. Подобные дополнения позволяют обеспечить полноту и точность обвинения, создают более прочную основу для последующего судебного разбирательства, при котором всестороннее исследование всех обстоятельств преступления приобретает принципиальное значение.

В практике уголовного судопроизводства нередко возникают ситуации, в которых после предъявления обвинения следственные органы устанавливают факт совершения обвиняемым нового, однородного по своей природе преступного деяния. В подобных случаях обнаруженные обстоятельства позволяют квалифицировать действия лица не как изолированный эпизод противоправного поведения, а как проявление специальной повторности. Такая правовая оценка существенно влияет на степень общественной опасности содеянного, обуславливает необходимость изменения первоначального обвинения и может повлечь за собой применение более строгих норм уголовного закона. Следовательно, выявление однородного преступного деяния на стадии предварительного расследования служит самостоятельным и весомым основанием для усиления предъявленного обвинения.

Изменение предъявленного обвинения может быть вызвано установлением дополнительных фактических обстоятельств, имеющих непосредственное значение для содержания состава преступления. К числу таких обстоятельств относятся новые сведения о характере причиненного вреда, месте, времени либо способе совершения противоправного деяния, если они оказывают влияние на существенные признаки инкриминируемого деяния. В подобных ситуациях обвинение подлежит расширению, что влечет необходимость вынесения нового постановления о привлечении в качестве обвиняемого и последующего его повторного предъявления.

В ряде случаев, в ходе предварительного расследования, следователь выявляет мотив и цель преступного деяния, которые ранее не установлены, хотя объективно входят в конструкцию соответствующей уголовно-правовой нормы. Обнаружение таких обстоятельств придает обвинению дополнительное содержание, уточняя внутренние характеристики противоправного поведения и его социальную направленность. В этих условиях возникает необходимость включения в обвинение новых фактических данных, что влечет расширение объема инкриминируемых

признаков. При этом соблюдение принципа обеспечения права на защиту требует предоставления обвиняемому достаточного времени для ознакомления с обновленным обвинением и подготовки соответствующей позиции.

Таким образом, во всех случаях, если в ходе последующего предварительного расследования возникает необходимость либо дополнить обвинение новыми фактическими или юридическими обстоятельствами, либо заменить одни установленные факты другими, либо осуществить переквалификацию деяния на норму, предусматривающую более строгую санкцию или иные тяжкие правовые последствия, либо квалифицировать деяние, первоначально рассматривавшееся как единое преступление, по правилам идеальной совокупности преступлений, это неизбежно влечет усиление обвинения. Подобное изменение требует повторной формулировки обвинения с учетом внесенных коррективов и обязательного его предъявления обвиняемому в строгом соответствии с общим процессуальным порядком, установленным ст. 171 УПК РФ.

Наиболее сложным и дискуссионным в теории и практике уголовного процесса представляется вопрос о возможности изменения обвинения в направлении его усиления уже на стадии судебного разбирательства. В соответствии со ст. 252 УПК РФ подобные изменения допустимы лишь при условии, что они не ухудшают положения подсудимого и не ограничивают его права на защиту [2]. Однако с упразднением института возвращения уголовного дела судом на дополнительное расследование законодатель не предложил действенных процессуальных механизмов для устранения следственных ошибок, в том числе случаев необоснованного сужения объема обвинения или неправильной юридической квалификации содеянного.

В результате значительно обострилась проблема следственных ошибок и возможных злоупотреблений, связанных с формулировкой обвинения. В настоящее время предъявление более тяжкого обвинения в суде стало возможным исключительно посредством возвращения уголовного дела прокурору в порядке, установленном п. 1 ч. 12 ст. 237 УПК РФ. При этом в регулировании данного института прослеживаются непоследовательность и противоречивость процессуальных норм относительно оснований, и порядка возвращения дела прокурору. Более того, в судебной практике наблюдается устойчивая тенденция к возрождению элементов института судебного доследования.

Во-первых, в научной и практической плоскости требует детального анализа вопрос о допустимости корректировки предъявленного обвинения судом в направлении его усиления. Во-вторых, необходимо определить четкие основания и процессуальный порядок внесения подобных изменений на стадии судебного разбирательства. Как указано нами ранее в статье, в действующем законодательстве усиление обвинения становится возможным исключительно путем возвращения уголовного дела прокурору.

Но такой механизм далеко не всегда соответствует задачам уголовного судопроизводства. Он объективно препятствует рассмотрению дела в разумный срок, обуславливает необходимость повторного ознакомления обвиняемого с материалами дела, а также фактически откладывает восстановление нарушенных прав потерпевшего, прежде всего в аспекте возмещения причиненного вреда. Более того, инициатива суда по возвращению дела прокурору на доработку для усиления обвинения фактически влечет за собой выполнение им обвинительной функции, что противоречит принципу разделения процессуальных ролей и нейтральному положению суда в уголовном процессе.

Подобную позицию высказывает и С. В. Бурмагин, утверждая, что наделение суда полномочиями восполнять пробелы предварительного расследования, в том

числе посредством возвращения дела прокурору для изменения обвинения в направлении утяжеления, приводит к недопустимому смешению компетенций судебной власти и органов обвинения. Тем самым нарушается фундаментальный принцип разграничения процессуальных функций, что ставит под сомнение гарантии объективности и беспристрастности суда [4].

Основанием для усиления обвинения в суде следует признать необходимость дополнения новыми обстоятельствами, замену фактов, переквалификацию на более строгую норму или квалификацию по совокупности преступлений, если это ухудшает положение подсудимого. Процессуально это оформляется таким образом, что государственный обвинитель подал письменное ходатайство с новой формулировкой обвинения, прокурор разъясняет его обвиняемому. Затем судья либо удовлетворяет ходатайство и объявляет перерыв для подготовки защиты, либо отказывает и рассматривает дело в пределах прежнего обвинения.

Предложенные основания и порядок изменения обвинения в направлении его усиления обладают рядом очевидных преимуществ. Прежде всего государственный обвинитель получает возможность в полной мере реализовать право на свободную оценку доказательств, не будучи связанным выводами, содержащимися в обвинительном заключении. Как справедливо пишет П. А. Лупинская, заключение представляет собой лишь версию обвинения, подлежащую проверке в судебном разбирательстве, и эта версия может быть не единственной, которую обязан исследовать суд [5].

Кроме того, предложенный механизм способствует сокращению сроков рассмотрения дела, исключая необходимость возвращения его прокурору и проведения дополнительных следственных действий. Дело остается по-прежнему под контролем суда, изначально его рассматривающего, что обеспечивает процессуальную стабильность. Важен и тот факт, что суд не принимает на себя обвинительную функцию, а значит, сохранен принцип состязательности уголовного процесса и гарантирован баланс прав сторон.

Выводы

Из изложенного следует, что усиление обвинения допустимо как на стадии предварительного расследования, так и в ходе судебного разбирательства. На этапе предварительного расследования видится возможным применение двух вариантов: упрощенного, не требующего повторного предъявления обвинения, и более сложного, включающего в себя вынесение нового постановления, его предъявление и допрос обвиняемого в общем порядке.

Не менее значимой остается задача определения оснований и процессуального порядка усиления обвинения в суде. Внедрение процедуры изменения обвинения прокурором на более тяжкое в рамках судебного рассмотрения представляется наиболее оптимальным и эффективным решением. Вместе с тем предлагаемый процессуальный механизм требует дополнительного внимания со стороны законодателя, правоприменительной практики и научного сообщества.

Список источников

1. Исаенко В. Н. Цели, задачи, сущность государственного обвинения // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. № 6. С. 23–29.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 02.08.2019) // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/12125178/> (дата обращения: 19.08.2025).

3. *Строгович М. С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 384 с.
4. *Бурмагин С. В.* Разделение обвинительной и судебной властей в уголовном судопроизводстве России: от судебной реформы 1864 г. до наших дней // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 885–896.
5. *Лупинская П. А.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, Инфра-М, 2010. 238 с.

References

1. Isaenko V.N. Aims, tasks and essence of a state case. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*. 2010;(6):23-29. (In Russ.).
2. Criminal procedure code of the Russian Federation. Federal law of December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on August 2, 2019). Garant. ru. URL: <https://base.garant.ru/12125178/> (accessed on 19.08.2025). (In Russ.).
3. Strogovich M.S. Material truth and judicial evidence in Soviet criminal proceedings. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ.; 1955. 384 p. (In Russ.).
4. Burmagin S.V. Separation of prosecutor and judicial powers in criminal proceedings in Russia: From the judicial reform of 1864 to the present day. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2014;(5):885-896. (In Russ.).
5. Lupinskaya P.A. Decisions in criminal proceedings: Theory, legislation, practice. 2nd ed. Moscow: Norma, Infra-M; 2010. 238 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А. Ю. Белоусова — магистр права; помощник судьи Второго кассационного суда общей юрисдикции; 121357, Москва, Верейская ул., д. 29, стр. 1.

Information about the author

A. Yu. Belousova — Master of Law; Assistant Judge of the Second Court of Cassation of General Jurisdiction; 29 Vereyskaya St., bldg. 1, Moscow 121357, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 02.09.2025; одобрена после рецензирования 17.09.2025; принята к публикации 25.09.2025.

The article was submitted 02.09.2025; approved after reviewing 17.09.2025; accepted for publication 25.09.2025.

Научная статья

УДК 343.346

DOI: 10.35854/2219-6242-2025-3-422-429

Общественное мнение об административной ответственности за правонарушения, связанные с управлением транспортным средством в состоянии опьянения

Андрей Геннадьевич Гункин

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,

Санкт-Петербург, Россия, AGunkin2006@yandex.ru,

<https://orcid.org/0009-0008-5037-3944>

Аннотация. В статье раскрыта проблема административной ответственности за правонарушения, связанные с управлением транспортным средством в состоянии опьянения, через призму восприятия российским обществом. Проанализированы результаты социологического исследования общественного мнения. По итогам анализа автором предложено рассмотреть варианты внесения дополнений в действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), связанных с превентивными мерами по оснащению транспортных средств интеллектуальными системами контроля движения, то есть техническими блокираторами зажигания (алкозамками). Сделан вывод о необходимости развития правосознания, создания в обществе высокой административно-правовой культуры и применения достижений современных систем контроля (технических средств), фиксирующих нарушения Правил дорожного движения (ПДД) в автоматическом режиме.

Ключевые слова: юридическая ответственность, административная ответственность, меры профилактики, административные правонарушения, управление транспортным средством в состоянии опьянения, безопасность дорожного движения

Для цитирования: Гункин А. Г. Общественное мнение об административной ответственности за правонарушения, связанные с управлением транспортным средством в состоянии опьянения // Социология и право. 2025. Т. 17. № 3. С. 422–429. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-422-429>

Original article

Public opinion on administrative liability for offenses related to driving a vehicle in a state of intoxication

Andrei G. Gunkin

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia, AGunkin2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-5037-3944>

Abstract. The article reveals the problem of administrative liability for offenses related to driving a vehicle in a state of intoxication, through the prism of perception by Russian society. The results of a sociological study of public opinion are analyzed. Based on the analysis results, the author proposes the consideration of options for introducing additions to the current Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (CAO RF) related to preventive measures to equip vehicles with intelligent traffic control systems, that is, technical sparking interlocks (alcohol interlocks). A conclusion is made about the need to develop legal consciousness, create a high administrative and legal culture in society, and apply the achievements of modern control systems (technical means) that record automatically the violations of the Traffic Rules (TR).

© Гункин А. Г., 2025

Keywords: legal liability, administrative liability, preventive measures, administrative offenses, driving a vehicle in a state of intoxication, road safety

For citation: Gunkin A.G. Public opinion on administrative liability for offenses related to driving a vehicle in a state of intoxication. *Sociology and Law. 2025;17(3):422-429.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-422-429>

Введение

Каждый человек считает, что как личность он свободен в выборе действий (поступков) в соответствии с его собственными ценностями и идеалами. При этом разумно мыслящий субъект должен самостоятельно оценивать правовые, этические, нравственные, психологические и иные последствия поступков, то есть осознанно принимать ответственность за свое поведение. Человек посредством своего сознания воспринимает информацию о правовой действительности (интеллектуально, эмоционально-ценностно), осознанно, а не автоматически, действует в соответствии с нормами законодательства, формирует представления о праве. К тому же на каждого человека оказывают влияние внешняя среда, коллектив, общество в целом, формируя модель социального поведения и правовой менталитет личности. Очевиден тот факт, что идеи и концепты, национальная ментальность в российской правовой культуре формируют особенности восприятия. Несмотря на это взаимодействие, ряд граждан выражают безразличие к жизни и здоровью остальных членов социума, употребляя алкоголь за рулем. Возникает вопрос о том, каким образом в российском обществе воспринимают такое девиантное поведение и каким образом изменить меры административной ответственности.

Материалы и методы

В исследовании применены общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция и обобщение) и специальные (формально-юридический, методы юридического конструирования и технико-юридического анализа, сравнительный, системный и статистический) методы. Социологическое исследование выполнено на основе анализа опросов, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2012¹, 2013² и 2025³ гг. (опрошено 1 600 человек в 138 населенных пунктах 46 областей, краях и республиках России), и опроса экспертов в 2025 г. (опрошено всего 43 человека, в том числе адвокаты, сотрудники Госавтоинспекции МВД России, работники прокуратуры в Санкт-Петербурге и Ленинградской области)⁴.

Нормативной базой исследования послужило административное законодательство Российской Федерации (РФ). Работа основана, помимо действующего рос-

---

¹ Пьянство за рулем: как с ним бороться? // ВЦИОМ. 2012. 10 октября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pyanstvo-za-rulem-kak-s-nim-borotsya> (дата обращения: 10.04.2025).

² Возвращение 0,3 промилле: за и против // ВЦИОМ. 2013. 14 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vozvrashhenie-03-promille-za-i-protiv> (дата обращения: 10.04.2025).

³ Повышение штрафов за нарушение ПДД: за и против // ВЦИОМ. 2025. 29 января. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/povyshenie-shtrafov-zanarushenie-pdd-za-i-protiv> (дата обращения: 10.04.2025).

⁴ Экспертный опрос на тему эффективности юридической ответственности за управление ТС в состоянии опьянения в 2025 г. // Яндекс. Формы. URL: <https://forms.yandex.ru/admin/67ee9d6b5056901a44f92e6b> (дата обращения: 10.04.2025).

сийского законодательства, на научных публикациях, материалах административной и судебной практики, статистических сведениях в сфере безопасности дорожного движения, опросах.

Среди главных целей — меры по предупреждению административных правонарушений, совершаемых с участием водителей, употребляющих алкоголь за рулем.

Результаты

Результаты массовых опросов в России подтверждают негативное отношение к водителям, управляющим транспортными средствами (ТС) в состоянии опьянения. Для обеспечения безопасности общественных интересов от противоправного поведения предложено использовать, наряду с ужесточением наказания (речь идет об увеличении срока лишения права на управление ТС, размере административного штрафа и др.), меры профилактического воздействия. К ним отнесены, например, установка системы контроля движения (технического блокиратора зажигания, то есть алкозамка) на ТС, дифференциация ответственности в зависимости от степени опьянения, дополнение наказания административным арестом и/или обязательными работами.

Обсуждение

Управление автомобилем в состоянии опьянения — проблема, вызывающая тревогу у 97 % респондентов, принявших участие в массовом опросе. Из них часть опрошенных (74 %) считают проблему «очень серьезной», а остальные (23 %) — «довольно серьезной». В экспертном сообществе вопрос о восприятии девиантного поведения водителей в общем процентном соотношении по «тревожности» уступал массовому, но 57 % опрошенных полагают, что в обществе сложилось отрицательное отношение к вождению в нетрезвом виде. Это находит отражение в таблице 1.

Таблица 1

Мнение о вождении в нетрезвом виде

Table 1. Opinion on driving a vehicle in a state of intoxication

1.1. Какое отношение в российском обществе к водителям, управляющим ТС в состоянии опьянения? (экспертный опрос 2025 г.)	% от общего показателя	1.2. Насколько серьезной представляется проблема вождения в нетрезвом виде? (массовый опрос 2013 г.)	% от общего показателя
<i>А. Отрицательное</i>	57	<i>А. Серьезная</i>	74
<i>Б. Лояльное</i>	29	<i>Б. Довольно серьезная</i>	23
<i>В. Безразличное</i>	14	<i>В. Не очень серьезная / такой проблемы нет / затрудняюсь ответить</i>	3

Источник: Возвращение 0,3 промилле: за и против // ВЦИОМ. 2013. 14 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vozvrashhenie-03-promille-za-i-protiv> (дата обращения: 10.04.2025); Экспертный опрос на тему эффективности юридической ответственности за управление ТС в состоянии опьянения в 2025 г. // Яндекс. Формы. URL: <https://forms.yandex.ru/admin/67ee9d6b5056901a44f92e6b> (дата обращения: 10.04.2025).

В российском законодательстве за управление ТС водителем, находящимся в состоянии опьянения, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния, предусмотрено наступление административной ответственности в виде штрафа в размере 45 тыс. руб. с лишением права управления ТС на срок от полутора до двух лет (ч. 1. ст. 12.8 КоАП РФ)¹. Согласно экспертному опросу, 58 % респондентов считают, что нужно предусмотреть более суровые административные санкции. В массовых опросах 57 % респондентов положительно относятся к увеличению штрафов, 50 % утверждают, что по этой причине нарушений станет меньше, как следует из таблицы 2.

Таблица 2

Мнение об ужесточении санкций и их эффективности

Table 2. Opinion on tightening sanctions and their effectiveness

2.1. Как Вы относитесь к увеличению штрафов за нарушение правил дорожного движения? (массовый опрос 2025 г.)	% от общего показателя	2.2. Увеличение штрафов повлияет или не повлияет на безопасность дорожного движения? (массовый опрос 2025 г.)	% от общего показателя
А. Скорее положительно	57	А. Нарушений станет меньше	50
Б. Скорее отрицательно	27	Б. Ничего не изменится	44
В. Безразлично	14	В. Нарушений станет больше	4
Г. Затрудняюсь ответить	2	Г. Затрудняюсь ответить	2
2.3. Считаете ли применение административного наказания эффективной и целесообразной мерой для профилактики правонарушений, связанных с управлением ТС в состоянии опьянения? (экспертный опрос 2025 г.)			% от общего показателя
А. Нет, нужно предусмотреть более суровые административные санкции			58
Б. Да, все сбалансировано			42

Источник: Повышение штрафов за нарушение ПДД: за и против // ВЦИОМ. 2025. 29 января. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/povyshenie-shtrafov-za-narushenie-pdd-za-i-protiv> (дата обращения: 10.04.2025); Экспертный опрос на тему эффективности юридической ответственности за управление ТС в состоянии опьянения в 2025 г. // Яндекс. Формы. URL: <https://forms.yandex.ru/admin/67ee9d6b5056901a44f92e6b> (дата обращения: 10.04.2025).

Статистические данные за период с 2015 по 2024 г. показывают плавное снижение количества дорожно-транспортных происшествий (ДТП), погибших и раненых. При этом стоит обратить внимание на показатели ДТП с водителями, находящимися в алкогольном опьянении, которые соответствуют общему количеству погибших в ДТП, как видно на рисунке 1. Например, в 2023 г. удельный вес количества погибших составил 91,8 %, раненых — 92,3 % от общего количества погибших и раненых в происшествиях с участием водителей с признаками опьянения соответственно.

Ужесточение мер административной ответственности в сфере дорожного движения не приводит к ожидаемым результатам в виде снижения аварийности и смертности на дорогах. В. И. Майоров и О. Н. Дунаева пишут: «Административная деликтность с точки зрения состояния, динамики, причин возникновения

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 20.05.2025).

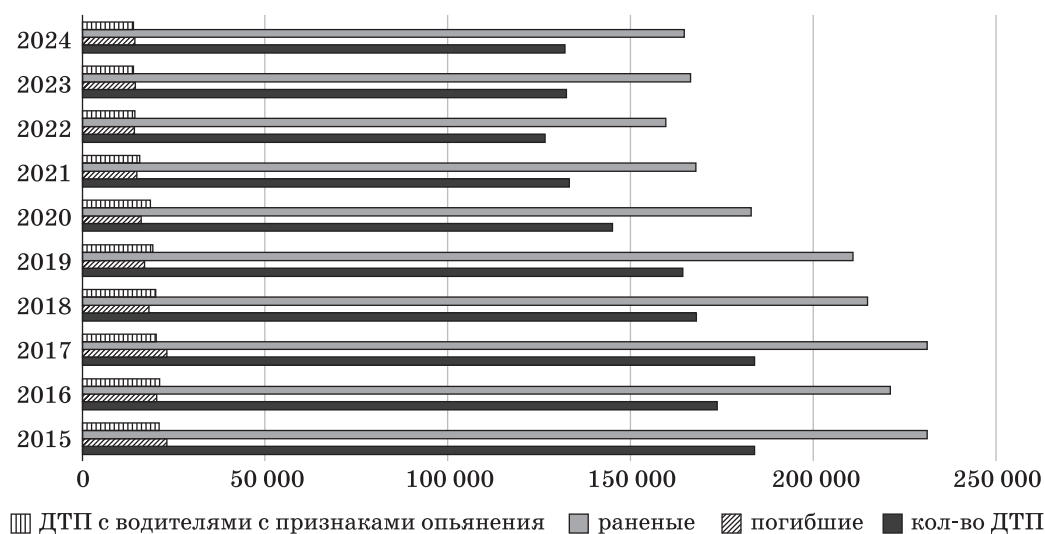

Рис. 1. Общее количество ДТП в России (с погибшими, ранеными) и ДТП с участием водителей, имеющих признаки опьянения, 2015–2024 гг.

Fig. 1. Total number of road traffic accidents in Russia (with fatalities, injuries) and road traffic accidents involving drivers showing signs of intoxication, 2015–2024

Источник: Показатели безопасности дорожного движения // Министерство внутренних дел РФ: офиц. сайт. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 20.04.2025).

требует постоянного мониторинга с целью поиска дополнительных способов оказания влияния на правосознание граждан, с целью профилактики, предупреждения правонарушений, а также поиска эффективных методов работы с рецидивной частью правонарушителей» [1].

Обеспечение безопасности дорожного движения имеет специфические особенности: значительное количество участников дорожного движения, использование ТС создают повышенную опасность для окружающих; управление водителем в состоянии опьянения объективно снижает безопасность; наблюдаются также высокая деликтность и латентность правонарушений (ученые считают, что в числе выявленных — не более 15–20 % совершенных нарушений).

Б. В. Россинский полагает, что использование только одного, хотя и ведущего принудительного метода воздействия, которое заключается в выявляемости правонарушений и неотвратимости административного наказания, как превентивная мера прекращения противоправного поведения и повторного нарушения ПДД, видится основной мерой воздействия на правонарушителей. Но для повышения эффективности работы в этом направлении требуется более активное применение и других мер [2].

В массовом опросе длительное лишение права на управление ТС предлагают 58 % респондентов, в экспертном опросе с увеличением срока согласны только 29 %; увеличение размера административного штрафа поддерживают 30 % и 17 % опрошенных соответственно; 26 % экспертов предлагают дополнить перечень наказаний административным арестом и/или обязательными работами. Респонденты, принявшие участие в массовом опросе, поддерживают оснащение автомобилей техническим блокиратором зажигания (алкозамком), а экспертное сообщество предлагает дифференциацию ответственности, как следует из таблицы 3.

Мнение о дополнительных мерах воздействия
Table 3. Opinion on additional measures of influence

4.1. Чем можно дополнить наказание за управление ТС в состоянии опьянения для эффективного применения на практике? (любое кол-во ответов). Экспертный опрос 2025 г.	% от общего показателя	4.2. Какие конкретно меры для борьбы с пьянством за рулем Вы бы поддержали? (любое кол-во ответов). Массовый опрос 2013 г.	% от общего показателя
А. Увеличить срок лишения права на управление ТС	29	А. Лишение прав на длительное время	58
Б. Дифференцировать ответственность в зависимости от степени опьянения	29	Б. Алкозамки, специальные технические приспособления, не позволяющие завести автомобиль при наличии алкоголя в выдыхаемом воздухе	40
В. Дополнить перечень наказаний административным арестом и/или обязательными работами	26	В. Конфискация автомобиля, временный запрет на владение автомобилем для тех, кто попался пьяным за рулем	35
Г. Увеличить размер административного штрафа	17	Г. Серьезное повышение штрафов (до 50–200 тыс. руб.) и введение уголовной ответственности за наличие в крови алкоголя 0,8 и более промилле	30

Источник: Возвращение 0,3 промилле: за и против // ВЦИОМ. 2013. 14 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vozvrashhenie-03-promille-za-i-protiv> (дата обращения: 10.04.2025); Экспертный опрос на тему эффективности юридической ответственности за управление ТС в состоянии опьянения в 2025 г. // Яндекс. Формы. URL: <https://forms.yandex.ru/admin/67ee9d6b5056901a44f92e6b> (дата обращения: 10.04.2025).

Выводы

С учетом результатов анализа социологических опросов можно утверждать, что российское общество нетерпимо относится к употреблению водителями алкоголя за рулем ТС, считает такие действия общественно опасными, но указывает на недостаточные меры административной ответственности за нарушения в области безопасности дорожного движения.

В России в целях создания безопасной транспортной среды путем снижения роли человеческого фактора и влияния ошибок, совершаемых водителями, разработана Концепция обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных ТС на автомобильных дорогах общего пользования¹. Автономные

¹ Об утверждении Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования: распоряжение Правительства РФ от 25 марта 2020 г. № 724-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003270016?ysclid=mer72bpmxj555151947> (дата обращения: 20.04.2025).

автомобили, управляемые искусственным интеллектом, способны значительно снизить количество ДТП, связанных с человеческим фактором, включая вождение в состоянии алкогольного опьянения. К сожалению, в настоящее время в России, как и в мире в целом, пока еще незначительно распространены беспилотные (автономные) ТС.

Среди приоритетных направлений правового регулирования цифровой трансформации, в которых осуществляется (или планируют осуществлять) делегирование функций системам искусственного интеллекта в России, указаны автоматизированный (беспилотный) транспорт и правоохранительная деятельность (в частности, распознавание лиц, назначение штрафов) [3]. Повысить безопасность дорожного движения возможно с помощью применения технологий, которые, используя данные с камер видеонаблюдения, могут определить, находится ли водитель за рулем в состоянии алкогольного опьянения или водитель трезв [4; 5].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для противодействия асоциальному поведению отдельных индивидуумов и профилактики правонарушений, связанных с управлением ТС в состоянии опьянения, необходимо развивать правосознание граждан, способствовать созданию в обществе высокой административно-правовой культуры, а также широко применять системы контроля (алкозамки), технологии, фиксирующие нарушения ПДД в автоматическом режиме, и видеоаналитику, с использованием сверхточных нейронных сетей.

Список источников

1. Майоров В. И., Дунаева О. Н. Эффективность норм административно-деликтного права в области безопасности дорожного движения (в контексте синтеза права, социологии и психологии) // Административное право и процесс. 2023. № 8. С. 24–29. DOI: 10.18572/2071-1166-2023-8-24-29
2. Россинский Б. В. Административные наказания в сфере дорожного движения и аварийность на автомобильном транспорте // Административное право и процесс. 2014. № 5. С. 8–17.
3. Приоритетные направления правового регулирования цифровой трансформации в Российской Федерации. Внедрение в нормотворчество системы оценки гуманитарного воздействия (2022–2025 годы): доклад к XXIII Ясинской (Апрельской) Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / М. В. Якушев (рук. авт. кол.), М. С. Журавлев, Р. С. Ибрагимов, А. В. Майоров. М.: ИД Высшей школы экономики, 2022. 67 с.
4. Keshtkaran E., von Berg B., Regan G., et al. Estimating blood alcohol level through facial features for driver impairment assessment // 2024 IEEE/CVF Winter conference on applications of computer vision (WACV). (Waikoloa, HI, January 03–08, 2024). New York, NY: IEEE, 2024. P. 4527–4536. DOI: 10.1109/WACV57701.2024.00448
5. Программный комплекс поддержки принятия решений для определения факта нарушения ПДД по траектории транспортного средства на видеоизображении / Р. Н. Минниханов, И. В. Аникин, М. В. Дагаева, П. А. Чернышевский, А. Р. Кадыров // Моделирование, оптимизация и информационные технологии: электрон. журнал. 2023. Т. 11. № 1. С. 6–7. DOI: 10.26102/2310-6018/2023.40.1.016

References

1. Mayorov V.I., Dunaeva O.N. Efficiency of provisions of administrative law and law of torts in the road traffic safety sphere (within the framework of synthesis of law, sociology and psychology). *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure*. 2023;(8):24-29. (In Russ.). DOI: 10.18572/2071-1166-2023-8-24-29

2. Rossinskij B.V. Administrative punishments in the sphere of road traffic and crash rate of automobile transport. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure*. 2014;(5):8-17. (In Russ.).
3. Yakushev M.V., Zhuravlev M.S., Ibragimov R.S., Maiorov A.V. Priority areas of legal regulation of digital transformation in the Russian Federation. Implementation of the humanitarian impact assessment system in rulemaking (2022-2025): Report to the 23rd Yasin (April) Int. sci. conf. on problems of economic and social development. Moscow: HSE Publ.; 2022. 67 p. (In Russ.).
4. Keshtkaran E., von Berg B., Regan G., et al. Estimating blood alcohol level through facial features for driver impairment assessment. In: 2024 IEEE/CVF Winter conference on applications of computer vision (WACV). (Waikoloa, HI, January 03-08, 2024). New York, NY: IEEE; 2024:4527-4536. DOI: 10.1109/WACV57701.2024.00448
5. Minnikhanov R.N., Anikin I.V., Dagaeva M.V., Chernyshevskij P.A., Kadyrov A.R. Decision support system for detecting traffic violations based on vehicle's trajectory. *Modelirovanie, optimizatsiya i informatsionnye tekhnologii = Modeling, Optimization and Information Technology*. 2023;11(1):6-7. (In Russ.). DOI: 10.26102/2310-6018/2023.40.1.016

Информация об авторе

А. Г. Гункин — аспирант; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the author

A. G. Gunkin — postgraduate student; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 28.04.2025; одобрена после рецензирования 14.05.2025; принята к публикации 25.09.2025.

The article was submitted 28.04.2025; approved after reviewing 14.05.2025; accepted for publication 25.09.2025.

Научная статья

УДК 342.7

DOI: 10.35854/2219-6242-2025-3-430-436

Понятие и назначение эстоппеля в российской правовой системе

Илья Зурабович Гурчиани

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,

Санкт-Петербург, Россия, gurchianiila@gmail.com,

<https://orcid.org/0009-0000-2564-6607>

Аннотация. В статье проведен анализ сущности и функций такого правового принципа в российской гражданско-правовой системе, как эстоппель. Раскрыты особенности его правовой природы и правоприменения в условиях отсутствия легального закрепления. Особое внимание уделено проблемным аспектам практического использования данного института в материальных и процессуальных отношениях. Рассмотрены доктринальные подходы, а также примеры применения принципа в судебной практике, в том числе в арбитражных делах. Обоснована необходимость нормативного закрепления эстоппеля как универсального принципа, направленного на обеспечение стабильности и добросовестности гражданского оборота.

Ключевые слова: эстоппель, последовательность поведения, юридическая добросовестность, защита ожиданий, гражданское право

Для цитирования: Гурчиани И. З. Понятие и назначение эстоппеля в российской правовой системе // Социология и право. 2025. Т. 17. № 3. С. 430–436. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-430-436>

Original article

The concept and purpose of estoppel in the Russian legal system

Iliia Z. Gurchiani

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg,

Russia, gurchianiila@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-2564-6607>

Abstract. The article analyzes the essence and functions of such a legal principle in the Russian civil law system as estoppel. The work reveals the aspects of its legal nature and law enforcement in the absence of legal consolidation. Particular attention is paid to the problematic aspects of the practical use of this institution in substantive and procedural relations. Doctrinal approaches are discussed, as well as examples of the principle application in judicial practice, including arbitration cases. The need for normative consolidation of estoppel as a universal principle aimed at ensuring the stability and good faith of civil circulation is substantiated.

Keywords: estoppel, consistency of behavior, legal good faith, protection of expectations, civil law

For citation: Gurchiani I.Z. The concept and purpose of estoppel in the Russian legal system. *Sociology and Law*. 2025;17(3):430-436. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-430-436>

Введение

Эстоппель является основополагающим принципом во многих правовых системах в мире. Однако его применение и определение могут варьироваться в зависимости от юрисдикции.

Во множестве современных правовых порядков доктрина эстоппеля занимает устойчивое положение как инструмент обеспечения правовой определенности. В англосаксонской традиции эта концепция реализуется через различные формы: от *promissory estoppel*, ограничивающего возможность отказаться от ранее данного обещания, до *proprietary estoppel*, регулирующего правоотношения в области собственности. В каждом случае речь идет о недопустимости изменения поведения сторон, если это нарушает доверие другой стороны, действовавшей в соответствии с ранее заявленной позицией.

В континентальных правовых системах, включая романо-германскую, эстоппель в его англоязычном понимании отсутствует как автономная доктрина. Однако его функциональные аналоги находят выражение через нормы, основанные на принципах добросовестности, правомерных ожиданий и запрета противоречивого поведения. Особенно распространен принцип *venire contra factum proprium*, воспрещающий лицу действовать вразрез с ранее совершенными действиями, вызвавшими у другой стороны разумное доверие.

С момента реформирования российского гражданского законодательства в 2013 г. указанные подходы получили отражение в нормах п. 5 ст. 166 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), в соответствии с которыми установлено ограничение на признание сделки недействительной, если поведение стороны противоречит ее ранее выраженной воле. Таким образом, российский эстоппель представляет собой синтез зарубежных идей и отечественной доктрины добросовестности, направленный на минимизацию злоупотреблений правом и стабилизацию гражданского оборота.

Существует множество научных взглядов на природу эстоппеля, отражающих его комплексный характер и ключевое значение для стабильности правоотношений. Российское законодательство до сих пор не закрепило легального определения данного принципа, что породило разнообразие в его интерпретации среди правоведов.

Методы

В настоящем исследовании применены как общенаучные, так и частноправовые методы анализа. Прежде всего использован сравнительно-правовой подход с учетом сопоставления англосаксонской, романо-германской и российской правовых традиций в области применения эстоппеля. Кроме того, применен доктринальный метод, основанный на изучении и интерпретации научных работ (К. А. Роора, В. А. Коротковой, М. З. Шварц, Г. Х. Низамовой и др.). Наконец, проанализированы материалы судебной практики, включая постановления Верховного Суда РФ, что позволяет выявить актуальные тенденции в правоприменении и сформулировать выводы на основе эмпирических данных.

Результаты

К. А. Роор рассматривает эстоппель как производное от принципа добросовестности, направленное на блокирование поведения, нарушающего сложившиеся у контрагента ожидания [1]. Согласно этой позиции, если лицо формирует

у партнера уверенность в определенной юридической ситуации, а впоследствии отказывается от нее, это нарушает целостность правоотношений и противоречит допустимым моделям поведения.

В. А. Короткова придает эстоппелю черты универсального ограничения: субъект, своими действиями сформировавший у другой стороны обоснованные представления о положении дел, теряет право на последующее отрицание этих обстоятельств [2]. Иными словами, принцип выступает инструментом реализации справедливости и поддержания стабильности правовых связей.

М. З. Шварц делает акцент на значении эстоппеля как института, пресекающего правовую непоследовательность [3]. Он полагает, что одна из важнейших функций рассматриваемой конструкции заключается в защите от правового манипулирования, при котором участник правоотношения изменяет свои позиции в ущерб другой стороне.

Противоположную, но дополняющую точку зрения высказывает Г. Х. Низмова, которая квалифицирует эстоппель как неформализованное средство, ограничивающее возможность ссылаться на недействительность договора при наличии предыдущих действий, убеждавших вторую сторону в существовании правовых обязательств [4]. Эстоппель, с ее точки зрения, — гарантия доверия между субъектами и механизм правовой предсказуемости.

Суммируя различные подходы, можно утверждать, что эстоппель представляет собой запрет на изменение позиции вопреки ранее заявленным действиям, когда такое поведение может быть признано недобросовестным. Это позволяет сохранить правовую определенность, стабильность делового оборота и соблюдение ожиданий участников гражданского оборота.

В российской юридической практике эстоппель постепенно становится важным механизмом обеспечения баланса интересов сторон как в договорных, так и в судебных отношениях. При всей неоднозначности доктринальных подходов его основная функция заключается в недопущении злоупотреблений, совершаемых посредством противоречивых действий.

На практике принцип реализуется как средство ограничения поведения субъекта, если его текущая позиция вступает в противоречие с ранее зафиксированными действиями или заявлениями. Примером может служить ситуация, при которой сторона соглашается на отступление от изначальных условий договора (в частности, подтверждает прием товара с задержкой), но позднее пытается взыскать неустойку за это нарушение. Эстоппель исключает такую возможность как недопустимую.

Еще один пример: если кредитор добровольно прощает часть задолженности и направляет заявление о прекращении исполнительного производства, он утрачивает право на повторное взыскание этой суммы, даже если пересмотр позиции теоретически возможен. Е. П. Новикова выделяет четыре ключевых условия, при которых допустимо применение эстоппеля:

- добровольность позиции — субъект выражает свою волю сознательно и в установленной форме;
- изменение позиции — речь идет об отказе от ранее принятой юридически значимой позиции;
- добросовестность контрагента — другая сторона должна обоснованно полагаться на ранее выраженную волю партнера;
- причинно-следственная связь с ущербом — поведение лица должно быть напрямую связано с наступлением неблагоприятных последствий у другой стороны [5].

В зависимости от контекста различают две основные разновидности эстоппеля: материальный, применяемый преимущественно в сфере договорных обязательств;

процессуальный, действующий в рамках судебного производства. Если первый ограничивает возможность пересмотра договорной позиции, то второй блокирует процессуальные манипуляции, такие как смена правовой позиции после вынесения решения судом первой инстанции.

В арбитражном процессе эстоппель выступает в роли барьера, предотвращающего манипулирование процессуальными правами и обеспечивающего стабильность судебного разбирательства. Его применение позволяет ограничить действия стороны, если последние вступают в противоречие с ранее выраженной правовой позицией в рамках дела.

К числу наиболее распространенных форм проявления процессуального эстоппеля можно отнести:

- запрет на повторное обращение в суд по таким же предмету и основаниям после состоявшегося рассмотрения;
- лишение права на обжалование судебного акта по вопросам подсудности или подведомственности, если соответствующие возражения не заявлены своевременно;
- ограничение на предъявление новых требований в апелляции, если дело рассмотрено по существу и в отношении изначально сформулированного иска и др.

Законодательное закрепление этого механизма прослеживается в нормах Арбитражного процессуального кодекса (АПК) РФ. Так, ч. 2 ст. 9 АПК РФ закрепляет обязанность сторон нести последствия собственных процессуальных действий. Статья 41 АПК РФ обязывает участников действовать добросовестно, а статья 65 АПК РФ предусматривает предварительное раскрытие доказательств и правовой позиции в адрес другой стороны.

Так, Верховный Суд РФ в кассационном порядке рассматривал жалобу садоводческого товарищества на решения нижестоящих судов относительно размещения опор линий электропередачи: суды первой и апелляционной инстанций вынесли решение в пользу ответчика, указав, что опоры были установлены законно и не создавали существенных препятствий для использования товариществом земли. Согласно определению Верховного Суда РФ от 25 мая 2023 г. № 301-ЭС23-7587 кассационная жалоба отклонена, а решение судов низшей инстанции осталось в силе на том основании, что представленные истцом доводы не доказывали существенных нарушений норм материального или процессуального права судами низшей инстанции. В данном случае Верховным Судом РФ применен такой принцип, как эстоппель, поскольку товарищество не представило доказательств наличия препятствий для землепользования, вызванных действиями ответчика, но имело возможность представить данные доказательства или аргументы в процессе разбирательства в судах первой и апелляционной инстанций¹.

Материальный эстоппель, напротив, предполагает лишение стороны права возражать в связи с ранее принятым обязательством, что требует недвусмысленности поведения в таких обязательствах. Например, если владелец земельного участка воздерживается от оспаривания строительства на своей территории садовой постройки владельцем соседнего земельного участка, то может последовать признание права собственности на возведенное сооружение.

---

¹ Определение Верховного Суда РФ от 25 мая 2023 г. № 301-ЭС23-7587 по делу № А82-2742/2021 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25052023-n-301-es23-7587-po-delu-n-a82-27422021/?ysclid=mel58f7slq760502979> (дата обращения: 15.04.2025).

В нормах ГК РФ эстоппель проявляется в следующих случаях:

- п. 3 ст. 1 ГК РФ закрепляет обязанность участников гражданского оборота действовать добросовестно, что фактически исключает возможность произвольного изменения ранее заявленной позиции;
- п. 1 ст. 10 ГК РФ вводит общий запрет на злоупотребление правом, что служит основанием для блокировки противоправного поведения, даже формально соответствующего закону;
- п. 5 ст. 166 ГК РФ содержит прямое указание на ограничение возможности признания сделки недействительной в случаях, если лицо ведет себя непоследовательно или недобросовестно, подрывая правовую стабильность;
- п. 3 ст. 432 ГК РФ запрещает ссылаться на незаключенность договора при наличии факта его исполнения, исключая тем самым отступление от ранее признанного обязательства;
- п. 5 ст. 450.1 ГК РФ допускает сохранение действия договора даже при наличии оснований для его расторжения, если сторона, осознавая это, продолжает исполнять договор, тем самым подтверждая его действительность.

Совокупно эти нормы формируют внутреннюю логику эстоппеля в российской системе: если лицо сознательно и недвусмысленно действовало в определенном направлении, оно утрачивает право изменить позицию, если это причиняет вред или разочаровывает ожидания контрагента.

Эстоппель часто используют в договорном праве, при этом он может мешать стороне отрицать существование договора или утверждать, что определенные условия договора недействительны, если ранее они действовали так, как если бы договор был действительным. По мнению Г. Х. Низамовой, основной целью эстоппеля в гражданском праве является защита разумных ожиданий добросовестного контрагента, который полагался на очевидную готовность сторон выполнить условия договора и подтвердить его действительность [4].

Судебная практика подтверждает данную точку зрения. Так, согласно факту одного из дел, между Ю. А. Сарычевой (истец) и В. С. Самсоновым (ответчик) был заключен предварительный договор купли-продажи доли в уставном капитале общества, который предусматривал заключение в будущем договора купли-продажи части акций в установленные сроки. На заключение предварительного договора купли-продажи ответчиком получено нотариально заверенное согласие его жены (С. В. Самсоновой). Несмотря на неоднократные просьбы истца к ответчику заключить основной договор на основании предварительного соглашения, последний не выполнил данного обязательства, тогда как нотариально заверенное согласие С. В. Самсоновой на продажу любой части 50 %-й доли или всей доли в уставном капитале компании отозвано. Истец полагала, что отзыв согласия С. В. Самсоновой следует признать недействительным, поскольку это произошло после истечения срока, предусмотренного предварительным соглашением об исполнении основного контракта, и после обращения истца в суд, чтобы принудить ответчика к исполнению основного договора. Более того, в кассационной жалобе истец утверждала, что суды первой и апелляционной инстанций не был учтен такой принцип, как эстоппель, который не позволяет стороне отказаться от согласия на сделку, если отказ противоречит ее предыдущему поведению и наносит ущерб другой стороне. Верховный Суд РФ в кассационном порядке признал обоснованными доводы Ю. А. Сарычевой о существенном нарушении норм материального пра-

---

ва судами первой и апелляционной инстанций, что обусловило необходимость пересмотра дела¹.

Обсуждение

Эстоппель выполняет решающую роль в обеспечении предсказуемости и справедливости в гражданском судопроизводстве, гарантируя, что стороны действуют добросовестно. Однако его применение в отношении недействительных сделок может быть спорным, поскольку суды рассматривают такие факторы сначала как нарушение общественных интересов, прежде чем применять эстоппель.

Таким образом, эстоппель как принцип, означающий лишение кого-либо права возражать из-за недобросовестных действий, представляет собой относительно новую концепцию в российской юридической практике. Несмотря на сравнительно недавнее внедрение в российскую правовую систему, эстоппель все чаще используют в правоприменительной практике в качестве механизма защиты участников гражданско-правовых сделок от злоупотребления правом, имея при этом значительные перспективы в содействии разрешению различных споров.

В настоящее время отсутствие законодательного закрепления дефиниции такого принципа, как эстоппель, в качестве универсального правила приводит к тому, что его применение нередко противоречиво. Это требует не только совершенствования законодательной базы, но и разработки доктринальных концептуальных основ с учетом особенностей применения эстоппеля в рамках материального и процессуального права.

Судебная система находится на начальных этапах интеграции принципа эстоппеля в механизмы разрешения споров. Между тем развивающаяся правоприменительная практика постепенно обогащается примерами использования рассматриваемого нами принципа. Закрепление в законе эстоппеля как универсального правила обеспечит стабильность судебного процесса при одновременном соблюдении принципов добросовестности и пресечении процессуальных нарушений. Данная согласованная приверженность этическому поведению укрепит судебный процесс, создавая условия, способствующие справедливому разрешению споров, и гарантируя целостность судебного разбирательства.

Вывод

Таким образом, эстоппель в российском законодательстве направлен на то, чтобы помешать участникам гражданских отношений изменять свое поведение с целью получения несправедливого преимущества. ГК РФ предусматривает механизмы защиты интересов потерпевшей стороны посредством применения такого правового принципа, как эстоппель.

Список источников

1. *Роор К. А.* Понятие и сущность эстоппеля // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7. С. 71–81. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.92.7.071-081

---

¹ Определение Верховного Суда РФ от 7 июля 2022 г. № 307-ЭС22-6562 по делу № А26-7222/2020 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=719719#1E8IUuUstbUe9FfL2> (дата обращения: 15.04.2025).

-
2. Короткова В. А. Эстоппель в гражданском праве // Опыты цивилистического исследования: сб. ст. / отв. ред. А. М. Ширвиндт, Н. Б. Щербаков. Вып. 2. М.: Статут, 2018. С. 231–312.
  3. Шварц М. З. Некоторые размышления над институтом эстоппель // Арбитражные споры. 2016. № 1. С. 95–99.
  4. Низамова Г. Х. Доктрина непротиворечивого поведения (эстоппель) как правовое средство консолидации оспоримой сделки // Власть Закона. 2017. № 3. С. 217–223.
  5. Новикова Е. П. Принцип «эстоппель» в российском праве: понятие, особенности использования в правоприменительной практике // Правовое регулирование экономической деятельности. 2022. № 1. С. 45–51.

References

1. Roor K.A. The concept and essence of estoppel. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2018;(7):71-81. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2018.92.7.071-081
2. Korotkova V.A. Estoppel in civil law. In: Shirvindt A.M., Shcherbakov N.B., eds. Experience of civilistic research: Coll. pap. Iss. 2. Moscow: Statut; 2018:231-312. (In Russ.).
3. Shvarts M.Z. Some reflections on the institution of estoppel. *Arbitrazhnye spory*. 2016;(1): 95-99. (In Russ.).
4. Nizamova G.Kh. The doctrine of consistent conduct (estoppel) as a legal means of consolidating a voidable transaction. *Vlast' Zakona = The Power of Law*. 2017;(3):217-223. (In Russ.).
5. Novikova E.P. the principle of “estoppel” in Russian law: The concept, features of application in law enforcement practice. *Pravovoe regulirovanie ekonomicheskoi deyatel'nosti*. 2022;(1):45-51. (In Russ.).

Информация об авторе

И. З. Гурчiani — аспирант; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the author

I. Z. Gurchiani — postgraduate student; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 15.05.2025; одобрена после рецензирования 11.06.2025; принята к публикации 25.09.2025.

The article was submitted 15.05.2025; approved after reviewing 11.06.2025; accepted for publication 25.09.2025.

Научная статья

УДК 34.096

DOI: 10.35854/2219-6242-2025-3-437-446

Искусственный интеллект как субъект права в контексте теории антропоцентризма

Дмитрий Максимович Гущин

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия, dima.g.abakan@mail.ru

Аннотация. Автором проанализированы различные взгляды на искусственный интеллект как субъект права. Рассмотрены вопросы его изначальной природы, изучена логика перехода субъекта права из субъекта познания. Далее, на основе опыта наделения нечеловеческих сущностей статусом субъекта права, исследована целесообразность присвоения искусственному интеллекту соответствующего статуса. В заключение сделаны выводы о преждевременности и рисках наделения искусственного интеллекта таким статусом на современном этапе развития общественных отношений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, субъект права, субъект познания, производный субъект права

Для цитирования: Гущин Д. М. Искусственный интеллект как субъект права в контексте теории антропоцентризма // Социология и право. 2025. Т. 17. № 3. С. 437–446. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-437-446>

Original article

Artificial intelligence as a subject of law in the context of the theory of anthropocentrism

Dmitry M. Gushchin

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg,
Russia, dima.g.abakan@mail.ru

Abstract. The author analyzed various views on artificial intelligence as a subject of law. The issues of its original nature are discussed, and the logic of the transition of the subject of law from the subject of cognition is analyzed. Further, based on the experience of endowing non-human entities with the status of a subject of law, the feasibility of assigning the corresponding status to artificial intelligence is studied. Ultimately, conclusions are made about the prematurity and risks of endowing artificial intelligence with such a status at the current stage of development of social relations.

Keywords: artificial intelligence, subject of law, subject of cognition, derivative subject of law

For citation: Gushchin D.M. Artificial intelligence as a subject of law in the context of the theory of anthropocentrism. 2025;17(3):437-446. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-437-446>

Введение

В течение последних лет развитие искусственного интеллекта (ИИ) стало началом новой тенденции. В 2016–2017 гг. AlphaGo, разработанный DeepMind, последовательно победил китайских и южнокорейских мастеров игры в го при проведении человеко-машинного соревнования, тем самым миру продемонстрирована сила ИИ. В настоящее время ИИ широко и глубоко внедряется в повседневную жизнь, постепенно изменяя структуру социальных отношений и способы взаимодействия ее элементов, становится движущей силой промышленной и социальной революции. Например, на Уолл-стрит, в Нью-Йорке, широко используют ИИ в финансовой сфере. Его называют интеллектуальным инвестиционным консультантом, который может подписывать контракты и самостоятельно вести торговлю акциями. Эти изменения привнесли новые проблемы в действующую правовую систему.

Первая существенная проблема — нарушение исключительных авторских прав. Например, в 2018 г. продукт Microsoft на основе ИИ Xiaoice смог писать черновики стихотворений разной длины одновременно. Хотя алгоритм и программа написаны и настроены человеком, последний не принимал активного участия в самой важной части создания объекта авторских прав.

Вторая значимая проблема — определение юридической ответственности. Например, при управлении беспилотным транспортным средством, основанным на ИИ, статус субъекта управления транспортным средством переходит от водителя к системе ИИ. Если произойдет технический сбой, который приведет к авариям, будет сложно применять существующую систему Правил дорожного движения. Некоторые проблемы могут быть решены путем корректировки действующих законов. Тем не менее ключевым остается вопрос о том, можно ли ИИ теоретически считать субъектом права.

Теория

Различные взгляды на искусственный интеллект как на субъект права

В настоящее время в большей части исследований, посвященных юридическому статусу ИИ, изучены концепции ИИ с разных сторон. Суть основных позиций выражена в том, что ИИ служит объектом права, субъектом права либо занимает некое промежуточное положение.

Мнения о правовом статусе ИИ обычно делят на следующие категории. Во-первых, согласно негативной теории, ИИ служит лишь объектом правовых отношений и не должен иметь статуса субъекта права. Вторая — позитивная теория — гласит о том, что ИИ должен обладать статусом, аналогичным статусу юридического субъекта, включая теорию агентуры, теорию фиктивной личности, теорию электронной личности и другие специфические типы теорий. Ученые, придерживающиеся позитивной теории, считают, что с быстрым развитием ИИ его будут широко использовать во всех сферах жизни общества и что он сможет самостоятельно влиять на права и обязанности других людей.

С развитием общества субъект преодолел ограничения, налагаемые на физических лиц. Многие неестественные субъекты, постепенно наделенные квалификацией «человек» в законодательстве, исходя из потребностей законодателей, получили статус субъектов. К. Дэвис полагает, что, поскольку юридические лица могут обладать правосубъектностью, ИИ также должен обладать правосубъектностью [1].

В-третьих, теория компромисса, или ограниченной правосубъектности ИИ. Согласно этой теории, ИИ обладает правосубъектностью, но его личность является

особой, а объем его прав и обязанностей ограничен по сравнению с остальными субъектами права [2]. Так называемая теория ограниченной правосубъектности гласит о том, что сущность ИИ — быть инструментом, и его роль как атрибута, который служит развитию человеческого общества, не может быть изменена. Однако ИИ обладает независимыми и автономными поведенческими способностями, которые являются признаками чего-либо для наделения правосубъектностью. Поскольку последствия поведенческих способностей ИИ ограничены, принято считать, что он обладает ограниченной правосубъектностью и что к нему должны быть применены специальные законы. В целом теория компромисса в действительности не является компромиссом, а скорее, создает новый способ бросить вызов дихотомиям «субъект — объект» и «человек — объект». Она доказывает, что ИИ обладает правосубъектностью. Даже если он обладает лишь частичными и ограниченными правами и обязанностями, по сравнению с физическими лицами, или его собственный статус субъекта права является неполным, нормативное регулирование имеет недостатки, важным фактом становится признание его положительной квалификации, то есть положительного отношения к статусу субъекта. Это можно считать фундаментальным в данной теории. Относительно количества прав и обязанностей дополним, что «количественное» различие не влияет на «качественное» суждение. Поэтому компромиссная теория по-прежнему относится к категории позитивной теории.

Результаты и обсуждение

Может ли искусственный интеллект стать оригинальным субъектом права?

При обсуждении вопроса о том, может ли ИИ стать субъектом права, прежде всего нужно определить, что является субъектом права [3; 4]. Это требует от нас переосмысления предмета права, который в течение продолжительного периода игнорировали, с точки зрения наблюдения второго уровня. Хотя термин «субъект» существует давно, понятие субъекта права не получило широкого распространения до настоящего времени, поэтому оно обладает отличительными чертами современной позитивистской юриспруденции. Например, Е. Богданов считает, что «значение термина „субъект права“ обычно относится к тем, кто может быть обладателями субъективных прав, и только индивиды, обладающие осознанной волей, являются субъектами права» [3]. Юридическое значение термина «субъект» заключается в том, что он осуществляет юридические права и обязанности. Г. Кельзен определяет понятие «субъект права» как «лицо, несущее юридические обязательства или имеющее юридические права» [4; 5]. Однако это не означает, что предмет права является чисто эмпирическим или техническим понятием, не связанным со стоимостью. Хотя понятие субъекта права в основном охарактеризовано с учетом метода позитивистской юриспруденции, оно фактически строится вокруг «лица», будь то обладатель субъективных прав или исполнитель прав и обязанностей. Это связано с тем, что понятие субъекта права восходит к понятию субъекта (личности) в философии. Следовательно, мы можем рассматривать человека как изначального субъекта права.

Матричные характеристики изначального субъекта права

Как изначальный субъект права, человек выступает источником механизма работы правовой конструкции, созданной вокруг субъекта права. Слово «субъект» происходит от латинского слова *subiectum*, которое возникло в древнегреческом языке и в первую очередь означало основу, матрицу. Символом реального утверждения концепции субъекта является созданная Декартом парадигма мыш-

ления, основанная на дихотомии «субъект — объект», которая положила начало повороту философских исследований к философии субъекта. Декарт взял *cogito* («самосознание») за отправную точку познания и поставил человека в положение когнитивного субъекта, подчеркнув субъективность людей в когнитивных отношениях. Указанный философ поднял познающего и мыслящего субъекта на новый уровень и дал понять, что мир — результат самопознания субъекта. Это служит подтверждением существования «Я» как субъекта матрицы, а затем превращает внешний мир в объект, представленный, распознанный субъектом и на который он воздействует. По словам Хайдеггера, мир становится «глобальной картиной», а человек — центром всего сущего. Вещи, отличные от человека, становятся целью, которую представляет, признает и в которую вмешивается человек как субъект. Установление статуса субъекта в философском смысле открывает путь человеку для того, чтобы быть субъектом права, как частью субъекта познания мира.

На протяжении долгой истории человечества считали, что разработка законов происходит не от человека и что источник права находится за пределами человека. Например, средневековые юристы верили, что люди познают закон через откровение божественной воли. В философии установление субъектного статуса человека означает, что право действительно рассматривают как общественный порядок. Закон — это уже не откровение Бога или дар природы, а изобретение людей и порядок человеческого поведения. Можно утверждать, что современная субъективная философия прояснила доктринальную ценность человека и оказала очевидное влияние на прояснение мировоззрения. Человеческое существо — неотделимая сущность, не привязанная к другим вещам и отличная от других вещей, обладающая большей ценностью, чем остальные вещи, наделенная самообладанием, суверенностью и дискурсивной силой существования. А. Сугиот пишет о том, что «в глазах закона мы рассматриваем человека как субъекта, обладающего разумом и обладателя божественных, не допускающих отступлений прав» [6].

Сегодня человек как субъект является не вассалом Бога или совладельцем вещей, а сущностью, самостоятельно определяющей систему ценностей. Он — источник, центр права, подлинный создатель, участник, исполнитель и последователь закона. Метафизическая часть права исходит только из ценности человека, а объективная практическая часть права — из социальной жизни человека.

Рациональные и волевые характеристики первоначального субъекта права

Хотя установление человека в качестве матрицы юридического субъекта имеет большое значение, это лишь первый шаг в развитии теории субъекта, а значит, существования субъекта в качестве матрицы недостаточно. Конструирование субъектом себя только началось и далеко от завершения. Декарт создал дихотомическую структуру «субъект — объект». После разделения границ между ними и определения основных характеристик субъекта субъект должен продолжать совершенствовать себя, выстраивать отношения с объектом. В этом процессе разум и воля становятся отличительными чертами человека как субъекта права. Кант рассматривает рациональность как способность человека распознавать и понимать объективные законы и природу физического мира, а также способность человека определять моральные нормы и правовые предписания, направлять свое поведение [7].

Согласно философии Канта, человек обладает двойственными свойствами: с одной стороны, как животное, обладающее плотью, кровью и желанием, человек является своего рода естественным существом, обладающим естественными

свойствами, подчиняющимся естественным законам и находящимся в несвободном состоянии господства; с другой — как существо, обладающее способностью к высшему мышлению, человек является разумным существом, способным понять и преобразовать мир, чтобы избавиться от рабства законов природы, подчинить себя нормам рациональных законов, чтобы стать свободным и самостоятельно-дисциплинированным этическим субъектом, и человек сам по себе является целью. Человеческая рациональность требует создания поля публичной и социально реализуемой легитимной истины. Между тем право — широко признанная общая система, которая отвечает общим потребностям общества, интерпретирует общий смысл человеческого поведения и интегрирует субъективные права в объективное право. Это также делает человека субъектом права в двойном смысле. Как субъект права, человек выступает не только законодателем, устанавливающим закон, но и исполнителем закона, подчиняющимся собственному закону. В результате рационального мышления человек может делать собственный выбор в соответствии с различными ситуациями и своими соображениями, а следовательно, может стать субъектом права как носителем законных прав.

Субъект права — это не только рациональный субъект, но и субъект, обладающий собственной волей. Человек является субъектом права, потому что он заслуживает возможности самоопределения и потому что у него есть определенная воля. Разум тесно связан с волей, которая представляет собой проявление разума на другом уровне. П. С. Шумская утверждает: «воля... в той мере, в какой она может добровольно выбирать действие, сама по себе является практическим разумом» [8]. Ж. Вен и Д. Тонг считают волю «основой, ядром и душой субъекта» [9]. Если разум закладывает основу автономии субъекта, то воля становится центром перехода от мысли к действию. В частности, Гегель пишет: «Нет воли без мышления, воля — это практика мышления, а мышление — это субстанция воли» [10]. Только обладая этой способностью воли, то есть способностью к действию, мы можем выразить внутреннюю мысль, воплощенную в разуме, через внешнее действие. Субъект посредством воли воздействует на внешний мир как на объект.

Может ли искусственный интеллект стать полноценным субъектом права?

Почему ИИ вызывает споры о предмете права? Концепция ИИ впервые предложена Д. Маккарти в 1956 г. С тех пор прошло почти 70 лет, но концепция ИИ по-прежнему полна противоречий и не имеет общепризнанного определения как в области компьютерных наук, так и в праве. Из исследований многих ученых мы можем в целом сделать вывод о нескольких признанных характеристиках ИИ.

Во-первых, ИИ служит продуктом человеческого творчества, а значит, ИИ — это не естественное порождение, а некое продолжение человека. Во-вторых, ИИ может имитировать человеческий интеллект в некоторых аспектах, заменяя человеческий труд. Основной способ моделирования — с помощью компьютерных программ (или «алгоритмов»). В-третьих, «независимое мышление». Сегодня ИИ обладает способностью к глубокому обучению, самообучению и независимым суждениям, действиям. В-четвертых, «множественные формы». ИИ может быть либо человекоподобным роботом, либо компьютерным устройством, содержащим интеллектуальные системы, либо он может быть отнесен к набору программных систем, имитирующих человеческое мышление. Становится очевидным, что, поскольку ИИ служит продуктом деятельности человека, одни исследователей рассматривают его как объект с традиционной точки зрения познания «субъект — объект», другие фокусируются на «гуманоидных» или «почти человеческих» характеристиках ИИ, особенно на его независимом мышлении, и верят в то, что у него существует возможность стать самостоятельным субъектом права.

Из приведенного выше анализа становится понятным, что ИИ не имеет характеристик для того, чтобы стать таким же субъектом права, как человек. Создание и развитие концепции от философского субъекта к юридическому основано на человеке. Это видится не только эволюцией метафизики, но и историческим, практическим процессом реальности, отражающим уникальное положение человека в мире. Хотя ИИ оказал глубокое влияние на социальную жизнь людей, он все-таки не может предоставить достаточных оснований для того, чтобы стать таким же субъектом права, как и человек.

Может ли искусственный интеллект стать производным субъектом права?

Хотя ИИ не может стать полноценным, оригинальным субъектом права, то есть субъектом права, который выступает составной частью субъекта познания, он все-таки может быть субъектом права с точки зрения юриспруденции. Этот вопрос анализируют обычно с учетом двух концепций: правосубъектности и дееспособности. Отправной точкой для изучения субъекта права выступает человек как философский субъект. Субъект права не является понятием философии права в чистом виде, а постепенно формируется в процессе редукции и конструирования рационализма из философского субъекта человека через развитие позитивизма.

Эмпирическое конструирование производного юридического субъекта

Первым шагом обоснования субъекта права можно считать превращение конкретного лица в абстрактное. В итоге возникает понятие правосубъектности. Субъект права, начиная с физических лиц, имеет дело с правоотношениями между лицами как субъектами права, а также с правоотношениями между субъектом права и объектом права. В процессе развития юриспруденции позитивизма значение субъекта права в такой конструкции начинает абстрагироваться от конкретных людей в реальности и становится более широким. Дополним к этому теорию фикции. Универсальность права требует дальнейшего абстрагирования субъекта права от конкретной личности, человека, в направлении расширения возможного понимания субъекта права.

Исходя из этой цели, абстрактная правосубъектность становится величайшим достижением, которое позволило дополнить и категоризовать категорию «лица» в законе, чтобы закон приобретал авторитет и оказывал широкое воздействие. Речь идет о потребности субъекта права (человека) адаптироваться к развитию общественных отношений. Р. Книпер разделяет этот глубоко абстрактный процесс на три этапа: первый — нормативное очищение свободы путем очищения эмоций и нормативное очищение воли путем очищения воли; второй — размышление о воображаемом человеке как о нравственном человеке, или трансцендентальная вульгаризация; третий — достижение единства между рациональным (юридически абстрактным) субъектом и его выражения в физическом мире (в нашем случае — это ИИ) [11]. Концепция правосубъектности — отхождение и предварительное абстрагирование человеческих существ от понятия «человеческие существа» в направлении расширения понимания правосубъектности.

Юридическое лицо как фиктивный производный субъект права

Такого рода позитивное отчуждение воплощается в реальности в виде появления юридического лица как производного субъекта права, а способ порождения юридического лица как субъекта права реализуется юридической фикцией. По мнению П. С. Шумской, юридическая фикция — благие намерения, гибкий механизм правовой реальности и адаптивный механизм правового развития [8].

Это метод толкования права, при котором достигается баланс между правовыми и социальными потребностями. Если гражданское общество и товарная экономика развиваются до определенной стадии, возникает практическая необходимость в упрощении правовых отношений. Юридическое лицо, как группа людей, становится фиктивным субъектом права с помощью юридических и технических средств, что является неизбежным выбором рационального и утилитарного характера правовых отношений.

В настоящее время рациональность демонстрирует инструментальный аспект, и расширение сферы деятельности перестает быть самоцелью. Это инструменты и средства достижения цели. Однако, если люди, как субъекты, исходят из собственных потребностей в реализации инноваций субъектов права посредством юридических технологий, воля становится эгоцентричной идеологической волей, а юридическое лицо — субъектом права. Речь идет о способе для людей перестроить образ мира в соответствии с их собственным воображением и расширить абсолютное «Я» от индивидуума до группы. В этом процессе, исходя из первоначального субъекта, в основе которого находится человек, субъекты права развивают производные субъекты в форме юридических лиц посредством юридических фикций.

И юридическое лицо, и физическое лицо как субъект права являются результатом юридической фикции. Однако разница заключается в том, что физическое лицо становится юридическим лицом с естественной основой, и его статус субъекта права происходит автоматически. До тех пор, пока это — физическое лицо, закон безоговорочно признает его правосубъектность и подтверждает его статус субъекта права. Юридическое лицо не обладает этикой естественного таланта физического лица, поэтому у него отсутствуют уникальные естественные права физического лица. Следовательно, фикция юридического лица нуждается в условиях и должна быть реализована с помощью юридических процедур. Поэтому с точки зрения чистой теории права, если физическое лицо также нуждается в фикции, чтобы стать юридическим лицом и обладать правосубъектностью, то фикция юридического лица на этом основании состоит из двух составляющих. Первая составляющая заключается в проверке того, соответствует ли юридическое лицо условиям фикции; считается ли оно физическим лицом, если оно соответствует условиям определенной ценности. Вторая составляющая заключается в придании юридическим лицам статуса юридического лица, подобного физическому лицу, и превращении их в субъектов права.

Возможность превращения искусственного интеллекта в производный субъект права

Наибольшая схожесть, которую юридическое лицо как признанный субъект права имеет с ИИ, состоит в том, что современный субъект права не может быть представлен как отдельное физическое лицо. Это означает, что субъект права все еще может прорваться через жесткие рамки шаблона физического лица и иметь эластичное понимание в настоящее время, что обеспечивает возможность для ИИ стать субъектом права. Ю. Харари в «Краткой истории завтрашнего дня» выдвинул предположение о том, что, поскольку юридические лица могут иметь статус субъекта, ИИ неизбежно получит соответствующую юридическую квалификацию [12]. Ряд отечественных ученых, вдохновленных резолюцией Европейского парламента об «электронном человеке», ссылаясь на систему регистрации одобрений в действующей системе юридических лиц, разработали набор юридических процедур, таких как регистрация личности, установление собственности, юридический надзор и прекращение деятельности, чтобы ИИ мог участвовать

в юридической деятельности в качестве субъекта правоотношений с идентификацией как «электронный человек» [5].

Мнение о том, что ИИ выступает субъектом права с идентичностью «электронного человека», по-прежнему остается мнением меньшинства, и его рациональность нуждается в дальнейшем научном доказательстве. Однако стоит сравнить различия между понятиями «юридическое лицо» и «электронный человек», чтобы лучше понять возможность превращения ИИ в производный субъект права. Наиболее значимые различия между этими понятиями заключаются в следующих аспектах.

Во-первых, хотя у обоих существует очевидная цель — упростить правовые отношения, дополнив новшества в текущую концепцию субъекта права, существование юридического лица как группы физических лиц имеет гораздо более длительную историю. Основная потребность в создании группы возникла на начальном этапе развития человеческого общества, от древнеримского общества и синдиката до религиозной группы в Средние века. До того периода, как система юридических лиц была официально определена в Гражданском кодексе Германии, существовала юридическая практика участия физических лиц в юридической деятельности в форме группы, что также видится исторической основой фиктивности юридического лица как субъекта права.

Относительно «электронных людей» укажем, что на протяжении последних лет, поскольку ИИ стремительно развивается и все больше интегрируется в общественную жизнь, это вызвало ряд трудностей при наделении полномочиями или ответственностью с учетом прежних законов и породило призыв сделать ИИ субъектом права. Историческая основа его юридической практики все еще относительно слаба по сравнению с практикой юридического лица.

Во-вторых, хотя понятия «юридическое лицо» и «электронный человек» отражают внешнюю экспансию «человеческого» субъекта права, юридическое лицо по-прежнему является естественным продолжением групповой формы физического лица в обществе. Исходя из этого, становится очевидным, что использование фиктивной конструкции юридического лица служит простым и логичным средством выражения воли группы людей, которые данное юридическое лицо создали или являются его участниками в той или иной форме. Хотя юридическое лицо не является физическим лицом в индивидуальной форме, все отдельные члены группы — реальные физические лица. И правовые акты в основном осуществляются посредством действий физических лиц в качестве юридических лиц. Но вымысел «электронного человека» не настолько естественен, а представляет собой инновационную конструкцию юридического субъекта, которая, очевидно, охватывает более широкие сферы и идет дальше. Так называемый электронный человек в большей степени похож на продолжение определенной части человеческих индивидуумов и ее объединение с реальным физическим лицом. Перед лицом того, может ли эта новая форма профсоюза стать производным субъектом права, человек неизбежно будет относиться к ней с большей осторожностью.

В-третьих, фикция юридического лица чаще осуществляется в сфере частного права, которое в основном решает правовые проблемы в аспекте экономических отношений. Призыв к ИИ как к электронному лицу обусловлен не только потребностями экономических отношений, таких как права интеллектуальной собственности, но это и значимая причина для решения проблемы юридической ответственности в аспекте нарушения прав личности, вызванного ИИ. Последнее может быть отнесено не только к сфере частного права, но и правовых вопросов публичного права, что также делает ИИ в форме «электронного человека» субъектом права, сталкивающимся с более сложными проблемами институционального

проектирования. Несмотря на изложенное, если ИИ должен стать субъектом права, это может быть реализовано только с помощью технологии юридической фикции, на уровне юридических технологий. Появление юридического лица как производного субъекта права сохраняет возможность для ИИ стать субъектом права.

Выводы

ИИ не может оспаривать статус человека как изначального субъекта права, что считают позицией юридического антропоцентризма. Антропоцентризм — принцип, которого необходимо придерживаться, размышляя о статусе субъекта права в области ИИ. Именно антропоцентризм позволяет людям избавиться от дилеммы, заключающейся в том, что жизнь бессмысленна, а существование не имеет основы. Данный принцип в области метафизики максимально укрепляет человека как доктринальную матрицу, которая стоит в мире и воспринимает себя как источник смысла, превращая разум и свободную волю в авторитет. Эта позиция придает смысл общественному порядку и политическому процессу, а значит, мы можем поверить в ценность и значимость правовой системы как системы социального управления людьми.

В таком процессе мы рассматриваем себя как субъекта, стремящегося достичь благотворной координации между личностью и общим, материальным и духовным, становимся творцом закона, но и подчиняемся закону, созданному нами, осознаем органическое единство себя с самим собой, остальными и целым. С учетом вышеизложенного признание ИИ субъектом деятельности наравне с человеком считаем преждевременным.

Список источников

1. *Davies C. R.* An evolutionary step in intellectual property rights –Artificial intelligence & intellectual property // *Computer Law & Security Review*. 2011. Vol. 27. No. 6. P. 601–619. DOI: 10.1016/j.clsr.2011.09.006
2. *Yuan Z.* Revisiting the legal personality of AI from the functional perspective // *Journal of Shanghai University (Social Science Edition)*. 2020. Vol. 37. No. 1. P. 16–26. (На кит.).
3. *Богданов Е. В.* Влияние научных взглядов Леона Дюги на развитие гражданского права // *Журнал российского права*. 2008. № 6. С. 32–39.
4. *Дидикин А. Б.* Философия права Ганса Кельзена: релятивизм и переосмысление причинности // *Schöle. Philosophisches Antikoweden und klassische Tradition*. 2015. Т. 9. № 2. С. 265–282.
5. *Supiot A.* *Homo Juridicus: Essai sur la fonction anthropologique du Droit*. Paris: Éditions du Seuil, 2005. 330 p. (На фр.).
6. *Kelsen H.* *Reine Rechtslehre. Mit einem Anhang: Das Problem der Gerechtigkeit*. Tübingen: Mohr Siebeck Verlag, 2017. 921 p. (На нем.).
7. *Бурханов Р. А., Никулина О. В.* Учение Иммануила Канта о праве // *Вестник Сургутского государственного университета*. 2021. № 4. С. 71–80. DOI: 10.34822/2312-3419-2021-4-71-80
8. *Wen Z., Tong D.* Analysis of the legal subject status of artificial intelligence // *Beijing Law Review*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 74–86. DOI: 10.4236/blr.2023.141004
9. *Шумская П. С.* Юридические презумпции и фикции: понятие, сходства и различия, виды, значение для юридической практики // *Сибирские юридические студенческие чтения: материалы XXI Междунар. науч. конф. студентов, посвященной 25-летию Сибирского юридического университета (Омск, 19 мая 2023 г.)* / отв. ред. Д. Т. Караманукян. Омск: Сибирский юридический университет, 2024. С. 266–270.
10. *Харари Ю. Н.* *Homo Deus: краткая история будущего* / пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбад, 2022. 492 с.
11. *Guo S. F.* The legal construction of the power capacity of artificial intelligence “electronic human” // *Gansu Social Sciences*. 2019. No. 4. P. 108–116.

References

1. Davies C.R. An evolutionary step in intellectual property rights — Artificial intelligence & intellectual property. *Computer Law & Security Review*. 2011;27(6):601-619. DOI: 10.1016/j.clsr.2011.09.006
2. Yuan Z. Revisiting the legal personality of AI from the functional perspective. *Journal of Shanghai University (Social Science Edition)*. 2020;37(1):16-26. (In Chin.).
3. Bogdanov E.V. The influence of Léon Duguit's scientific views on the development of civil law. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2008;(6):32-39. (In Russ.).
4. Didikin A. Legal philosophy of Hans Kelsen: Relativism and causality rethought. *Schole. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya = Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 2015;9(2):265-282. (In Russ.).
5. Supiot A. Homo Juridicus: Essai sur la fonction anthropologique du Droit. Paris: Éditions du Seuil; 2005. 330 p. (In French).
6. Kelsen H. Reine Rechtslehre. Mit einem Anhang: Das Problem der Gerechtigkeit. Tübingen: Mohr Siebeck Verlag; 2017. 921 p. (In German).
7. Burkhanov R.A., Nikulina O.V. Immanuel Kant's doctrine of law. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta = Surgut State University Journal*. 2021;(4):71-80. (In Russ.). DOI: 10.34822/2312-3419-2021-4-71-80
8. Wen Z., Tong D. Analysis of the legal subject status of artificial intelligence. *Beijing Law Review*. 2023;14(1):74-86. DOI: 10.4236/blr.2023.141004
9. Shumskaya P.S. Legal presumptions and fictions: Concept, similarities and differences, types, significance for legal practice. In: Karamanukyan D.T., ed. Siberian legal student readings. Proc. 21st Int. sci. conf. of students, dedicated to the 25th anniversary of the Siberian Law University (Omsk, May 19, 2023). Omsk: Siberian Law University; 2024:266-270. (In Russ.).
10. Harari Y.N. Homo Deus: A brief history of tomorrow. New York, NY: HarperCollins Publishers; 2017. 464 p. (Russ. ed.: Harari Y.N. Homo Deus: kratkaya istoriya budushchego. Moscow: Sindbad; 2022. 492 p.).
11. Guo S.F. The legal construction of the power capacity of artificial intelligence "electronic human". *Gansu Social Sciences*. 2019;(4):108-116.

Информация об авторе

Д. М. Гушчин — аспирант; 190020, Россия, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the author

D. M. Gushchin — postgraduate student; 44a Lermontovsky Ave., St. Petersburg 190020, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 27.02.2025; одобрена после рецензирования 11.06.2025; принята к публикации 25.09.2025.

The article was submitted 27.02.2025; approved after reviewing 11.06.2025; accepted for publication 25.09.2025.

Научная статья

УДК 347.736

DOI: 10.35854/2219-6242-2025-3-447-457

Влияние процедур банкротства физических лиц на конкурсное производство в отношении взаимосвязанных юридических лиц

Никита Александрович Любельский

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,

Санкт-Петербург, Россия, quertty44@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8633-1497>

Аннотация. В статье рассмотрены правовые и практические проблемы, возникающие при одновременном проведении процедур банкротства юридических лиц и контролирующих их физических лиц. Особое внимание уделено вопросам, связанным с включением в реестр требований кредиторов гражданина требования, основанного на судебном акте о привлечении к субсидиарной ответственности. Проанализирован аспект неопределенности сроков подачи соответствующего заявления. Находит отражение и проблема определения очередности требования, основанного на судебном акте о привлечении к субсидиарной ответственности. Актуализированы проблемные вопросы доступа контролируемого лица к документам банкрота до рассмотрения судом требования о включении в реестр требований кредиторов контролирующего лица. Выявлены сложности при оспаривании сделок, совершенных контролирующим лицом, в контексте конкуренции интересов конкурсной массы контролирующего и контролируемого лиц. Сформулированы предложения о восполнении правовых пробелов и повышении эффективности решения рассмотренных проблем.

Ключевые слова: банкротство, контролирующее лицо, контролируемое лицо, субсидиарная ответственность, включение в реестр, оспаривание сделок

Для цитирования: Любельский Н. А. Влияние процедур банкротства физических лиц на конкурсное производство в отношении взаимосвязанных юридических лиц // Социология и право. 2025. Т. 17. № 3. С. 447–457. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-447-457>

Original article

Impact of bankruptcy procedures for individuals on bankruptcy proceedings in relation to affiliated entities

Nikita A. Liubelskii

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia, quertty44@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8633-1497>

Abstract. The article analyses the legal and practical problems that arise during the simultaneous bankruptcy procedures of legal entities and individuals controlling them. Particular attention is paid to issues related to the inclusion of a claim based on a judicial act on bringing to subsidiary liability in the register of claims of an individual's creditors. The work analyses the aspect of uncertainty of the deadlines for submission of the relevant application. The problem of determining the priority of a claim based on a judicial act on bringing to subsidiary liability is also discussed. The problematic issues of access of a controlled person to the bankrupt's documents before the court reviews the claim for inclusion of the controlling person in the register of claims of creditors are updated. Difficulties in challenging of the

transactions concluded by a controlling person in the context of the competition of interests of the bankruptcy estate of the controlling and controlled persons are identified. Proposals are formulated to fill legal gaps and improve the efficiency of solving the problems considered.

Keywords: bankruptcy, controlling person, controlled person, subsidiary liability, inclusion in the register, challenging transactions

For citation: Liubelskii N.A. Impact of bankruptcy procedures for individuals on bankruptcy proceedings in relation to affiliated entities. *Sociology and Law*. 2025;17(3):447-457. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-447-457>

Введение

Появившийся относительно недавно в российском законодательстве институт банкротства граждан все сильнее оказывает влияние на правоприменительную практику, коррелируя с институтом банкротства юридических лиц.

Это происходит потому, что банкротами признают не только утративших платежеспособность обычных граждан, но и владельцев, бенефициаров и руководителей компаний, именуемых в законодательстве о банкротстве «контролирующими лицами». Контролирующие лица в преддверии процедуры банкротства зачастую совершают сделки, направленные на вывод активов из компании должника, оставляя для пополнения конкурсной массы наименее ликвидное имущество. Для прикрытия дальнейшего вывода имущества контролирующее лицо использует процедуру личного банкротства.

На практике наблюдаются ситуации, в которых дела о банкротстве гражданина, контролирующего лица должника и подконтрольного ему общества возбуждают параллельно. Это прослеживается, например, и в случае, если контролирующее лицо выступает поручителем должника по кредиту. Подобное нередко происходит, если недобросовестный руководитель или учредитель компании, совершив сделки по выводу активов в свою пользу либо в пользу аффилированных лиц, осознавая перспективу привлечения к субсидиарной ответственности, стремится заблаговременно инициировать процедуру собственного банкротства, назначив «дружественного» арбитражного управляющего, чтобы свести к минимуму риски оспаривания совершенных им сделок по дальнейшей продаже приобретенного имущества компании и выиграть время для дальнейшего вывода имущества из своего владения по цепочке сделок добросовестным приобретателям.

Вместе с тем кредиторы тоже стремятся использовать оба процесса по максимуму для получения удовлетворения своих требований, используя все предоставленные законодательством о банкротстве возможности. В этой связи граница между личной и корпоративной имущественной сферой становится все более условной, а актуальная тема взаимодействия двух процессов банкротства остается недостаточно исследованной.

Материалы и методы

Настоящее исследование основано на анализе норм действующего законодательства Российской Федерации (РФ), регулирующего вопросы банкротства физических и юридических лиц, включая положения Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», Гражданского кодекса РФ, Арбитражного процессуального кодекса РФ, а также иных нормативных актов, имеющих значение в контексте рассматриваемой темы. Особое внимание уделено правоприменительной практике арбитражных судов,

включая позиции Верховного Суда РФ, определения судебных коллегий и акты нижестоящих судов за последние пять лет, отражающие наиболее типичные и проблемные ситуации при взаимодействии параллельных процедур банкротства.

Методологическую основу статьи составляют общенаучные методы, в том числе анализа и синтеза, моделирования, прогнозирования, а также специальные юридические: формально-юридический метод и технико-юридический анализ. Такой комплексный подход позволил выявить ключевые тенденции, риски и правовые противоречия, возникающие при пересечении процедур банкротства физических лиц и контролирурующих их юридических лиц, предложить возможные направления их преодоления.

Итоги

В законодательстве о банкротстве и судебной практике вопросам взаимоотношения двух процессов банкротства уделено немного внимания. Прежде всего рассмотрим проблемы, возникающие на этапе включения требования, основанного на субсидиарной ответственности, в реестр требований гражданина (контролирующего лица).

В контексте этого вопроса законодатель в абзаце 3 ч. 6 ст. 61.16 Закона о банкротстве определил, что, если контролирующее лицо, в отношении которого подано и рассматривается заявление о привлечении его к субсидиарной ответственности, признано банкротом, арбитражный управляющий, утвержденный в процедуре подконтрольного лица, обязан предъявить требование, основанное на субсидиарной ответственности, в деле о банкротстве контролирующего лица. Рассмотрение такого требования приостанавливают до вступления в законную силу судебного акта по заявлению о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности [1].

Исходя из содержания п. 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53), можно полагать, что начало течения срока для предъявления такого требования возникает у арбитражного управляющего не ранее того момента, когда он узнал или должен был узнать о наличии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности контролирующего должника лица в деле о банкротстве контролируемого общества (не ранее начала течения срока исковой давности по такому заявлению) [2]. Данное разъяснение порождает неоднозначное толкование о том, когда такой момент должен быть квалифицирован судами как наступивший.

Суды, ссылаясь на приведенный п. 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53, делают вывод о том, что срок должен исчисляться с момента подачи в деле о банкротстве контролируемого лица заявления о привлечении к субсидиарной ответственности (постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30 января 2025 г. по делу № А44-574/2022, постановление Арбитражного суда Московского округа от 30 октября 2024 г. по делу № А40-131564/2022, постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 сентября 2022 г. по делу № А40-9544/2017) [3; 4; 5].

Однако момент, когда арбитражный управляющий в деле о банкротстве контролируемого общества узнал или должен был узнать о наличии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности контролирующего должника лица, не совпадает с моментом, когда им фактически подано заявление о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности. Момент по-

дачи заявления о привлечении к субсидиарной ответственности определяет арбитражный управляющий в пределах срока исковой давности, установленного для подачи такого заявления.

Представляется, что добросовестный арбитражный управляющий в деле о банкротстве подконтрольного общества обязан отслеживать факты обращений контролирующих лиц в суд с заявлениями о собственном банкротстве либо обращений в суд иных лиц с заявлениями о банкротстве контролирующих должника лиц. При обнаружении факта подачи такого заявления арбитражный управляющий должен проявить максимально возможную оперативность для выявления наличия или отсутствия оснований привлечения таких лиц к субсидиарной ответственности и незамедлительно обратиться в суд с соответствующим заявлением. Полагаем, если арбитражный управляющий контролируемого лица подал заявление о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующего должника лица на исходе срока исковой давности, предусмотренного для подачи такого заявления, а производство по делу о банкротстве контролирующего должника лица возбуждено на момент начала течения такого срока, то арбитражный управляющий в случае пропуска срока для включения в реестр контролирующих должника лиц, заявляя о его восстановлении, должен объяснить, почему он не мог обратиться с заявлением о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности с таким расчетом, чтобы не пропустить установленный законом срок включения в реестр требований кредиторов контролирующего должника лица. Причины такой задержки должны быть вызваны объективными обстоятельствами, которые, при должной степени осмотрительности, не могли быть преодолены арбитражным управляющим.

Целесообразно внести соответствующие дополнения в приведенные в п. 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 разъяснения, чтобы избежать неоднозначного толкования судами изложенной в нем позиции. Приведенная судебная практика свидетельствует о том, что, если конкурсный управляющий будет ожидать определения суда по обособленному спору о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности и только затем подаст заявление о включении в реестр контролирующего лица, пропущенный им срок для включения в реестр требований кредиторов не будет восстановлен судом.

К примеру, в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30 января 2025 г. по делу № А44-574/2022 суд, отказывая в удовлетворении кассационной жалобы на постановления нижестоящих судов об отказе конкурсному управляющему контролируемого лица в восстановлении срока на включение в реестр требований кредиторов требований, основанных на судебном акте о привлечении к субсидиарной ответственности, обратил внимание на следующее: «При вынесении обжалуемых судебных актов суды верно указали на то, что ожидание итогового судебного акта, которым будет установлен размер ответственности/убытков, подлежащий включению в реестр, может привести к окончанию процедуры банкротства должника и, как следствие, утрате возможности удовлетворения требования за счет его имущества» [3].

Пока в деле о банкротстве подконтрольного юридического лица рассматривают обособленный спор о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности либо о взыскании с такого лица убытков, либо оспаривают сделку между должником и таким лицом, процедура банкротства такого контролирующего лица активно продолжается. Такая ситуация особенно опасна, если процедура банкротства контролирующего должника лица проводится под контролем «дружественного» к такому лицу финансового управляющего.

Изложенное порождает проблему получения информации конкурсным управляющим контролируемого лица и его кредиторами о ходе процедуры банкротства контролирующего лица, наличии у него имущества, его банковских счетах и движении по счетам, совершенных им сделках.

Пункт 39 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 разъясняет права контролируемого лица, подавшего заявление о включении в реестр требований кредиторов контролирующего лица (банкрота), основанные на субсидиарной ответственности, до их рассмотрения. Данное лицо обладает правами лица, участвующего в деле о банкротстве, такими как право ознакомления с материалами дела, заявления возражений по требованиям иных кредиторов, возражений относительно порядка продажи имущества должника, обжалования судебных актов, подачи заявления об отстранении арбитражного управляющего, участия в собраниях кредиторов без права голосования [2]. Однако все это не обеспечивает в полной мере возможности контролируемого лица на получение полной и исчерпывающей информации.

Большинство контролирующих лиц организаций являются не компаниями, а физическими лицами. Процедура банкротства гражданина имеет свою специфику по сравнению с процедурой банкротства юридического лица. Так, финансовый управляющий в деле о банкротстве гражданина не имеет установленной законом обязанности проводить регулярные собрания кредиторов, на которых конкурсный управляющий контролируемого лица мог бы получить необходимую информацию об имуществе и сделках должника.

Отчет о ходе процедуры финансовый управляющий обязан предоставлять только конкурсным кредиторам (абзац 12 ч. 8 ст. 213.9 Закона о банкротстве), к которым до рассмотрения обоснованности требований контролируемое лицо не относится [1]. Поскольку такое лицо является лицом, участвующим в деле о банкротстве, оно вправе ознакомиться с отчетом финансового управляющего в суде. Однако следует учитывать, что отчет предоставляют в суд только в конце процедуры, которая, как правило, вводится на шесть месяцев. С учетом того, что до включения в реестр требований кредиторов требования, основанного на субсидиарной ответственности, процедура банкротства все еще не завершена, такой кредитор может и не дожидаться поступления в суд отчета финансового управляющего, если в отношении должника введена сразу процедура реализации имущества гражданина.

Неким подспорьем в этой связи можно считать использование предоставленного арбитражному управляющему в деле о банкротстве контролируемого лица права на получение информации о лицах, входящих в состав органов управления должника, контролирующих и иных заинтересованных по отношению к должнику лицах (абзац 7 ч. 1 ст. 20.3 Закона о банкротстве) [1]. Такой запрос можно направить и финансовому управляющему контролирующего лица; в этом случае он должен предоставить ответ на запрос в течение семи дней с момента его получения. Но, если такой ответ предоставлен не будет, конкурсному управляющему контролируемого лица придется истребовать запрошенные документы в судебном порядке, что потребует значительного количества времени.

Законодательная лакуна, не позволяющая такому кредитору получить своевременный доступ к информации о должнике, опасна тем, что кредитор теряет возможности оперативной реакции на нарушения в процедуре, проработки стратегии для дальнейшего оспаривания сделок должника, обращения к финансовому управляющему с предложением об их оспаривании. Исходя из этого, полагаем, что было бы разумным ввести на законодательном уровне прямую обязанность информирования такого лица наравне с конкурсными кредиторами (с периодичностью раз в квартал).

Справедлива и обратная ситуация в отношении кредиторов контролирующего лица (банкрота). Абзацем 2 ч. 6 ст. 61.16 Закона о банкротстве таким лицам предоставлено право участвовать в споре о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве контролируемого лица в качестве третьих лиц на стороне контролирующего должника лица [1]. Вместе с тем права таких лиц на получение информации не должны быть ограничены обособленным спором о привлечении к субсидиарной ответственности. Этим лицам также должно быть предоставлено право участвовать в обособленных спорах по оспариванию сделок контролирующего лица в деле о банкротстве подконтрольной компании.

Еще более существенной проблемой, связанной с ранее изложенной, является отсутствие права кредитора — контролируемого лица на оспаривание сделок должника (контролирующего должника лица) — до включения его требований в реестр требований кредиторов. Поскольку обособленные споры о субсидиарной ответственности, как правило, рассматривают в течение длительного времени, к моменту вынесения судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующего лица имущество, реализованное по сделкам должника-гражданина, может быть перепродано по цепочке сделок третьим лицам, так называемым добросовестным приобретателям.

Длительные сроки рассмотрения требований могут негативно могут отразиться на возможности контролируемого лица пополнить конкурсную массу, порой единственно возможным способом. Выходом из сложившейся ситуации видится обращение к финансовому управляющему с предложением об оспаривании сделок должника при условии, что контролируемому лицу удалось получить информацию о совершенных физическим лицом сделках. В случае, если финансовый управляющий не отреагирует на направленное предложение, это может послужить основанием для обращения в дальнейшем, после включения требований такого кредитора в реестр требований кредиторов, в суд с требованием о признании незаконным бездействия финансового управляющего и его отстранения, а также взыскании с него убытков, причиненных таким бездействием.

При включении в реестр контролирующего лица требований контролируемого лица, основанных на судебном акте о привлечении к субсидиарной ответственности, возникает проблема определения очередности требований.

Пунктом 11 ст. 61.11 Закона о банкротстве предусмотрено, что размер субсидиарной ответственности контролирующего должника лица равен совокупному размеру требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, а также заявленных после закрытия реестра требований кредиторов и требований кредиторов по текущим платежам, оставшихся непогашенными по причине недостаточности имущества должника [1]. Как следует из данной нормы, в составе суммы взыскания по субсидиарной ответственности могут быть представлены требования кредиторов разных очередей. В связи с этим возникает вопрос о том, что происходит с этой очередностью при включении в реестр требований кредиторов гражданина.

Законодательно данный вопрос не урегулирован. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 не дает прямого ответа на данный вопрос. Но из п. 40 этого постановления следует, что требования о субсидиарной ответственности нужно относить к третьей очереди реестра требований кредиторов контролирующего лица, поскольку указанным пунктом установлен запрет на реализацию имущества должника до момента включения в реестр требований кредиторов требования, основанного на субсидиарной ответственности, за исключением кредиторов, приоритетных по отношению к такому

требованию очередей. Далее указано, что это требование относится к третьей очереди.

Судебная практика исходит из того, что в этой ситуации не имеет значения, в пользу кредиторов какой очереди в деле о банкротстве юридического лица удовлетворено требование о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности; имеет значение лишь период совершения таким лицом действий, послуживших основанием для привлечения к субсидиарной ответственности, для отнесения этого требования к реестровым либо текущим. Поэтому в данной ситуации при включении такого требования в реестр требований кредиторов происходит так называемая трансформация требований кредиторов юридического лица более приоритетных очередей, нежели третья, к контролирующему лицу, основанных на субсидиарной ответственности, в требование третьей очереди в деле о банкротстве контролирующего лица.

В контексте рассматриваемого вопроса выработана определенная судебная практика. В большинстве судебных актов прослеживается поддержка приведенного выше подхода. Однако в ряде судебных постановлений отражены интересные вариации. Например, в постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 мая 2022 г. по делу № А56-116603/2018/тр.2 говорится о том, что при выборе кредитором такого способа распоряжения правом требования о привлечении к субсидиарной ответственности, как уступка части требования в его пользу, возможно установление иной, более приоритетной очередности части такого требования [6].

В других судебных постановлениях со ссылкой на прямое указание ч. 3 ст. 61.18 Закона о банкротстве речь идет о том, что очередь реестра такого требования является третьей, но при распределении суммы, поступившей по такому требованию, учитывают очередность входящих в это требование частей, то есть соблюдают очередность внутри одной очереди. Изложенный подход представляется наиболее справедливым. Его применение отражено в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 8 июня 2023 г. по делу № А40-178122/2021 и постановлении Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 апреля 2024 г. по делу № А12-155/2020) [7; 8].

Распространены случаи конфликта интересов кредиторов, участвующих в делах о банкротстве контролирующего лица (гражданина) и контролируемого им юридического лица при оспаривании сделок. Например, прямой конфликт интересов возникает, если оспаривается сделка между юридическим лицом (банкротом) и контролирующим должника лицом, который является банкротом. При признании сделки недействительной применяется реституция, то есть возврат полученного по сделке.

Часть 1 ст. 61.6 Закона о банкротстве гласит о следующем: все, что передано должником или иным лицом за счет должника или в счет исполнения обязательств перед должником, а также изъято у должника по сделке, признанной недействительной в соответствии с настоящей главой, подлежит возврату в конкурсную массу. В определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24 января 2022 г. по делу № А41-56447/2017 установлено, что оспаривание сделки по основаниям, предусмотренным законодательством о банкротстве, с точки зрения применения последствий, не отличается от оспаривания сделки по общим основаниям [9]. Таким образом, Верховный Суд РФ закрепил вещную концепцию кредиторского оспаривания. Данный подход выгоден для кредиторов должника, в рамках банкротства которого сделка признана недействительной. Однако справедливость этого подхода вызывает вопросы.

В такой ситуации, например, недвижимое имущество, переданное по сделке, передают из конкурсной массы банкрота-продавца в конкурсную массу банкрота-покупателя. Контрагента-банкрота, который приобрел имущество по сделке, признанной недействительной, включают в реестр требований кредиторов должника, сделка которого оспорена. В итоге из конкурсной массы одного банкрота выбывает реальное имущество взамен возможности предъявления требования к контрагенту-банкроту, которое, с высокой долей вероятности, либо не будет удовлетворено (при большой сумме текущих требований и требований приоритетных очередей) или будет удовлетворено в значительно меньшем объеме. Если сделка совершена, к примеру, менее чем за месяц до принятия судом к производству заявления о признании должника банкротом либо после его принятия к производству (ч. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве), то такую сделку признают недействительной, даже если имущество по сделке продано обществом по реальной рыночной цене.

Если такое имущество имеется у должника, оно должно быть возвращено в порядке реституции продавцу: в данном случае в конкурсную массу контролируемого лица. Таким образом, даже при отсутствии недобросовестности контролирующего должника лица его конкурсная масса может быть лишена ликвидного актива взамен возможности включения в реестр контролируемого лица. При этом кредиторы физического лица (контролирующего должника лица) могут либо не получить удовлетворения своих требований, либо получить их в значительно меньшем размере, поскольку выручка от реализованного на торгах имущества, во-первых, будет распределена между кредиторами третьей очереди после удовлетворения требований по текущим платежам и погашения требований более приоритетных очередей; во-вторых, оставшаяся сумма будет разделена контролирующим лицом в лице финансового управляющего с кредиторами контролируемого лица.

В случае оспаривания сделки в связи с неравноценным встречным исполнением (ч. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве) одна сторона сделки может получить имущество, другая — получает право на возвращение в конкурсную массу заниженной цены сделки, при этом в отношении такого контрагента также введена процедура банкротства. В данной ситуации из конкурсной массы контрагента-банкрота выбывает ликвидное имущество, а взамен банкрот получит право на включение в реестр требований кредитов контрагента требования в размере заниженной цены сделки. Изложенное не отвечает принципу справедливости.

В этой ситуации более справедливым представляется подход, при котором последствием признания сделки недействительной стало бы обязательство контрагента возместить должнику разницу между рыночной ценой и ценой сделки. Но этот подход предполагает отступление от вещной концепции оспаривания сделки в пользу обязательственной концепции, которая предполагает не оспаривание действительности сделки, а установление объема причиненного такой сделкой вреда. Приведенный подход предлагает, в частности, А. В. Захаров. Он пишет о том, что «в случае если в рамках судебного разбирательства будет установлено, что фактическая стоимость спорного имущества выше, чем стоимость его отчуждения должником покупателю, на покупателя возлагается обязательство вернуть в конкурсную массу денежные средства в объеме разницы между стоимостью отчуждения такого имущества и фактической стоимостью указанного имущества, установленной судом...» [10, с. 129]. Вместе с тем законодательством о банкротстве такая возможность не предусмотрена. В российском законодательстве и отечественной судебной практике превалирует прокредиторский подход к оспариванию сделок. В этой связи представляется целесообразным введение отдельной главы

в Закон о банкротстве, которая была бы посвящена вопросам взаимодействия процедур банкротств контролируемого и контролирующего лиц, в том числе и вопросам оспаривания сделок в контексте рассмотренной ситуации.

Взаимосвязь процедур банкротства физических и юридических лиц в ситуации, если физическое лицо является контролирующим, диктует необходимость применения комплексного подхода к рассмотрению таких дел. Практика показывает, что отсутствие координации между параллельными процедурами затрудняет восстановление имущественной справедливости и удовлетворение требований кредиторов, а также вызывает ряд вопросов при применении в этой связи материальных и процессуальных норм.

Совершенствование законодательства и правоприменительных механизмов должно быть направлено на повышение прозрачности этих процедур, предотвращение злоупотреблений и обеспечение балансов интересов всех участников. Это будет способствовать укреплению доверия к институту банкротства и повышению эффективности конкурсного производства в целом.

Список источников

1. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (в ред. от 26.12.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 20.04.2025).
2. О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286130/ (дата обращения: 20.04.2025).
3. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30 января 2025 г. по делу № А44-574/2022 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?splusFind=%D0%9044-574%2F2022&req=card&page=splus&ts=nLwfdtUj5dRcSw4J&rnd=4foedtU9iDkuYP45#splus> (дата обращения: 15.05.2025).
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30 октября 2024 г. по делу № А40-131564/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/L3Vos21wbw68/> (дата обращения: 15.04.2025).
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 сентября 2022 г. по делу № А40-9544/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/mBTJXi6S4QZ1/> (дата обращения: 15.04.2025).
6. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 мая 2022 г. по делу № А56-116603/2018/тр.2 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS013&n=374809#EEOhdtUEfHNYvxJ51> (дата обращения: 17.04.2025).
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 8 июня 2023 г. по делу № А40-178122/2021 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=478753#PI7idtUx77Kn6Jv4> (дата обращения: 17.04.2025).
8. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 апреля 2024 г. по делу № А12-155/2020 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS012&n=170088&cacheid=8FC3E11DEA234222E9BEF8D5E4F26249&mode=splus&rnd=4foedtU9iDkuYP45#7sxidtUBTivMeyNM> (дата обращения: 17.04.2025).
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24 января 2022 г. по делу № А41-56447/2017 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=698173#E2GjdtUfco6Gsg0B> (дата обращения: 17.04.2025).

10. Захаров А. В. Специальные основания оспаривания сделок в банкротстве и их последствия. От вещной теории оспаривания сделок в банкротстве к обязательственной // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 2. С. 125–130. DOI: 10.24412/2073-3305-2024-2-125-130

References

1. On insolvency (bankruptcy). Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ (as amended on December 26, 2024, with amendments and additions coming into force on March 1, 2025). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (accessed on 20.04.2025). (In Russ.).
2. On some issues related to bringing persons controlling the debtor to liability in bankruptcy. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 21, 2017 No. 53. Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286130/ (accessed on 20.04.2025). (In Russ.).
3. Resolution of the Arbitration Court of the North-West District dated January 30, 2025 in case No. A44-574/2022. Konsul'tantPlyus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?splusFind=%D0%9044-574%2F2022&req=card&page=splus&ts=nLwfdtUj5dRcSw4J&rnd=4foedtU9iDkuYP45#splus> accessed on 15.05.2025). (In Russ.).
4. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated October 30, 2024 in case No. A40-131564/2022. Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/L3Vos21wbw68/> (accessed on 15.04.2025). (In Russ.).
5. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated September 20, 2022 in case No. A40-9544/2017. Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/mBTJXi6S4QZ1/> (accessed on 15.04.2025). (In Russ.).
6. Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated May 11, 2022 in case No. A56-116603/2018/tr.2. Konsul'tantPlyus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS013&n=374809#EEOhdtUEfIHYvxJ51> (accessed on 17.04.2025). (In Russ.).
7. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated June 8, 2023 in case No. A40-178122/2021. Konsul'tantPlyus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=478753#PI7idtUx77Kn6Jv4> (accessed on 17.04.2025). (In Russ.).
8. Resolution of the Twelfth Arbitration Court of Appeal dated April 24, 2024 in case No. A12-155/2020. Konsul'tantPlyus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS012&n=170088&cacheid=8FC3E11DEA234222E9BEF8D5E4F26249&mode=splus&rnd=4foedtU9iDkuYP45#7sxidtUBTivMeyNM> (accessed on 17.04.2025). (In Russ.).
9. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 24, 2022 in case No. A41-56447/2017. Konsul'tantPlyus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=698173#E2GjdtUfco6Gsg0B> (accessed on 17.04.2025). (In Russ.).
10. Zakharov A.V. Special grounds for challenging bankruptcy transactions and their consequences. From the material theory of challenging transactions in bankruptcy to the compulsory one. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry = Education. Science. Scientific Personnel*. 2024;(2):125-130. (In Russ.). DOI: 10.24412/2073-3305-2024-2-125-130

Информация об авторе

Н. А. Любelskii — аспирант; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the author

N. A. Liubelskii — postgraduate student; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 14.05.2025; одобрена после рецензирования 30.05.2025; принята к публикации 25.09.2025.

The article was submitted 14.05.2025; approved after reviewing 30.05.2025; accepted for publication 25.09.2025.

**Основные требования к оформлению рукописей статей,
предоставляемых для публикации
в научном журнале «Социология и право»**

1. Рукопись должна содержать:

- 1.1. ФИО автора(-ов) на русском и английском языках.
- 1.2. Название статьи на русском и английском языках.
- 1.3. Аннотацию объемом в 6–8 предложений.
- 1.4. Ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний), разделенные запятой.
- 1.5. Библиографический индекс УДК.
- 1.6. Информация об авторе(-ах): место работы (учебы для аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса, включая индекс, адрес электронной почты и ORCID id автора (при наличии); ученая степень, ученое звание, должность, почетное звание.

1.7. Список литературы (иных источников).

2. Оформление текста статьи

2.1. Объем рукописи должен составлять от 0,4 до 1 авторского листа (1 а. л. включает в себя 40 000 знаков с пробелами).

2.2. Текст рукописи должен быть подготовлен средствами MS Word. Параметры документа:

- размер страницы — А4;
- поля — по 2 см;
- шрифт — Times New Roman;
- размер (кегель) — 14;
- междустрочный интервал — полуторный;
- абзацный отступ — 1 см;
- выравнивание текста абзаца — по ширине;
- нумерация страниц — внизу справа.

2.3. Над каждой таблицей следует помещать ее заголовок, например: *Таблица 1. Сравнительный анализ*. В тексте статьи необходимо приводить ссылку на каждую таблицу.

2.4. Формулы набираются с использованием программы MathType. Формулы в статье следует нумеровать сквозной нумерацией арабскими цифрами в круглых скобках в крайнем правом положении на строке. Ссылки в тексте на порядковые номера формул также даются в скобках.

3. Библиографический аппарат

3.1. Список литературы (иных источников) приводится в конце статьи. В список включаются только те источники, на которые даны ссылки в статье. В тексте номера источника в списке указываются в квадратных скобках, через запятую — номер(-а) страницы, промежуток страниц приводится через тире, например: [4, с. 112], [5, с. 63, 67], [9, с. 45–47].

3.2. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать объем в страницах. Для публикаций в газете, журнале, сборнике указывается через тире занимаемый ею интервал страниц. Для отдельных изданий (монографии, учебника и т. д.) указывается общее число страниц.

4. Иллюстрации

4.1. Иллюстрации (графики, схемы, диаграммы, рисунки) необходимо вставить в текст после первого упоминания, снабдить номером и названием, например: Рис. 1. Распределение миграционного потока в развивающихся странах. В тексте статьи должна быть ссылка на каждый рисунок, например (рис. 5).

4.2. Иллюстрации, созданные в программах MS Word и MS Excel и вставленные в текст, должны сохранять возможность их редактирования (изменения шрифта надписей, цвета и размера элементов и пр.). Иллюстрации, созданные в других программах, заимствованные из сети Интернет или сканированные, помимо вставки в текст, прилагаются к статье отдельными файлами в том формате, в котором были созданы или скачаны (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr и др.).

4.3. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого в статье.

4.4. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

Basic requirements for the design of articles manuscript for publication to the scientific journal “Sociology and Law”

1. Contents

- 1.1. Author's full name in Russian and in English.
- 1.2. The headline of the article in Russian and in English.
- 1.3. Summary (6–8 sentences).
- 1.4. List of keywords (5–7 words and phrases separated by semicolon).
- 1.5. Bibliographic UDC identifier.
- 1.6. Information about the author(s): office address with zip code (or place of studies for post-graduate students), e-mail, ORCID id, degree, academic rank, position and honors.
- 1.7. List of references.

2. Text layout

2.1. The size should not be less than 0.4 and not more than 1 author's sheet (1 author's sheet includes 40,000 typographical units with gaps).

2.2. The text should be MS Word format:

- page size — A4;
- borders — 2 cm;
- type — Times New Roman;
- size — 14;
- line space — 1,5;
- paragraph indention — 1 cm;
- text alignment — edgewise;
- page numbering — at the right bottom of the page.

2.3. Every table should have a heading. Ex.: *Table 1. Comparative analysis*. There should be references for every table in the text.

2.4. For formulae please use MathType. The formulae in the article should be continuously numbered with Arabic figures in parentheses at the far right of the line. The references for the ordinal number of the formulae should also be in parentheses.

3. References

3.1. List of references should be positioned at the very end of the article. The list should contain only those sources which are mentioned in the article. In the text the number of the source should be given in square brackets, the page number should be indicated using commas and dashes. Ex.: [4, p. 112], [5, p. 63, 67], [9, p. 45–47].

3.2. The page size should be given for every publication mentioned in the text. In case you refer to journal, newspaper or digest you should indicate the page number(s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication.

4. Graphics

4.1. All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article with the number and the heading.

Ex.: Fig. 1. The distribution of migration flow in developing countries. There should be references for every picture in the text. Ex.: (fig. 5).

4.2. It should be possible to redact Illustrations from MS Word и MS Exel inserted in the text (to change the type and size, colour, etc.) Illustrations copied from Internet as well as scanned should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr, etc.).

4.3. The size of illustrations shouldn't be less than published in the article.

4.4. The recommended number of illustrations used in the article — not more than three.

